

ИСТОРИЧЕСКАЯ РОССИЯ

АЛЕКСАНДРА ВЕНГЛИНСКАЯ

МОЯ АРМИЯ

Александра Венглинская

МОЯ АРМИЯ

Серия «Историческая Россия»

Полное издание 1.1
12 октября 2026 года

Константин Константинович Рокоссовский
(1896–1968)

Памяти

**Константина Константиновича
Рокоссовского —**

солдата, командира, маршала —
и тех, кто исполнял его приказы
и остался без имени.

Оглавление

Пролог. Моя армия	6
-----------------------------	---

Часть первая. НАРОД СТАНОВИТСЯ АРМИЕЙ 10

Глава 1. Наследство	11
Глава 2. Выбор Родины	21
Глава 3. Под красным знаменем	32

Часть вторая. ШКОЛА БУДУЩЕЙ ПОБЕДЫ 46

Глава 4. Учиться командовать	47
Глава 5. Страна вооружает себя	58
Глава 6. Перед большой войной	69

Часть третья. НЕПОБЕДИМАЯ И ЛЕГЕНДАРНАЯ 82

Глава 7. Выстоять	83
Глава 8. Научиться побеждать	97
Глава 9. Победа народа	112

Часть четвёртая. АРМИЯ И ДЕРЖАВА 126

Глава 10. Сила, удерживавшая мир	127
Глава 11. Жизнь в строю	141
Глава 12. Честь под сокращение	153

Часть пятая. ПРИСЯГА БЕЗ ГОСУДАРСТВА 166

Глава 13. Армия, за которую заставляли оправдываться	167
Глава 14. Как разобрали армию	178
Глава 15. Что осталось от присяги	192
Эпилог. Моя армия	204

Приложения 207

А. Военная присяга: тексты 1918, 1939 и 1947 годов	208
--	-----

Б. Хронология становления и преобразований армии	213
В. Сокращения и обязательства перед увольняемыми	217
Г. Решения 1991–1992 годов: изменение подчинения и раздел	220
Д. Свод источников и примечаний	223
Е. Именной указатель	257

Пролог. Моя армия

24 июня 1945 года по Красной площади прошли сводные полки фронтов. Парадом командовал Константин Константинович Рокоссовский, принимал его Георгий Константинович Жуков. Солдаты, сержанты и офицеры, отобранные из тех, кто дошёл до конца войны, шли к Мавзолею, и у его подножия ложились на брусчатку знамёна разгромленных немецких войск.^{p1}

Строй не мог вместить всех, кому принадлежал этот день. За каждым из идущих оставались погибшие товарищи, госпитали, заводские цеха, эшелоны, города и деревни, из которых он ушёл на войну. Право на этот парад заработала вся страна.

Теперь отсчитаем сорок шесть с половиной лет.

21 августа 1991 года министр обороны СССР подписал приказ о возвращении войск в пункты постоянной дислокации. 24 августа Верховная Рада Украины приняла постановление, подчинившее ей все воинские формирования на территории республики. 25 декабря президент СССР сложил полномочия Верховного Главнокомандующего и передал право на применение ядерного оружия президенту России.^{p3}

Раздел союзной армии не был следствием её разгрома внешним противником. Части стояли в казармах, ракетные расчёты несли дежурство, штабы принимали приказы и исполняли их — в том числе приказы, по которым прекращало существование государство, которому военнослужащие присягали.

Вокруг этого построена вся книга. Как армия, дошедшая до Берлина, была разобрана не в бою, а решениями — и кто эти решения принимал?

Ответ требует времени. Последние три главы посвящены последним годам Союза и тому, что осталось после них.

Остальные — о том, что именно было разделено: какие люди, какая школа и какой труд стоят за словом «армия».

Я называю эту армию — Красную и Советскую — своей. Для меня это принадлежность к Родине, в которой есть общее дело, долг перед другими и благодарность тем, благодаря кому продолжается жизнь. Нельзя отдать этим людям несколько праздничных дней в году, а в остальное время соглашаться, что их убеждения были заблуждением, труд — напрасным, а построенная и защищённая ими страна — случайностью.

Такая принадлежность обязывает. Она требует знать, как армия возникла, чему училась, что смогла сделать и какой ценой. Требуется различать талант и должность, дисциплину и унижение, военную необходимость и удобство начальства. Уважение к армии начинается с уважения к существу её труда.

За победой в бою стоит решение, принятое вовремя. Кто-то добыл сведения о противнике и проверил их, рассчитал время движения и расход боеприпасов, довёз горючее, восстановил связь, принял раненых. Командир соединил эту работу в замысел и ответил за людей, которым приказал идти вперёд. Здесь храбрость встречается со знанием, а ошибка измеряется жизнью. Поэтому в этой книге много школ, заводов и штабов.

Слово «непобедимая» дорого мне потому, что я знаю о поражениях. Между отступлением сорок первого года и Берлином лежали учёба, исправленные ошибки и труд, о котором редко рассказывает парадная хроника. Если убрать из этой истории тяжесть испытания, исчезнет и мера совершённого.

На высоте этой армии для меня стоит Рокоссовский. Его путь начался солдатской службой в Первую мировую войну, прошёл через Гражданскую войну и командирскую учёбу. В августе 1937 года он был арестован по ложному обвинению, в котором я вижу отголосок внутрипартийной борьбы тех лет; в марте 1940-го освобождён и полностью

восстановлен в правах. Затем были 16-я армия, битва за Москву, Сталинград, Курская битва, Белорусская операция — и Парад Победы.^{p2}

Я посвящаю книгу ему — солдату, командиру, маршалу. Он нужен мне как мера, по которой можно судить командира: что тот умеет, за что отвечает, способен ли мыслить самостоятельно и понимает ли цену своего решения. Высокое звание придаёт такой ответственности масштаб. Само по себе оно её не создаёт.

Рядом с маршалом в книге будет солдат, имени которого мы не знаем. Один оставил имя в истории, другой лишён даже возможности быть названным. Память об армии нуждается в обоих. Решение полководца обретает смысл в действии тех, кто его исполняет; солдат доверяет командиру жизнь, и в этом доверии заключено нравственное содержание военной профессии.

Военная сила существует внутри государства и подчиняется его устройству. Политическое руководство определяло цели, распределяло средства, назначало командующих. Но между приказом и его последствиями всегда оставались люди со своей волей. Один добивался выполнимой задачи, другой соглашался с заведомо плохим решением; один защищал подчинённых, другой перекладывал на них свою ответственность. Эти различия важны и на войне, и в годы, когда судьбу армии решают за столом.

Как я буду писать. Рассказ опирается на людей и документы: экзамена, приказа, письма, строки из устава. Рассказ о 1991 году идёт по датам: кто подписал, на каком основании, какие возможности были у командования и как ими распорядились. Объяснение, по которому огромная страна «просто перестала существовать», оставляет действовавших людей за кадром. Меня оно не устраивает. Где документа нет, я скажу, что его нет.

Здесь проходит моя граница. Я не отказываюсь от этой армии из-за того, что её государство было разрушено. И не

считаю благодарность помехой суждению: она требует разобраться внимательнее — кому мы обязаны жизнью, что позволило им выполнить долг и почему созданное ими оказалось в чужом распоряжении.

Начинать надо не с парада. Осенью 1907 года будущий начальник Генерального штаба Борис Шапошников сдаёт экзамен в императорской академии и ошибается в переводе французской фразы о Наполеоне. Он служит прежнему государству и не знает, что будет служить другому. Как и все, кто потом пройдёт по Красной площади, он не знает, чем это кончится.

Часть первая. НАРОД СТАНОВИТСЯ АРМИЕЙ

Глава 1. Наследство

На вступительном экзамене в Академию Генерального штаба Борис Шапошников, будущий начальник Генерального штаба, ошибся в переводе с французского. В его изложении у Наполеона появилась «ездящая пехота». Смысл был другой: пехотинцев посадили на лошадей, чтобы перебросить в нужное место. Экзаменатор указал на ошибку, поступающий исправился, но отметку ему снизили.¹⁻¹

Ошибка была в понимании действия. Пехота, переброшенная верхом, оставалась пехотой; от способа передвижения зависело, как скоро она окажется там, где нужна. Военный перевод требовал знания профессии.

Осенью 1907 года Шапошников поступал в императорскую академию. До появления Красной армии оставалось больше десяти лет. Он ещё не мог знать, что будет служить другому государству и готовить решения для другой войны. Но способность разбирать обстановку, точно выражать мысль и отвечать за её практический смысл приобретал уже тогда.

История моей армии начинается и здесь — за письменным столом офицера, который учится своей профессии в прежней России.

Знание, которое нельзя объявить заново

Красная армия возникла в результате революции. Её политические цели, представление о власти и общественный смысл службы отличались от императорских. Однако военное дело нельзя было создать заново одним решением. Вместе с людьми в новую армию вошли умение обращаться с оружием, опыт управления частями, штабная работа, навыки снабжения и обучения. Всё это было приобретено раньше.

Чтобы увидеть такую преемственность, достаточно задать простой вопрос: откуда новый командир знает, как выполнить свою задачу?

Допустим, ему приказано занять рубеж к определённом часу. Между приказом и исполнением сразу возникает множество обстоятельств. Надо выяснить, сколько времени потребуется на сбор, какой дорогой пойдут подразделения, пропустит ли мост артиллерию, где взять проводников, чем кормить людей и лошадей, как известить соседей об изменении положения. Если одна колонна перекроет путь другой, расчёт нарушится. Если донесение опоздает, начальник будет принимать решение по уже несуществующей обстановке.

Новая власть может поставить новую цель. Умение провести людей к этой цели приходится получать у тех, кто уже владеет профессией, а затем развивать собственным трудом.

В русской армии существовали разные способы понимать службу. Один требовал от подчинённого прежде всего внешней исправности. Другой добивался, чтобы человек знал своё дело и понимал задачу. Между ними шёл спор, часто скрытый под одинаковой формой и одинаковыми словами о дисциплине.

Суворовское требование понимать свой манёвр принадлежало второй традиции. Показательно, что оно вошло и в ранний красноармейский обиход. Военный историк Георгий Караев, разбирая изданную Военным отделом ВЦИК в 1918 году служебную книжку красноармейца, приводит среди её правил: «Всякий воин должен понимать свой маневр».¹⁻² Советская армия обращалась к этому наследству уже при своём рождении.

Понимание задачи придаёт дисциплине особую прочность. Человек способен продолжать действие, когда обстановка изменилась, связь прервалась или рядом больше нет начальника. Он знает, ради чего был отдан приказ. Конечно, такое понимание требует подготовки и

не отменяет подчинения. Оно повышает требования и к командиру: объяснить смысл бывает труднее, чем потребовать молчания.

Здесь находится одна из самых дорогих мне черт русской военной традиции — уважение к способности солдата думать. В тяжёлую минуту армия зависит от его решения гораздо больше, чем предполагает человек, знакомый со службой только по параду.

Солдат прежде командира

В 1914 году Константин Рокоссовский добровольно вступил в русскую армию и оказался в Каргопольском драгунском полку. Первая мировая стала началом его военной жизни; в ней он получил опыт кавалерийской службы, разведки и боя.¹⁻³

Рокоссовский начинал рядовым добровольцем. Ему предстояло овладеть ремеслом и занять своё место среди других солдат. В этой школе службу узнавали со стороны человека, которому приказывают.

Кавалерия особенно наглядно связывает личное мастерство с повседневной ответственностью. Всадник должен владеть оружием, ориентироваться и сохранять силы своего коня. Плохой уход за животным способен сорвать задачу так же надёжно, как неумелое действие в бою. Здесь невозможно надолго отделить исполнение приказа от состояния снаряжения, выносливости и привычки замечать мелочи.

Один из первых боевых эпизодов Рокоссовского зафиксирован в наградном приказе по 9-й армии от 28 октября 1914 года. У деревни Ястржем он, находясь дозорным в разъезде, попал в неприятельскую засаду. Прорвавшись к своим после схватки с немецким кавалеристом, Рокоссовский предупредил об опасности. За этот поступок его наградили Георгиевским крестом 4-й степени.¹⁻⁴

В наградном описании существен конец: «пробился к своей части и предупредил ее о засаде». Разведывательная задача завершалась возвращением со сведениями. Дозорный мог первым обнаружить противника, но пользоваться этим знанием предстояло всему разьезду. Поэтому умение владеть оружием и выбраться из опасного положения приобретало общий смысл: от действий одного зависело, что будут знать и как поступят остальные.

Для будущего командира такой опыт сохранял профессиональное значение. Приказывая вести разведку, нужно представлять работу человека, которого посылаешь вперёд: что он способен увидеть, как вернётся, когда его сведения дойдут до тех, кто принимает решение. Здесь проходит связь между солдатским действием и управлением войсками. Одним боем нельзя объяснить позднейшее мастерство Рокоссовского. Но уже в начале его службы видна работа, которую командованию необходимо понимать и обеспечивать.

Это важное свойство военного опыта: многие вещи человек узнаёт телом раньше, чем научится выражать их словами. Он понимает, что значит усталость после перехода, сколько занимает простейшее действие под огнём, как меняется поведение людей при неожиданности. Впоследствии командир может сохранить это знание, а может вытеснить его привычкой смотреть на подразделение только через донесения.

Георгий Жуков пришёл в кавалерию по призыву в 1915 году. В воспоминаниях он подробно описал обучение, зависимость новобранца от младших начальников, первые впечатления от армейского порядка. Его рассказ сохраняет и унижительную сторону казарменной жизни, и приобретение необходимых навыков. Школа унтерофицера, затем фронт дали ему первый опыт военной ответственности.¹⁻⁵

Унтер-офицер — младший начальник старой армии — находился близко к солдату. Через него повседневное

требование становилось практикой: он учил, проверял, добивался исполнения. От его умения и характера зависело, будет ли новобранец понимать службу или только бояться очередного взыскания.

Для будущих советских командиров эта ступень имела особое значение. Между приказом сверху и исполнением внизу они прежде стояли сами. Им были знакомы и солдатская зависимость, и первые трудности руководства людьми. Никакой гарантии справедливости такая биография не давала. Она давала опыт, которым можно было воспользоваться.

Народный характер будущей армии складывался, в частности, из того, что командование становилось делом людей, знавших нижние ступени службы. Это не освобождало их от дальнейшей учёбы. Руководить небольшим подразделением и управлять армией — задачи разного масштаба. Но солдатское прошлое помогало помнить, что за численностью части стоят живые люди, у каждого из которых есть предел сил.

Штаб рядом с войсками

Солдатский опыт и штабное образование входили в новую армию разными путями. Соединить их предстояло в одной системе управления.

Шапошников, объясняя свой дореволюционный выбор службы в дивизионном штабе, писал: «Мне хотелось быть поближе к войскам». Старший адъютант штаба дивизии занимался оперативными и мобилизационными вопросами, участвовал в организации боевой подготовки. Название должности сегодня может ввести в заблуждение: речь шла о профессиональной штабной работе, непосредственно связанной с состоянием и действиями частей.¹⁻⁶

Такой офицер обязан одновременно видеть подробности и целое. Командир подразделения знает свой участок; штаб должен соединить сведения многих участков и

обнаружить несовместимость прежде, чем она обернётся неудачей. На одной дороге могут сойтись несколько колонн. Один резерв могут мысленно использовать сразу два начальника. Успех соседа может открыть возможность, о которой ещё не знает командующий.

Поэтому точность в штабе имеет нравственное значение. Неясный приказ передаёт неопределённость вниз, человеку, у которого меньше времени и меньше сведений. Ошибка в расстоянии превращается в опоздание. Завышенная оценка боеспособности — в задачу, для которой у части уже нет сил. Оставленная без внимания заявка — в нехватку боеприпасов в решающий час.

На карте всё это выглядит отвлечённо. В бою у каждого просчёта появляются имена.

Школа Генерального штаба была одним из важнейших видов наследства, которым предстояло воспользоваться Красной армии. Она давала язык для описания сложной обстановки и методы её расчёта. Но само образование ещё не гарантировало верного решения. Офицер мог знать положенный ответ на учебную задачу и растеряться перед действительностью, которая не укладывалась в знакомое условие.

Насколько достоверны донесения? Почему противник действует иначе, чем ожидалось? Сохранил ли смысл первоначальный приказ? Мне кажется особенно важным, чтобы вместе со знаниями новая армия наследовала способность задавать такие вопросы и отвечать на них по существу, даже если ответ неудобен начальству. Так проверяется передача школы: люди умеют разобраться в изменившейся обстановке.

Испытание мировой войной

Первая мировая резко увеличила цену ошибки. Массовые армии требовали длительного снабжения, согласованных перевозок и постоянного восполнения потерь. Позиционная оборона соединяла окопы, заграждения, пулемётный и артиллерийский огонь. Смелости наступающих было недостаточно, чтобы преодолеть эту систему.

В воспоминаниях о кампании 1915 года Брусилов описывал слабо оборудованные позиции, трудности управления и истощение кадрового состава. Он отмечал, что в частях оставалось мало кадровых офицеров и солдат.¹⁻⁷ За этим стояла потеря людей, которые не только умели воевать сами, но и могли обучать пополнение.

Такая потеря опаснее, чем показывает простое сравнение численности. Новые люди способны заполнить строй, однако привычка действовать совместно появляется не сразу. Надо научиться понимать команды, доверять соседу, различать угрозы, выполнять свою работу без постоянного напоминания. Опытный солдат поддерживает подразделение множеством малых действий, которые редко попадают в описание сражения.

Чем быстрее война расходует подготовленных людей, тем больше времени требуется на восстановление боеспособности. Но именно времени под давлением противника обычно и не хватает. Начальство получает замкнутый круг: неподготовленное пополнение несёт потери, потери требуют нового пополнения, а возможность учить сокращается.

Для будущей Красной армии это было тяжёлое наследство. Она получила опыт мировой войны вместе с последствиями истощения прежней армии. Сохранить опыт означало удержать его носителей и добиться, чтобы пережитое стало предметом учёбы. Рассказ о храбрости мог вдохновить. Для подготовки командира требовалось

ещё выяснить, какие действия помогли, какие оказались бесполезными и почему.

Русская армия умела извлекать уроки. Наступление Юго-Западного фронта в 1916 году показывает способность менять способ действия внутри той же армии, которая годом раньше пережила тяжёлое отступление.

В своих воспоминаниях Брусилов объяснил замысел подготовки ударов на нескольких участках. При одном ясно обозначившемся месте наступления противник успевал сосредоточить там резервы. Подготовка нескольких ударов затрудняла такой манёвр. Главным было лущкое направление, однако прочие армии тоже должны были действовать активно. Брусилов признавал цену своего решения: на основном участке оставалось меньше сил, чем при их сосредоточении для единственного удара.¹⁻⁸

Здесь важна сама форма профессионального рассуждения. Командующий видит преимущество своего решения вместе с его издержкой. Он выбирает применительно к обстановке. Готовность отвечать за такой выбор составляет существенную часть полководческого мастерства.

Наступление началось 22 мая по старому стилю, 4 июня по новому. Его подготовка включала разведку обороны, уточнение артиллерийских задач и согласование действий пехоты с артиллерией. Исследователь Олег Ащеулов приводит требование Брусилова ставить задачи «точно и определено». Общая команда обстрелять высоту не заменяла указания конкретной цели. На участках успешного прорыва разведка и корректировка позволяли артиллерии проделывать проходы в заграждениях и поддерживать движение пехоты.¹⁻⁹

Здесь ошибка, подобная экзаменационной неточности Шапошникова, могла уже стоить жизни: артиллеристу и пехотинцу предстояло действовать по одному замыслу, одинаково понимая задачу.

Техническая подробность становится человеческой. Вовремя подавленная огневая точка позволяет пехоте пройти дальше. Правильно определённая цель сокращает бесполезный расход снарядов. Надёжная связь даёт возможность исправить первоначальный расчёт. За каждым таким результатом стоит подготовка, которую наблюдателю легко не заметить.

Победа рождается из соединения множества компетенций. Фамилия командующего закрепляется за операцией, но её исполнение требует работы штабистов, артиллеристов, сапёров, связистов, разведчиков, младших начальников. Они и составляют военную школу в действии.

Что предстояло наследовать

К 1917 году за людьми русской армии стоял неординарный опыт. Одни прошли академию, другие научились руководить товарищами в полку. Одни лучше знали манёвренный бой, другие — устройство обороны и артиллерийскую подготовку. Кто-то обладал редкой технической специальностью. Эта разница была ресурсом: новая армия нуждалась в знаниях на всех уровнях.

Вместе с полезным опытом сохранялись и опасные привычки. Власть над подчинённым можно было понимать как обязанность научить и обеспечить, а можно было пользоваться ею для утверждения собственной значительности. Чин позволял требовать исполнения; он же мог ограждать некомпетентность от вопроса снизу.

Поэтому наследство нуждалось в отборе. Нельзя было отвергнуть профессиональное знание на том основании, что оно приобретено при прежнем строе. Нельзя было и принять любую старую практику только потому, что она давно существовала. Мерой оставалась её способность готовить людей к войне, сохранять боеспособность и обеспечивать выполнение задачи.

Позднее Жуков вспомнит разговор 1923 года о подготовке конницы. В его изложении прозвучало признание: «Учим подчиненных так, как учили нас в старой армии». За ним следовала мысль о необходимости дать командирам современное понимание военного дела.¹⁻¹⁰ В этой короткой фразе видны и реальность преемственности, и её предел. Первого полученного знания хватало, чтобы начать учить. Для дальнейшего роста требовалось больше.

Прежняя школа давала исходный запас. Советской армии предстояло расширить доступ к военному образованию, вырастить собственные кадры, освоить новые средства войны и превратить отдельные умения в систему. Это станет огромной самостоятельной работой. Её значение яснее, когда известно, с чего она начиналась.

Для меня признание русского военного наследства укрепляет понимание Красной армии. Народ, совершивший революцию, сохранял накопленные способности защищать свою страну. Солдатский опыт и научная мысль принадлежали его истории. И люди, решившие передать их новой армии, обеспечивали продолжение того, что иначе могло быть утрачено.

Однако знания не переходят от одного государства к другому сами собой. Учебник надо кому-то открыть, курс — прочитать, приказ — составить, подразделение — обучить. За каждым таким действием стоит человек, которому предстоит решить, кому он будет служить.

До революции этот вопрос можно было не отделять от привычного порядка жизни. Теперь привычный порядок рушился. Родина оставалась, власть менялась, прежняя армия распадалась, а военное ремесло ещё сохранялось в памяти и руках её людей.

Что они сделают со своим знанием — становилось вопросом будущего страны.

Глава 2. Выбор Родины

30 мая 1920 года в «Правде» появилось обращение к бывшим офицерам. Под ним стояла подпись Алексея Алексеевича Брусилова. Генерал, с именем которого Россия связывала своё крупнейшее наступление в мировой войне, призывал идти в Красную армию и «служить там не за страх, а за совесть».²⁻¹

В этих словах заключался ответ на вопрос, который революция поставила перед каждым военным человеком. Прежнее государство исчезло. Армия, где прошла его жизнь, распалась. Служебная лестница, присяга, отношения с начальниками и подчинёнными — всё, что прежде определяло место офицера, — перестало давать бесспорный ответ: где теперь его долг?

Но страна оставалась. В ней жили люди, которых надо было защищать. В ней находились города, железные дороги, заводы и поля. На этой земле предстояло растить детей и хоронить родителей. Россия не могла ждать, пока каждый окончательно разберётся со своим отношением к революции.

Так возникал выбор, который невозможно понять по одному дореволюционному послужному списку. Одинаковое образование приводило людей в разные армии. Сходное происхождение не делало их политическими единомышленниками. И даже принадлежность к одному лагерю в начале Гражданской войны не всегда определяла всю дальнейшую жизнь.

В истории моей армии особенно важны люди, сумевшие связать профессиональный долг с жизнью страны после крушения привычного мира. Их решения складывались в разное время и при разных обстоятельствах. За каждым стояла собственная биография. Брусилов, Шапошников, Сергей Каменев и Слащёв не составляли кружка

единомышленников. Тем значительнее то, что их знания в итоге оказались нужны одному военному делу.

Брусилов. Подпись под обращением

Весной 1920 года шла война с Польшей. 1 мая Брусилов предложил привлечь людей с большим военным опытом к обсуждению мер обороны. Вскоре он возглавил Особое совещание при главнокомандующем вооружёнными силами Республики. Затем последовало публичное обращение к офицерам.²⁻¹

Последовательность существенна: сначала предложение работать, затем принятие обязанности, затем призыв к другим. Брусилов обращался к людям своего профессионального круга уже с определённой позиции. Он признавал необходимость службы в существующей Красной армии, с назначением туда, где советское правительство сочтёт нужным использовать офицера: на фронт или в тыл.

Военный человек хорошо понимает смысл такого согласия. Оно означает готовность принять конкретную должность, подчиняться установленному командованию и отвечать за исполнение приказа. Сочувствовать обороне страны из собственного кабинета гораздо легче. Брусилов звал участвовать в ней.

Для известного полководца публичность этого шага имела особую цену. Его имя принадлежало истории старой армии. Подпись нельзя было представить случайностью, незаметной уступкой обстоятельствам. Она давала другим офицерам основание для решения: если службу принял Брусилов, значит, профессиональная честь и работа в Красной армии могут быть соединены.

Разумеется, одна подпись не могла устранить взаимного недоверия. Само обращение не доказывает, сколько человек поступило на службу под его влиянием и что каждый из них чувствовал. Его значение в другом: перед нами открыто сформулированная позиция старшего

русского военачальника. Защита России требовала от него действовать вместе с новой властью.

Брусилов затем работал в области коннозаводства и коневодства, занимал должность инспектора кавалерии РККА.²⁻¹ Здесь за громким именем вновь проступает повседневная военная работа. Конница нуждалась в подготовленных людях и лошадях, в организации и профессиональном надзоре. Славу прежних побед можно было хранить как личную собственность. Накопленное знание можно было передать тем, кому предстояло служить дальше.

Я вижу в этом решении важную для всей нашей истории меру ответственности. Человек вправе тяжело переживать гибель знакомого ему порядка. Но страдание само по себе ещё не отвечает на вопрос, что он сделает для живых. Брусилов дал свой ответ службой.

Шапошников. Вернуться к работе

У Бориса Михайловича Шапошникова переход к новой службе не сопровождался столь известным публичным обращением. Его путь особенно ясно виден в коротких строках хронологии.

В январе 1918 года он был эвакуирован с фронта по болезни. В марте, при демобилизации, уволен в бессрочный отпуск. В апреле поступил секретарём народного суда в Казани. 22 мая добровольно вступил в Красную армию и получил назначение в Оперативное управление Штаба Высшего военного совета.²⁻²

Несколько месяцев вместили фронт, болезнь, увольнение, гражданскую должность и возвращение к военному делу. Здесь нет позднейшей стройности маршалского портрета. Есть офицер, чья прежняя служба прервалась и который нашёл место в создававшейся армии.

Секретарь суда — вполне определённая возможность начать другую жизнь. Поэтому майское решение нельзя растворить в формуле, будто все бывшие офицеры автоматически перешли из одного ведомства в другое. Для Шапошникова между двумя армиями существовал разрыв. Он его преодолел.

Осенью 1919 года Шапошников возглавил Оперативное управление Полевого штаба Реввоенсовета Республики. В партию он вступил значительно позднее, в 1930 году.²⁻² Эти даты не раскрывают всех его убеждений, но позволяют точно увидеть соотношение службы и партийной принадлежности. Ответственную штабную работу ему поручили задолго до получения партийного билета.

Для молодой армии это было практическим решением. Оперативное управление должно сводить сведения с разных направлений, готовить расчёты и распоряжения, следить за изменениями обстановки. Ошибка здесь распространяется дальше одного участка фронта. Плохо рассчитанная переброска лишает войска подкрепления именно тогда, когда оно необходимо. Неточное представление о силах противника превращается в неверно поставленную задачу.

Такую работу нельзя освоить одним признанием политической правоты своего дела. Шапошников принёс в неё академическую подготовку и опыт мировой войны. Красная армия дала этому опыту новую область применения. Отношения между специалистом и государством становились проверяемыми: что поручено, что подготовлено, насколько расчёт соответствует действительности.

У этого выбора была своя строгая скромность. Штабная работа редко имеет тот внешний блеск, который достаётся победителю на поле боя. Её результат распределён между многими людьми. Хорошо составленное распоряжение затем исполняют командиры, связисты, железнодорожники, начальники снабжения. Имя

составителя может остаться неизвестным солдату, чья жизнь зависит от своевременного подхода резерва.

Для меня в судьбе Шапошникова дорого именно это понимание службы: человек остаётся нужным стране своим делом. Прежнее звание не освобождает его от обязанности работать в новых условиях. Полученная когда-то школа продолжает жить в решениях, которые он готовит теперь.

Сергей Каменев. Ответственность главнокомандующего

Сергей Сергеевич Каменев пришёл в Красную армию в апреле 1918 года. В императорской армии он был полковником Генерального штаба. Уже в годы Гражданской войны ему предстояло занять высшую должность оперативного военного руководства: с 1919 по 1924 год Каменев был главнокомандующим вооружёнными силами Республики.²⁻³

Сам масштаб назначения многое говорит о месте бывших офицеров в новой армии. Их привлекали к работе, от которой непосредственно зависел исход войны. Главнокомандующий отвечал за согласование действий фронтов. На этом уровне недостаточно хорошо понимать положение одной армии. Приходится решать, куда направить ограниченные силы, где продолжать наступление и где потребовать выдержки от войск, которым пока нельзя помочь.

Ещё до назначения главнокомандующим Каменев решал подобные задачи на Восточном фронте. 25 июня 1919 года командующий Южной группой Михаил Васильевич Фрунзе направил ему из Самары донесение. Требование фронтового командования — быстро разгромить противника на уральско-оренбургском участке — заставляло сосредоточивать там ограниченные силы группы. Фрунзе предупреждал: плохие пути сообщения, большие расстояния и сопротивление противника сделают

операцию длительной. Пока главные силы будут заняты на юге, надо обеспечить другой участок — от пристани Табынск до Оренбурга, который занимали две бригады слабой, по его оценке, 20-й дивизии.²⁻⁴

Раньше безопасность этого участка Фрунзе связывал с сильной ударной группой на уфимском направлении. Теперь оттуда выводили три дивизии, главные силы 5-й армии продолжали двигаться на северо-восток, а Южная группа готовилась надолго связать свои силы операциями на юге. Между расходившимися усилиями армий возникала опасность для центра и левого фланга 1-й армии. Фрунзе подкреплял своё предупреждение данными разведки о прибытии четырёх полков корпуса генерала Галкина. Свободных подготовленных частей у него не было: оставались два татарских полка, ещё не обученных для боя, без вооружения и обмундирования.²⁻⁴

Просьба состояла из двух конкретных мер. Фрунзе добивался временной задержки под Уфой 31-й дивизии: продолжение активных действий на этом направлении он считал лучшим обеспечением своего участка. Одновременно требовал немедленно прислать вооружение и снаряжение татарским полкам, частям Самарского укрепленного района и полкам 3-й бригады 35-й дивизии. Под донесением стояли также подписи членов Реввоенсовета Шалвы Элиавы и Валериана Куйбышева.²⁻⁴

Это уже предмет военного решения. Оставить дивизию на месте — значит на время отказаться от её использования там, куда её собирались направить. Считать невооружённые полки резервом — значит принять число людей за готовую боевую силу. Каменеву предстояло соотнести потребности Южной группы с задачами всего фронта. Для такого решения были нужны и сведения подчинённого, и его возражения.

26 июня Фрунзе снова донёс об опасной растянутости 20-й дивизии. Выполнение приказа Каменева о выдвижении её 3-й бригады уступом за 24-ю дивизию, по

его оценке, угрожало разрывом боевой связи внутри самой 20-й. Он вновь указывал на сосредоточение противника у её стыка с Оренбургским районом.²⁻⁵ Предупреждение повторялось в ходе исполнения приказов: командующий группой отвечал и за назначенное действие, и за своевременное сообщение об опасности.

Каменев и Фрунзе пришли к совместной работе разными путями. Один принёс подготовку кадрового штабного офицера, другой — опыт революционной деятельности и командования в новой армии. В их служебных отношениях политическое различие биографий должно было уступить место разбору общей задачи: где удержать подготовленные части, чем вооружить пополнение, как не оставить соседний участок без поддержки.

Эти донесения показывают содержание профессионального спора. Они не превращают сотрудничество в полное единодушие. Армии требовался порядок, при котором подчинённый исполняет приказ и одновременно сообщает начальнику то, что необходимо для его проверки. Иначе молчаливое согласие могло обойтись войскам дороже открытого возражения.

Назначение Каменева главнокомандующим означало и доверие, и обязанность это доверие оправдывать. Его служба продолжалась после завершения основных боёв Гражданской войны. Позднее он занимал руководящие должности в Реввоенсовете СССР и в противовоздушной обороне.²⁻³ Бывший полковник оказался участником длительного строительства советских вооружённых сил.

Революция изменила политический смысл армии и основания власти в ней. Вместе с тем армия должна была ежедневно доказывать способность действовать. В судьбе Каменева эти две стороны её рождения соединяются особенно отчётливо: новое государство доверило общее военное руководство человеку, подготовленному старой военной школой.

Слащёв. Возвращение после войны

С Яковом Александровичем Слащёвым в эту историю входит другой опыт. Он воевал против Красной армии, командовал белыми войсками в Крыму, пережил разрыв с Врангелем и эвакуацию в Турцию. В ноябре 1921 года вернулся в Советскую Россию. В июне 1922 года поступил на службу в РККА преподавателем тактики школы «Выстрел».²⁻⁶

Уже эта последовательность не позволяет поставить его рядом с Шапошниковым без объяснений. Между прежней и новой службой Слащёва лежала вооружённая борьба. Красные командиры могли судить о его способностях по действиям противника, которого им приходилось преодолевать. Предстояло принять в качестве преподавателя человека, ещё недавно стоявшего по другую сторону фронта.

Слащёв и сам не изображал свой путь прямым. Во введении к книге «Крым в 1920 году», вышедшей в 1924 году, он предупреждал о пристрастности участника событий и писал о своей идеологии, «потерпевшей страшный излом».²⁻⁷

Эти слова заслуживают внимания без попытки угадать за автора всю его внутреннюю жизнь. Он признавал перелом собственных представлений. В заключении книги Слащёв связывал поражение белого дела с его социальной основой и зависимостью от внешних сил.²⁻⁸ Это его оценка после возвращения, высказанная в советском издании. Она даёт возможность услышать, как он объяснял пройденный путь, но не отменяет необходимости проверять его суждения о других людях.

Возвращение Слащёва ставило трудный вопрос перед обеими сторонами. Чему обязан научиться человек, который согласился принять бывшего врага? Прежде всего — отделять знание, нужное армии, от желания никогда больше не встречаться с его носителем. Это требование

нельзя считать лёгким. Гражданская война оставляла погибших товарищей, разрушенные семьи и личные счёты.

Самому преподавателю предстояло отдавать опыт той армии, победы которой прежде означали его поражение. В этом заключался вполне конкретный смысл новой службы. Разбор тактической задачи должен был помогать красному командиру. Успех ученика становился целью работы бывшего белого генерала.

У Слащёва уже имелся довоенный преподавательский опыт: с 1912 года он преподавал тактику в Пажеском корпусе.²⁻⁶ Поэтому его появление в «Выстреле» нельзя объяснить только громкостью имени или необычностью биографии. Армия получала человека, который знал бой и умел заниматься подготовкой офицеров. Подробная история этой школы ещё впереди. Здесь важно само решение: боевой опыт возвращённого противника признали пригодным для обучения своих командиров.

Такое признание не стирало прошлого. 11 января 1929 года Слащёв был убит в своей квартире. Лазарь Коленберг объяснял убийство мстью за брата. В его показаниях, опубликованных по материалам следственного дела, речь идёт о казни в Николаеве в ноябре 1919 года. Вдова Слащёва, напротив, подозревала, что убийца действовал в согласии с кем-то. Это свидетельства разных участников; ни заявленный мотив, ни подозрение вдовы сами по себе не доказывают всех обстоятельств преступления.²⁻⁹

Гибель Слащёва не позволяет закончить его историю успокоительной картиной общего примирения. Но она не отменяет содержания его новой службы: человек вернулся, получил работу, передавал знания красным командирам. Принимая бывшего противника, армия признавала ценность его опыта. Это решение не могло само по себе снять тяжесть Гражданской войны с памяти её участников. Оценивать преподавательский труд Слащёва и устанавливать причины его убийства приходится по разным свидетельствам.

Люди для общего дела

В этих четырёх судьбах особенно ясно видно, почему история армии не укладывается в перечень происхождений и прежних чинов. Брусилов обращался к старому офицерству с высоты своего авторитета. Шапошников вернулся к штабной работе после демобилизации. Каменев принял ответственность за руководство вооружёнными силами Республики. Слащёв пришёл к преподаванию после поражения армии, в которой воевал против красных.

Из этого нельзя вывести, что каждый бывший офицер сделал свободный и одинаково осознанный выбор. Создание командного состава Красной армии включало и добровольное поступление, и мобилизацию; исследование А. Г. Кавтарадзе рассматривает оба пути привлечения военных специалистов.²⁻¹⁰ Обстоятельства службы требовали отдельного изучения в каждой биографии. Достоинство добровольного решения становится понятнее, когда мы не приписываем его всем без разбора.

Для новой власти сотрудничество со старой военной школой также требовало решения. Можно провозгласить разрыв с прежним общественным устройством. Воевать при этом всё равно приходится с учётом расстояний, времени, снабжения и состояния людей. Подготовленный командир нужен не ради уважения к его бывшему чину. Он нужен солдатам, за которых отвечает.

Здесь возникает взаимное обязательство. Специалист принимает задачу нового государства и отвечает за честность своей работы. Государство предоставляет ему место, полномочия и возможность применить знание. Общее дело становится действительным, когда обе стороны выполняют свою часть.

Для меня мерой верности здесь служит то, что человек делает для своего народа: кого защищает, какие знания передаёт, за чью жизнь принимает ответственность. Брусилов звал к обороне страны; Шапошников и Каменев

создавали действующее управление; Слащёв учил командиров армии, которой прежде противостоял. Их выбор приобретал смысл в этой работе. Им нельзя заранее оправдать любую последующую перемену службы: всякий новый поступок требует ответа на те же вопросы. Сохраняет ли он способность страны защищать своих людей, продолжает ли общее дело — или помогает его разрушению?

Я не могу представить историю моей армии без этих людей. Вместе с ними в неё вошло многое из того, что Россия выучила прежде ценой огромного труда и тяжёлых войн. Но одного сохранённого опыта было мало. Он должен был соединиться с людьми, которых революция впервые выдвинула к командованию, с новой солдатской массой, с новой государственной задачей.

За личным решением вступить в строй следовал общий вопрос: как сделать из людей, пришедших разными дорогами, армию, способную действовать вместе? Требовались порядок назначения командиров, обучение, снабжение, дисциплина и ответственность за приказ. Выбор Родины получал продолжение в ежедневной службе под красным знаменем.

Глава 3. Под красным знаменем

Весной 1918 года от красноармейца требовали дать обещание, в котором рядом с готовностью защищать республику стояли слова: «добросовестно изучать военное дело».³⁻¹

Эта короткая строка многое говорит о рождении новой армии. Мужество предполагалось. Преданность делу требовалась. Но человек, взявший винтовку, должен был ещё научиться воевать. И принять обязанности перед другими людьми: исполнить приказ, сохранить оружие, не бросить товарища, не превратить вооружённую силу в право на произвол.

Формулу торжественного обещания ВЦИК утвердил 22 апреля. До этого, 15 января по старому стилю — 28 января по новому, — Совнарком принял декрет о создании РабочеКрестьянской Красной армии.³⁻² Между провозглашением армии и её действительной способностью защищать страну лежала огромная работа. Предстояло соединить людей, оружие, командование и снабжение так, чтобы приказ, отданный в штабе, мог быть исполнен на фронте.

В январском декрете новую армию мыслили и как защиту советской власти, и как основу будущего всенародного вооружения. Историческая перспектива казалась иной, чем та, которая вскоре потребовала многолетней регулярной службы. Однако уже сам декрет устанавливал верховное руководство Совнаркома и непосредственное управление через военное ведомство. Вооружённые люди должны были подчиняться общему государственному решению.³⁻²

Так с самого начала в Красной армии встретились революционная надежда и военная необходимость. Их соединение оказалось труднее любого провозглашения.

Прийти добровольно — принять обязанность

В раннюю Красную армию вступали по рекомендациям войсковых комитетов, советских общественных, партийных и профессиональных организаций. Декрет допускал и поручительство двух членов таких организаций. При вступлении целой части предусматривались круговая порука и поимённое голосование.³⁻²

За этими правилами виден способ первоначального отбора. Человека должна была знать среда, из которой он приходил. Его готовность защищать новую власть подтверждалась связью с товарищами. Рабочая организация или солдатский коллектив ручались за того, кому предстояло получить оружие.

Но поручительство не заменяет подготовки. Оно не сообщает, умеет ли доброволец вести разведку, пользоваться укрытием, сохранять направление ночью, ухаживать за конём или устанавливать связь. Даже личная храбрость ещё не делает человека надёжным участником общего действия. Можно отважно броситься вперёд и сорвать задачу подразделения, которому приказано удерживать определённый рубеж.

У добровольческого порыва есть несомненная сила: человек сам приходит туда, где требуется риск. Для армии необходимо продолжение этого решения. Согласившись служить, он принимает обязанность оставаться на назначенном месте и тогда, когда исчезает первое воодушевление. После бессонной ночи, при недостатке еды, в долгом ожидании, при отступлении.

В этом заключается трудная сторона воинского товарищества. Оно требует выдержать не только свою опасность. Надо помнить о людях, которые рассчитывают, что ты исполнишь порученное. Соседний пост предполагает, что твой участок занят. Подразделение ждёт донесения разведчика. Раненого должны вынести те, кому это приказано. Армия держится на таких

обязательствах ещё до того, как получает стройную систему уставов.

Мне важно сохранить в её истории добровольное начало именно в этой полноте. Вступление в строй — поступок. Продолжительная добросовестная служба делает этот поступок надёжной опорой для других.

Восемь недель, которых прежде не было

22 апреля 1918 года был принят декрет об обязательном обучении военному искусству. Для подготовительного и призывного возрастов обучение возлагалось на военное ведомство; организацией на местах должны были заниматься военные комиссариаты. Основной курс определялся в восемь недель, не менее двенадцати часов в неделю. Его предписывалось по возможности совмещать с обычной работой обучающихся.³⁻³

Здесь уже виден другой масштаб задачи. Государство собиралось готовить людей ещё до их отправки в действующие части. Рабочий не обязательно должен был сначала покинуть завод, чтобы получить начальные военные навыки. Между повседневным трудом и фронтом создавалось организованное обучение.

Возрастные и социальные условия были определены прямо. Взрослая призывная группа охватывала мужчин от восемнадцати до сорока лет; к обучению привлекались рабочие и крестьяне, не использовавшие чужого труда. Для женщин предусматривалось участие с их согласия. Людей, уже обучавшихся в регулярной армии, могли освободить от повторного курса после проверки знаний.³⁻³

Это была классовая армия по своему заявленному составу и назначению. Позднейшее представление о единой системе воинской обязанности для всех граждан нельзя механически переносить на весну 1918 года. Новая власть определяла, кому доверяет оружие, и одновременно создавала порядок подготовки этих людей.

Восемь недель не могли дать всего, что требуется солдату на войне. Но назначенный срок менял саму постановку дела. Обучение становилось обязанностью, для которой нужны программа, инструктор и выделенное время. Отдельному человеку уже не предлагали самому решить, достаточно ли он подготовлен.

Практический смысл такого решения легко недооценить. Военное обучение начинается с повторения действий, которые должны стать привычными. Проверить оружие. Правильно передать приказание. Выполнить команду без путаницы. Сохранить порядок движения. На первый взгляд всё это уступает по значительности разговору о наступлениях и победах. Но именно здесь закладывается способность подразделения действовать под огнём.

Обучение давало общую меру. Людей из разных городов и деревень можно было включать в подразделение, предполагая у них хотя бы установленный минимум подготовки. Насколько полно удавалось добиться этого на практике — отдельный вопрос. Сам переход от надежды на личный опыт к обязательной программе был необходимым шагом к массовой армии.

Мобилизация: война становится общей обязанностью

29 мая ВЦИК постановил перейти от добровольческого комплектования к мобилизации рабочих и беднейших крестьян. Военному ведомству отвели неделю на разработку плана принудительного набора для Москвы, Петрограда, Донской и Кубанской областей. При этом требовалось как можно меньше нарушать производственную и общественную жизнь.³⁻⁴

Уже в самом документе признавалась сложность одновременного проведения набора по всей стране. Начинать предлагалось с наиболее угрожаемых областей и главных центров рабочего движения. Это решение

позволяло расширять армию за пределы числа людей, готовых явиться самостоятельно.

Мобилизация меняла отношения между человеком и государством. Теперь обязанность идти в строй могла возникнуть независимо от личного желания. Вместе с добровольцами в части должны были поступать люди с разной степенью готовности к службе, разным пониманием происходящего, разными семейными обстоятельствами.

Нельзя честно написать историю народной армии, скрыв принудительный набор. Но столь же неверно считать, что повестка заранее определяет всё последующее отношение человека к долгу. Мобилизованный способен стать стойким бойцом. Доброволец способен не выдержать испытания. Первоначальный способ поступления сообщает важное обстоятельство биографии, но не заменяет самой биографии.

Для государства возникала новая ответственность. Призванного надо было принять, снабдить, обучить, включить в часть. Если человек оторван от работы, его отсутствие отражается на семье и хозяйстве. Указание майского постановления беречь производство показывает, что эту связь понимали уже при принятии решения. Армия нуждалась в пополнении; страна должна была продолжать работать, чтобы армию содержать.

Так военное строительство выходило за пределы казарм. Оно требовало учёта населения, взаимодействия центральных и местных учреждений, транспорта, запасов одежды и продовольствия. За прибытием каждого пополнения стояла цепочка действий. Если одно звено не срабатывало, последствия обнаруживались далеко от учреждения, допустившего ошибку: на сборном пункте, в эшелоне, в полку.

Народный характер армии приобретал материальное содержание. Воевал человек, которого вооружили, одели и

накормили другие люди. Их труд входил в его способность держаться на фронте.

Кому поручить командование

Армии требовались командиры, которым подчиняются и которые умеют распоряжаться людьми. Революционное доверие солдат и профессиональная пригодность могли соединиться в одном человеке. Могли и разойтись. Создаваемому порядку назначения предстояло учитывать обе стороны.

Декрет 22 апреля о замещении должностей особенно интересен тем, что сохраняет следы этого поиска. Для кандидатов во взводные командиры признавались два основания: специальная подготовка либо доказанные в бою мужество и умение управлять. В первые шесть недель работы предусматривалась проверка соответствия должности. Явно непригодного командира следовало отстранить.³⁻⁵

Высшие назначения переходили в ведение центральных военных органов. В бою и походе командные должности внутри отдельных частей замещались назначением командира. Вместе с тем для уже сформированных частей оставалась процедура выбора ротного командира из пяти предложенных кандидатов. Поэтому привычная фраза о мгновенной и полной отмене выборности обедняет содержание документа.³⁻⁵

Перед нами армия в процессе становления. Новая система ещё соединяла различные способы отбора, но уже требовала проверяемой способности командовать. Одной популярности среди товарищей становилось недостаточно. Пригодность нужно было показать в исполнении обязанностей.

Особое значение имело признание боевого опыта наряду со школьной подготовкой. Оно открывало путь людям, которых война уже научила вести за собой других, хотя законченного военного образования у них не было. Такое

выдвижение расширяло круг будущих командиров. Одновременно оно увеличивало потребность в последующей учёбе: опыт боя давал многое, но не всё.

В этот исторический момент входит молодой Константин Рокоссовский. После расформирования Каргопольского драгунского полка он в декабре 1917 года вступил в Красную гвардию и был избран помощником командира Каргопольского кавалерийского отряда. К началу 1920 года его служба привела к командованию кавалерийским полком.³⁻⁶

Здесь история одного человека позволяет увидеть перемену крупнее его личного продвижения. Вчерашний солдат становился командиром. Ему предстояло отвечать за то, о чём прежде заботился начальник: поставить задачу, проверить готовность, определить порядок действий, сохранить управление. Личная смелость оставалась необходимой, но теперь от неё требовался иной результат — помочь действовать подчинённым.

Будущего маршала легко представить человеком, чьи качества были завершены с самого начала. Это мешает увидеть его настоящую школу. Между опытным кавалеристом и полководцем лежали годы службы, ошибок, размышлений и обучения. Красная армия дала ему возможность расти. Взамен потребовала принимать всё большую ответственность.

Командир и комиссар

Сотрудничество военного специалиста с новой властью нуждалось в установленном порядке. Институт комиссаров был одним из способов его создать. Политический представитель государства находился непосредственно при военном руководстве, следил за надёжностью и исполнением решений, связывал армейскую работу с советскими учреждениями.

Апрельское положение 1918 года предусматривало комиссарскую подпись под приказами военных советов. В

решениях первого Всероссийского съезда военных комиссаров, проходившего 7–11 июня, обязанности были развёрнуты подробнее. Комиссару предписывалось наблюдать за работой специалистов, не мешая им действовать в пределах предоставленных полномочий, и добиваться точного исполнения приказов.³⁻⁷

Последнее обстоятельство принципиально. Комиссарский контроль включал обязанность обеспечить действие военного распоряжения. Комиссар не мог считать свою задачу выполненной, ограничившись выражением недоверия. Подписанный приказ должен был дойти до исполнения.

Военное решение при этом относилось к компетенции командира. Исследование истории политических органов, опубликованное в «Военно-историческом журнале», подчёркивает ограничение комиссарского вмешательства: подозрение в отношении оперативного приказа требовало доклада наверх, а не произвольной его отмены.³⁻⁸ Реальная практика могла расходиться с нормой, но для понимания замысла системы это разграничение необходимо.

Двуначалие создавало возможность конфликтов. Командир мог воспринимать надзор как унижение. Комиссар мог принять профессиональное возражение за политическую нелояльность. Если каждый стремился доказать превосходство своей должности, войска расплачивались задержкой решения и путаницей приказов.

Успех требовал от обоих большего, чем формальное соблюдение собственной роли. Командиру приходилось понимать политическую задачу армии. Комиссару — разбираться в военном деле настолько, чтобы отличать необходимый манёвр от действительной опасности. Без такого взаимного труда подписи оставались на бумаге, а совместного руководства не возникало.

Политическая работа была обращена и к солдату. Вооружённому человеку нужно объяснять, что он

защищает, почему обязан подчиняться и какое место занимает его служба в общем деле. На войне эти вопросы возвращаются при каждой потере и каждой неудаче. Убедительность ответа зависит от поведения тех, кто его даёт. Требование выдержки имеет иной вес, когда требующий сам разделяет тяготы части.

Я не принимаю изображения комиссара как изначально постороннего армии человека. Эта должность создавалась внутри её строительства и несла реальную ответственность. Судить о конкретном комиссаре следует по тому, как он её исполнял: помогал ли командиру, поддерживал ли людей, укреплял ли способность части выполнить задачу.

Дисциплина и достоинство

Торжественное обещание апреля 1918 года соединяло подчинение приказам с обязанностью беречь народное имущество и удерживать себя и товарищей от поступков, унижающих достоинство гражданина республики.³⁻¹ В одном тексте находились военная требовательность и нравственная мера поведения вооружённого человека.

Такое соединение существенно для народной армии. Винтовка не давала её владельцу права считать всё вокруг своей добычей. Обмундирование, патрон, конь, продовольствие принадлежали общему делу. Порча или расхищение имущества ослабляли тех, кому предстояло с ним воевать. Насилие над безоружным разрушало доверие населения, без которого армия не могла жить и действовать.

Провозглашённая норма сама по себе не доказывает, что её соблюдали повсеместно. Гражданская война не становится менее жестокой от чтения торжественного обещания. Но содержание этого документа позволяет установить, какого поведения государство требовало от своего бойца и по какой мере следовало оценивать отступление от обязанности.

Дисциплина предполагает принуждение. Приказ не может зависеть от ежеминутного согласия каждого исполнителя. Однако одной угрозой наказания нельзя научить подразделение действовать умело. Нужны подготовка, понятный порядок, личный пример и уверенность, что начальник требует исполнения задачи, за которую сам отвечает.

Особенно тяжело это проверяется при неудаче. В наступлении движение поддерживается видимым результатом. При отходе солдату приходится сохранять порядок, когда всё подталкивает к желанию уйти быстрее. Именно тогда становится ясно, существует ли часть как воинский коллектив или представляет собой людей, временно оказавшихся рядом.

Нельзя вывести прочную армию ни из одного страха, ни из одного энтузиазма. Её создаёт длительная работа, в которой убеждение, обязанность и навык поддерживают друг друга. Человек должен знать своё место, понимать ответственность и уметь выполнить порученное.

Собрать силу страны

2 сентября 1918 года ВЦИК объявил Советскую республику военным лагерем. Во главе фронтов и военных учреждений ставился Революционный военный совет с единым главнокомандующим; силы и средства республики подчинялись обороне.³⁻⁹

От январского добровольческого набора до этого решения прошло немногим более семи месяцев. За это время на уровне государственных решений обозначилась система: подготовка людей, обязательное пополнение, порядок командования, политическая ответственность, общее руководство фронтами и тылом. Её ещё предстояло наладить в повседневной работе.

Весной следующего года эта работа определяла подготовку контрудара на Восточном фронте. Войска Колчака наступали к Волге. Чтобы остановить их на

самарском направлении, требовалось собрать силы в районе Бузулука и согласовать действия нескольких армий. В переданном по прямому проводу указании от 10 апреля 1919 года заместитель командующего Южной группой Фёдор Новицкий сообщил командующему Туркестанской армией Георгию Зиновьеву о решении объединить командование 1-й, 4-й, 5-й и Туркестанской армиями в руках Михаила Фрунзе.³⁻¹⁰

За объединением сразу следовало распоряжение о людях и эшелонах. Одну бригаду предписывалось немедленно перевезти по железной дороге к Бузулуку, доукомплектовав её оренбургскими рабочими. Недостающее оружие обещали выдать на месте. Затем требовалось подготовить к перевозке остальные части Туркестанской армии. Прежнее наступление на Туркестан прекращалось; новой базой становилась Самара. Прикрытие Оренбурга и связи с Актюбинском возлагалось на местные вооружённые формирования, а с севера и северо-востока — на части 1-й армии. Сосредоточение сил для удара требовало принять риск на другом направлении.³⁻¹⁰

Меняли и путь донесения. Поскольку управление Туркестанской армией ещё не было налажено, начальнику 31-й дивизии приказали сообщать сведения прямо в штаб группы, направляя копию своему командующему армией. Общему начальнику нужно было знать, где находятся части, которые он собирается использовать. Без этого решение о переброске оставалось бы только требованием к железной дороге.³⁻¹⁰

Приказ Фрунзе от 19 апреля распределял действия между соседями. Усиленная двумя бригадами 25-й дивизии, 5-я армия должна была перейти от сдерживания противника к контрудару на Бугуруслан. Ударной группе Зиновьева предписывалось наступать севернее Бузулука, совместно с 5-й армией отбрасывая противника к северу и отрезая его от сообщений с Белебеем. На 1-ю армию возлагалась задача сковать соседний корпус белых и

обеспечить правый фланг удара. От командующих требовали ежедневно сообщать расположение частей, их боевой состав и обеспеченность. Начало согласованного наступления предполагалось назначить после докладов о подготовке.³⁻¹¹

При этом управление ещё приходилось создавать на ходу. 21 апреля Фрунзе объяснял Каменеву, что штабом Южной группы фактически служит управление 4-й армии. Оно одновременно занималось самой 4-й армией, снабжением частей Туркестанской, формированием пополнений и Самарским укреплённым районом. Даже сотрудники, отвечавшие за военные сообщения, расширяли прежнюю работу на несколько армий. Выделить отдельный штаб группы предполагалось после завершения формирования армейских управлений.³⁻¹² За требованием создать аппарат стояла перегрузка конкретных людей, которым уже поручили общий манёвр.

Подготовка дала боевой результат. 4 мая части 5-й армии овладели Бугурусланом. Оперативная сводка Южной группы от следующего дня сообщала о занятии города после трёхдневного боя и продолжении наступления.³⁻¹³ Исследуя операцию, Николай Какурин и Иоаким Вацетис показывали, что по мере боёв замысел уточнялся: силы перераспределяли, направления ударов меняли, действия Туркестанской и 5-й армий согласовывали заново.³⁻¹⁴

Армия, прежде отступавшая перед противником, получила возможность наступать при поддержке общего манёвра. Для этого потребовалось связать в одно решение перевозку, пополнение, вооружение, сведения о частях и действия соседей. Победу нельзя вывести из одного приказа. Но в этой работе видно, что давало войскам общее управление: усилие одной армии могло изменить положение другой, а достигнутый успех — стать началом следующего действия.

Централизация означала, что отдельная часть должна действовать в составе целого. Её нельзя было оценивать только по собственной удаче. Командир, способный выиграть местный бой, обязан соотносить его с задачей соседей и замыслом старшего начальника. Успех, ради которого самовольно израсходованы необходимые другому участку силы, может дорого обойтись всей операции.

Регулярная армия возникает там, где появляется возможность готовить совместные действия и требовать их исполнения. Подготовить пополнение заранее. Доставить боеприпасы к установленному сроку. Перебросить часть туда, где она нужнее. Сохранить её способность воевать после тяжёлого боя. Для этого нужны люди в штабах и эшелонах, мастерских и госпиталях, на складах и линиях связи.

Так народ становился армией — через множество обязанностей, соединённых в одно дело. Рабочий и крестьянин приходили в строй. Солдат выдвигался в командиры. Специалист старой школы готовил решения для нового государства. Комиссар добивался политической стойкости и исполнения приказа. За фронтом продолжалась работа тех, кто обеспечивал вооружённую борьбу.

Для меня красное знамя этой армии связано прежде всего с принятием общей ответственности. Право народа защищать созданное им государство требовало способности это сделать. Такая способность не возникала вместе с названием. Её приобретали, учили, проверяли в бою и передавали другим.

Гражданская война выдвинула людей, которым предстояло вести армию дальше. Она дала им тяжёлый опыт и одновременно показала пределы того, чему можно научиться только в бою. Чтобы опыт становился знанием, требовались училища, курсы, академии и преподаватели. Завоёванное право командовать предстояло ежедневно подтверждать умением.

Присяга. 1918 год

Я обязуюсь строго и неуклонно соблюдать революционную дисциплину и беспрекословно выполнять все приказы командиров, поставленных властью Рабочего и Крестьянского Правительства.

Полный текст и источник — приложение А.

Часть вторая. ШКОЛА БУДУЩЕЙ ПОБЕДЫ

Глава 4. Учиться командовать

В декабре 1921 года Иван Болдин приехал из Курска в Москву и отправился в Новогиреево, в Высшую тактическо-стрелковую школу командного состава РККА имени III Коминтерна — школу, которую мы знаем как «Выстрел».⁴⁻⁹ За плечами были две войны и командование полком. Предстояло снова стать учеником.

В воспоминаниях Болдин рассказывает, как начальник школы Николай Михайлович Филатов прочитал его предписание и написал: «Зачислить на курс командиров полков». Во время беседы Болдин признался, что знаний у него мало. Филатов ответил спокойно: именно для того школа и существует, чтобы дать знания человеку, который хочет учиться.⁴⁻¹

Мне кажется, в этом эпизоде особенно ясно виден смысл советской военной школы. Боевой опыт признавали. Недостаток образования не считали пожизненным приговором. Но человеку, уже получившему право командовать другими, предстояло серьёзно работать над собой.

Признание в незнании требует мужества особого рода. На фронте командир обязан сохранять уверенность, потому что за ним идут люди. В аудитории ему необходимо допустить, что привычного опыта недостаточно, а решение, которое кажется очевидным, может быть ошибочным. Школа должна помочь пройти через это испытание без унижения и без снижения требований.

Армия, выдвинувшая из народа новых командиров, нуждалась в системе их дальнейшего роста. Назначение открывало возможность служить на более ответственном месте. Образование позволяло этой возможности соответствовать. Между ними находилась работа преподавателя.

Судьба школы «Выстрел» продолжится в главе 15: там речь пойдёт о различии между сохранённым именем и действующей подготовкой командиров.

Филатов: оружие, полигон, класс

Высшая стрелковая школа РККА была учреждена 21 ноября 1918 года. Плановые занятия начались 18 марта 1919-го. Эти даты обозначают разные этапы одного дела: решение о создании школы и начало её учебной работы.⁴⁻²

Её первый начальник Филатов пришёл в новую армию с большим опытом преподавания и исследования стрелкового оружия. В дореволюционной Офицерской стрелковой школе он занимался испытаниями и теорией стрельбы, создавал учебные пособия. С его именем связаны стрелковые и пулемётные линейки — приспособления, помогавшие применять расчёт на практике.⁴⁻³

В октябре 1918 года на съезде преподавателей военноучебных заведений Филатов предложил устройство школы с двумя отделами: учебным и техническим. Один должен был совершенствовать подготовку командиров, другой — заниматься разработкой и улучшением стрелкового оружия. Преподавание предполагалось соединить с исследованием его боевого применения.⁴⁻²

Оружие менялось, и командиру предстояло осваивать новые возможности своей части. Для этого преподаватель должен был знать результаты испытаний, а исследователь — понимать трудности войскового обучения. Замысел Филатова соединял обе работы. Преемственность приобретала вполне осязаемый смысл: сохранить специалистов, приборы, опыт полигона и передать следующему поколению умение ими пользоваться.

Филатов преподавал стрелковое дело лично. Вокруг школы и её исследовательской работы сохранялось сотрудничество с конструкторами Владимиром Фёдоровым, Василием Дегтярёвым, Фёдором Токаревым.⁴⁻³

Позднее их имена будут прежде всего связывать с образцами оружия. Здесь они входят в историю армии ещё и через среду, где новое оружие изучали, испытывали и готовили к освоению в войсках.

Командиру мало знать, что его подразделению выдан пулемёт. Он должен понимать возможности оружия и ограничения его применения, уметь обучить расчёт, организовать обслуживание, расходовать боеприпасы сообразно задаче. Между техническим устройством и результатом в бою стоят знания людей.

Именно поэтому история «Выстрела» занимает в этой книге особое место. Здесь хорошо видно, как военная наука входит в ежедневную службу. Через преподавателя — к слушателю, через слушателя — в полк, через командира полка — к сотням бойцов. Удачно поставленное обучение распространяет свой результат далеко за пределы одной аудитории.

Полк возвращается в школу

Александр Василевский в 1926 году завершил годичное обучение на отделении командиров полков стрелковотактических курсов усовершенствования командного состава «Выстрел», будучи командиром 143-го стрелкового полка.⁴⁻⁹ В мемуарах он выделил четыре учебных комплекса: тактику, стрелковое дело, методику и обществоведение. Подготовка включала связь, топографию, инженерное дело и устройство тыла. Особое значение имело управление огнём подразделений.⁴⁻⁴

Это программа человека, отвечающего за других командиров и за действия целой части. Полк должен уметь двигаться, развертываться, поддерживать связь, получать боеприпасы, обеспечивать раненых. Для его начальника отдельные знания соединяются в последовательность решений. Нельзя хорошо рассчитать одну сторону дела и предоставить остальные случаю.

Среди названных Василевским дисциплин особенно важна методика. Опытный боец способен многое сделать сам, но подготовка подчинённых требует другого умения. Надо разложить сложное действие на понятные элементы, увидеть причину ошибки, выбрать упражнение, проверить результат. И затем добиться того, чтобы эти элементы вновь соединились в общее действие подразделения.

При ограниченном времени подготовки преподавателю требовалось определить, что слушатель обязан освоить прежде всего и каким знаниям предстоит стать основой для остальных.

У обучения командира полка есть ещё одна особенность. Он учится для части, в которую вернётся. Знание должно пережить дорогу от курсов до гарнизона и войти в расписание занятий, в подготовку ротных командиров, в организацию учений. Если оно остаётся только в конспекте выпускника, армия получила слишком мало.

Василевский вспоминал и начальника курсов Григория Хаханьяна, который занимался военной психологией. В его вышедшей в 1929 году книге рассматривались, среди прочего, страх, паника и психологическая подготовка к боевым действиям.⁴⁻⁴

Уже само включение таких вопросов в профессиональную мысль существенно. Солдат имеет предел физических и нервных сил. Он может испугаться, потерять ориентировку, перестать понимать происходящее. Командир обязан учитывать это, когда готовит людей и распоряжается ими. Требование храбрости не освобождает от знания человека.

Такой подход предъявляет к начальнику более высокие требования, чем привычка объяснять любую неудачу недостаточной исполнительностью. Нужно спросить и о качестве обучения, и о ясности приказа, и о состоянии подчинённых. Тогда разбор становится способом улучшить подготовку, а не только распределить взыскания.

Что передаёт учитель

Болдин запомнил преподавателя теории стрелкового дела Михаила Энвальда как человека, помогавшего слушателям и после занятий. Такая помощь была нужна многим: боевой опыт не восполнял пробелов в общей подготовке. Практические занятия по стрельбе вёл Морозов; теория проверялась на полигоне. На выпуске Энвальд напомнил им, что школа лишь открыла путь к знаниям, а дальше придётся постоянно работать самостоятельно.⁴⁻¹

Школа давала выпускнику основы и привычку разбираться в задаче. Дальше ему предстояло самому устроить обучение в части, найти помощников и проверить, как подчинённые овладевают своим делом.

В 1924 году Болдин получил назначение формировать отдельный Московский стрелковый полк. По его воспоминаниям, люди сами ремонтировали помещения и оборудовали классы. Комбат Сергей Вельяминов предложил создать стрелковый кабинет. Там показывали мишени, изучали оружие, занимались с учебными приборами.⁴⁻¹⁰

Затем Филатов пригласил Болдина на испытания пулемётов Колесникова и Токарева в Кускове. Командир полка поехал с начальником штаба, командиром батальона, начальником оружейной мастерской и ротными командирами. Участники высказали замечания конструкторам; позднее полковых специалистов привлекали к новым испытаниям.⁴⁻¹⁰

В этом небольшом эпизоде видна командирская работа выпускника. На полигон он привёз людей, отвечавших за разные стороны полковой службы. Их знания требовалось соединить: оружейник замечает одно, командир подразделения — другое. Решение командира состояло в том, чтобы включить их в общую работу. Инициатива кабинета принадлежала Вельяминову, опыт мастерской — её работникам. Школа подготовила Болдина к службе

среди таких людей; их собственный труд оставался необходимым.

Здесь яснее становится и смысл методики в учебной программе. Командир должен организовать передачу знания внутри полка, дать специалисту возможность учить остальных и добиваться понятного результата. Для этого нужны место для занятий, исправные пособия, время и внимание начальника. Так полученное образование становится частью повседневной службы.

В ту же школу в 1922 году пришёл преподавать Яков Слащёв.⁴⁻⁵ Его возвращение в Советскую Россию уже было предметом второй главы. Для истории образования существенен следующий шаг: опыт недавнего противника вошёл в подготовку красных командиров.

Это решение обязывало различать военную ценность разбора и политическую биографию его автора. Урок поражения может дать человек, который нанёс это поражение. Но и такой преподаватель должен доказывать свои выводы: установить обстановку, показать возможности сторон, объяснить принятое решение и его последствия. Известность имени не заменяет убедительности анализа.

Разбирать войну профессионально — значит задавать неудобные вопросы и собственному успеху. Было ли решение верным или противник не использовал нашу ошибку? Можно ли повторить манёвр при другом соотношении сил? Какой результат обеспечили подготовка и управление, а какой оказался счастливым стечением обстоятельств?

Из боевого эпизода нельзя сделать универсальное правило одним рассказом о победе. Требуется отделить повторяемое от случайного. В этом и заключается одна из главных обязанностей военной школы перед армией: сохранить опыт, не превратив его в набор легенд.

Рокоссовский за учебным столом

В сентябре 1924 года Константин Рокоссовский отправился из Забайкалья в Ленинград, в Высшую кавалерийскую школу, преобразованную затем в Кавалерийские курсы усовершенствования командного состава. Его учёба здесь относится к 1924–1925 годам.⁴⁻⁷ Среди его товарищей по учёбе были Георгий Жуков, Иван Баграмян, Андрей Ерёменко. Зимой слушатели занимались теорией, решали задачи на картах и ящике с песком; весной переходили к полевой подготовке.⁴⁻⁶

Их имена легко заставляют забыть, кем они были в тот момент. Это ещё не маршалы, чьи решения войдут в историю мировой войны. Это командиры, которым предстояло расширять своё образование. Будущая известность не должна заслонять усилие, необходимое для такого роста.

У кавалериста за плечами могло быть множество походов. Но личное умение держаться в седле и вести людей в атаку не исчерпывало командирского дела. Надо было соотносить движение части с действиями соседей, учитывать состояние людей и конского состава, организовывать огонь и связь, рассчитывать время. Школа давала возможность рассмотреть весь этот круг задач последовательно.

Ящик с песком позволял наглядно представить местность. Карта требовала читать её условный язык и превращать линии, отметки и расстояния в обоснованное решение. Поле проверяло, что осталось за пределами расчёта. Учебные формы дополняли друг друга, потому что каждая обнаруживала свои ошибки.

Биограф Рокоссовского Владислав Кардашов описывает завершавший занятия марш к Волхову и обучение переправе с лошадьми. Полевой подготовкой руководил Михаил Баторский.⁴⁻⁶ Для будущего командира было существенно уметь организовать то, что опытный кавалерист мог выполнить лично. На другом берегу

должна оказаться часть, сохранившая способность действовать.

Так проявляется различие между мастерством исполнителя и ответственностью начальника. Исполнитель знает собственные силы. Начальник должен знать возможности подразделения, включая слабых и недавно прибывших. Ему необходимо подготовить людей к задаче и предусмотреть затруднения до того, как они станут общей бедой.

Учёба Рокоссовского продолжилась: в 1929 году он прошёл курсы усовершенствования высшего начальствующего состава при Военной академии имени М. В. Фрунзе.⁴⁻⁷ Менялся масштаб служебных задач — требовалось дальнейшее образование. Курсы становились этапом продолжающейся командирской работы.

В этом пути мне особенно дорого отсутствие основания для самоуспокоения. Опытный командир возвращается к учёбе потому, что отвечает за будущие решения. Нельзя требовать роста от подчинённых, считая собственную подготовку однажды и навсегда достаточной.

От тактической задачи к армейской операции

Военная школа имеет несколько уровней. Одному человеку предстоит впервые повести подразделение; другому — командовать полком; третьему — готовить операцию армии. На каждой ступени сохраняются прежние знания, но меняются связи между ними и цена неполного расчёта.

Василевский поступил в первый набор созданной в 1936 году Академии Генерального штаба. Занятия начались 1 ноября; набор составлял 137 человек. Главным предметом было оперативное искусство, прежде всего подготовка и проведение армейской операции. В обучение входили военные игры и командно-штабные учения в поле со средствами связи.⁴⁻⁸

На этом уровне командир должен видеть действие многих соединений во времени. Победа первого дня может создать условия для продолжения операции или, напротив, исчерпать возможности войск. Успех требует своевременного подвоза, ввода резервов, устойчивого управления. Эти вопросы нельзя оставить на потом, когда передовые части уже ушли вперёд.

Учебная игра ценна возможностью потребовать решения при изменившихся условиях. Недостаточно изложить первоначальный замысел. Надо принять новые сведения, оценить их достоверность и понять, что в собственном плане ещё выполнимо. Если ответ заранее известен и преподаватель лишь подводит к нему слушателя, самостоятельность развивается плохо.

Подготовка будущего штабного работника требует и точности выражения. Разумное решение, изложенное двусмысленно, создаёт опасность для исполнителя. В распоряжении должны быть определены задача, время, взаимодействие и ответственность. За каждой формулировкой стоит действие людей, которые могут находиться далеко от автора документа и не иметь возможности переспросить.

Среди своих академических учителей Василевский особо выделил Дмитрия Михайловича Карбышева. Он вспоминал его как одного из наиболее уважаемых профессоров и называл известных слушателям работы по инженерной разведке и военно-инженерному делу.⁴⁻⁸

В школьной памяти остаются не только предмет и программа. Остаётся человек, который научил замечать существенное, требовал доказательства и не позволял прятать незнание за уверенным тоном. В дальнейшем его урок может действовать без прямой ссылки на имя: в привычке уточнить сведения, проверить расчёт, выслушать специалиста.

Преемственность поэтому измеряется не количеством портретов на стене. Её можно увидеть в качестве работы

учеников. Они способны продолжать мысль учителя, применять полученное знание к новой обстановке и спорить с устаревшим выводом на основании фактов.

Ответственность за будущего солдата

У военного преподавателя есть ученики, которых он никогда не увидит. Это солдаты будущего командира. Им предстоит исполнять его распоряжения, и качество этих распоряжений отчасти определяется тем, чему и как его учили.

Хорошая школа помогает заранее обнаружить ошибку, которая на войне будет стоить жизни. Для этого учебная неудача должна разбираться по существу. Где неверно оценили обстановку? Какие сведения проигнорировали? Что не проверили? Как решение изменило положение соседей? Ответы нужны для исправления работы.

Если занятие превращается в демонстрацию заранее подготовленного благополучия, школа теряет назначение. Начальник получает удовлетворение от стройной картины, слушатели — навык угадывать ожидаемый ответ. Подлинная проверка требует допустить, что замысел не сработает, а затем выяснить почему. Чем честнее это сделано на учении, тем больше пользы получит армия.

Столь же опасно механически переносить прошлый успех в будущее. Опыт Гражданской войны был огромным достоянием её участников. Новые средства связи, танки, авиация, возросшая мощь артиллерии меняли условия, в которых предстояло действовать. Сохранить опыт означало переработать его, определить границы применимости и научиться новому.

Школа будущей Победы складывалась из многих учреждений и многих биографий. «Выстрел» занимал в ней своё особое место — место подготовки командиров, возвращавшихся непосредственно к войскам. Кавалерийские курсы давали дальнейшее образование людям, выросшим в конном строю. Академии расширяли

масштаб мысли до управления соединениями и операциями. Между этими ступенями лежала служба, которая снова ставила перед человеком вопрос о достаточности его знаний.

Ни одна из школ не могла гарантировать правильность всех будущих решений. Но без их труда армия осталась бы зависимой от немногих выдающихся самоучек и от личного опыта отдельного начальника. Система образования делала профессиональное знание общим достоянием, позволяла готовить смену и сохранять достигнутое после ухода конкретного человека.

Я вижу здесь одно из великих достижений моей армии. Людям открывали путь к знаниям и поручали работу, которую прежде они не могли даже представить своей. Вместе с этим правом требовали учиться, проверять себя и отвечать за подчинённых. Так возникала военная профессия нового поколения.

Впереди были испытания, которые обнаружат и силу этой школы, и её недостатки. А пока будущие командиры работали над картами, выходили в поле, возвращались к книгам. Рядом с ними конструкторы и рабочие создавали оружие, промышленность осваивала новые производства. Подготовленный человек и вооружающая себя страна должны были встретиться в одном строю.

Глава 5. Страна вооружает себя

В 1893 году Василия Дегтярёва перевели в приёмную комиссию Тульского оружейного завода, где ему предстояло освоить профессию браковщика. Ему было тринадцать лет; в заводской мастерской он работал уже с одиннадцати. До признания, конструкторских наград и оружия, которое будет носить его имя, оставались десятилетия.⁵⁻¹

В этой ранней строке его биографии есть важное для всей истории вооружения слово: приёмка. Изделие требовалось проверить. Чья-то работа должна была выдержать чужое, независимое суждение о её качестве. Умение изготовить вещь дополнялось умением обнаружить её недостаток.

За заводской проверкой стоял человек, которого работник мог никогда не увидеть. Солдат получал оружие и доверял ему свою жизнь. Он не знал, кто обрабатывал металл, проверял размеры, собирал механизм. Но в бою последствия всей этой работы становились его собственной судьбой.

Поэтому история моей армии продолжается в заводском цехе. Здесь ответственность перед солдатом принимала особую форму: точность работы, исправность станка, добросовестность контроля. Мужество на поле боя не освобождало промышленность от её обязанностей. Напротив, оно делало эти обязанности ещё строже.

От мастерской к собственной школе

Дегтярёв пришёл в конструкторское дело через практическую работу. Во время военной службы он оказался в оружейной мастерской Офицерской стрелковой школы, затем работал на опытном полигоне, связанном с деятельностью Николая Филатова. В 1906 году началось его сотрудничество с Владимиром Фёдоровым. В 1918-м оба продолжили работу в Коврове. В 1927 году ручной пулемёт Дегтярёва прошёл сравнительные испытания и был принят на вооружение. Позднее появились авиационные и танковый варианты его системы.⁵⁻¹

Мы снова встречаем Филатова — уже со стороны производства оружия. В предыдущей главе он был учителем командиров. Теперь через его школу видна другая связь: между полигоном, конструктором и рабочим. Испытание давало материал для нового решения, а мастерская позволяла проверить, осуществимо ли оно в металле.

Мне дорого в этой истории отсутствие разрыва между мыслью и руками. Человек, умеющий работать инструментом, мог стать создателем нового оружия. Его практический опыт обретал продолжение в самостоятельном замысле. Рядом находился старший специалист, способный распознать способности и дать им дело.

Такую преемственность нельзя объяснить одним удачным знакомством. Для неё нужны учреждения, мастерские, время для опытов, возможность повторять испытания. Нужна среда, в которой знания не исчезают вместе с уходом отдельного мастера. Советская оборонная промышленность принимала в себя дореволюционный опыт и должна была превратить его в основу гораздо более широкого производства.

Удачный пулемёт ещё предстояло изготовить для множества подразделений. Требовались материалы, оборудование, обученные рабочие, техническая

документация. Рядом с именем конструктора вставал коллектив, способный воспроизводить его решение из дня в день.

Это меняет и наше представление об изобретении. Оно не заканчивается там, где испытатель признаёт образец годным. Для армии важен следующий вопрос: сколько исправных изделий она получит, когда получит и сможет ли поддерживать их в рабочем состоянии.

Тракторный завод и танк

История Челябинского тракторного завода позволяет увидеть, как создавалась такая способность. Решение о строительстве было принято 29 мая 1929 года. Первый трактор С-60 собрали 15 мая 1933-го; официальное открытие завода состоялось 1 июня. В июне 1937 года начался серийный выпуск дизельного С-65. В марте 1940-го завод выпустил стотысячный трактор, а 31 декабря того же года государственная комиссия приняла первый изготовленный в Челябинске тяжёлый танк КВ-1.⁵⁻²

Между этими датами лежит освоение производства. Возвести корпус завода — значит создать помещение для работы. Саму работу ещё надо организовать: наладить подачу материалов, установить оборудование, подготовить инструмент, научить людей, согласовать операции. Завод начинает жить тогда, когда все эти действия соединяются в устойчивый порядок.

Переход к дизельному трактору означал освоение новой для предприятия техники. Переход к танку требовал следующего усилия. Общего слова «гусеничный» для него было недостаточно: броневая машина предъявляла свои требования к изготовлению, сборке и испытаниям. Опыт тракторостроения давал производственную основу, которую предстояло развивать и приспособлять к военной задаче.

Поэтому первый челябинский КВ важен не только как отдельная машина. Он обозначает начало нового умения

большого коллектива. Вслед за первым танком должны были появляться следующие, а обнаруженные недостатки — становиться предметом исправления. Для обороны страны имела значение именно эта продолжающаяся работа.

Тракторная история сохраняет здесь и собственный смысл. Сельскому хозяйству были нужны машины, людям — продовольствие. Завод связывал задачи деревни и армии через общую потребность в двигателях, механиках, металле и производственном знании. Военная промышленность вырастала внутри хозяйства страны и зависела от его состояния.

Когда мы говорим об индустриализации как основании будущей Победы, за большим словом необходимо видеть эту подробность. Рабочий осваивал операцию. Мастер организовывал смену. Инженер устранял причину отказа. Государственное решение приобретало материальную силу через их труд.

Оружие должно стать серийным

Василий Грабин в авторском вступлении к «Оружию победы» особо выделяет подготовку кадров. Он называет Артиллерийскую академию имени Дзержинского, Ленинградский военно-механический институт, другие учебные заведения и напоминает об обучении непосредственно на предприятиях и в конструкторских бюро. Его воспоминание соединяет строительство и реконструкцию заводов с появлением людей, способных на них работать.⁵⁻³

Это взгляд участника, знавшего производство изнутри. В нём важно соседство двух обстоятельств: оборудования и квалификации. Станок сам по себе не создаёт промышленности. Человек должен понимать свою операцию, замечать отклонения, владеть измерительным инструментом. Инженеру необходимо знать возможности цеха, а руководителю — реальные причины задержек.

Путь крупнокалиберного пулемёта Дегтярёва показывает, почему даже начатое производство не завершало конструкторскую работу. В воспоминаниях Дегтярёв связывает задание с манёврами 1929 года и последующей беседой с Климентом Ворошиловым. За основу взяли принципы ручного пулемёта ДП, но простым увеличением размеров обойтись не удалось. Требовались новые расчёты, переделка деталей, подбор материалов и испытания. Конструктор вспоминал проверку меткости, живучести и действия по броне.⁵⁻⁸

К концу 1930 года были изготовлены два опытных образца. В 1932–1933 годах началось мелкосерийное производство ДК — «Дегтярёва крупнокалиберного».⁵⁻⁹ Между опытным оружием и выпуском для армии уже появилась производственная работа: конструкцию требовалось воспроизвести в нескольких изделиях, сохранив их качество. Однако сам факт выпуска ещё не означал, что все существенные затруднения остались позади.

Одним из них оказалась подача патронов. ДК имел сменный барабанный магазин на тридцать патронов. Магазины были тяжёлыми и громоздкими, практическая скорострельность оставалась низкой. В 1935 году выпуск прекратили и занялись усовершенствованием пулемёта.⁵⁻¹⁰ Для армии это означало, что первоначальное решение требовало дальнейшей работы уже после перехода к малой серии. Производственный успех пришлось оценить заново по тому, насколько оружие отвечало своему назначению.

В доработке участвовал Георгий Шпагин. В 1937 году он создал приёмник для питания пулемёта из металлической ленты. Менялся конкретный узел, ограничивавший возможности прежнего образца. В апреле 1938 года модернизированный пулемёт поступил на полигонные испытания; 26 февраля 1939-го его приняли на вооружение. Так появился ДШК — крупнокалиберный пулемёт Дегтярёва — Шпагина образца 1938 года.⁵⁻⁹

Две фамилии в названии сохраняли два вклада в общее дело. Сам Дегтярёв, рассказывая о своих учениках, отмечал работу Шпагина над улучшением его системы.⁵⁻⁸ Опытный конструктор доверял дальнейшую судьбу своего оружия другому мастеру. Здесь продолжалась та школа, в которой когда-то Фёдоров поручил самостоятельную работу ему самому.

За принятием следовало освоение выпуска нового варианта. Музейные описания относят начало массового производства ДШК к 1940–1941 годам.⁵⁻¹⁰ Вооружение армии складывалось из последовательных усилий: первые образцы, малая серия, обнаруженные ограничения, исправленная конструкция, новый производственный этап. Между решением военного ведомства и наличием оружия в каждой нуждающейся в нём части оставались работа завода и снабжение.

Для меня в этой истории важна способность вернуться к уже сделанному и изменить его. Научиться выпускать оружие означало также научиться признавать его недостатки и устранять их. Конструкторское исправление нужно было перенести в чертежи и заводские операции. Технолог, инструментальщик, рабочий и контролёр получали свою часть общей задачи. Только через их труд удачное решение могло повторяться в серийной продукции, которой солдат вправе доверить свою жизнь.

Способность восполнять потери начинается задолго до войны. Она предполагает сохранённые чертежи, подготовленных специалистов, запас производственных возможностей, ремонт и снабжение деталями. Страна должна уметь продолжать работу после утраты уже изготовленного. В этом заключена особая, менее заметная сторона её военной силы.

Доставить, услышать, предупредить

Оружие нужно доставить туда, где оно требуется. Между заводской площадкой и воинской частью лежат железная дорога, склад, перегрузка, участок пути, который приходится проходить автомобилю или обозу. На каждом из этих этапов можно потерять время, необходимое войскам.

С 1931 года Луганский паровозостроительный завод выпускал грузовые паровозы серии ФД.⁵⁻⁴ Их место в истории обороны становится понятным, если мысленно продолжить заводскую ведомость: металл надо привезти на предприятие, готовую продукцию — вывезти, топливо и продовольствие — доставить потребителям. Одни и те же пути обслуживают производство и армию.

За движением эшелона стоит согласованный труд машиниста, диспетчера, ремонтника, путейца. Мощность локомотива имеет смысл вместе с исправностью вагонов, состоянием пути, пропускной способностью станций. Поэтому развитие транспорта нельзя вынести за пределы рассказа о вооружении страны. Оно определяет, сможет ли промышленность довести результат своей работы до солдата.

Связь решает другую задачу: доставляет сведения и приказы. Командиру необходимо знать, где находятся его части, что происходит у соседа, в чём нуждается передовой отряд. Радиостанция и телефон помогают ему пользоваться оружием, которым армия уже располагает. Для этого нужны аппаратура, питание, ремонт и подготовленный связист.

Научная работа расширяла возможности получать сведения о противнике. 16 января 1934 года в Ленинградском физико-техническом институте под руководством Абрама Иоффе состоялось совещание о радиолокационном обнаружении самолётов. Работы, предложенные Управлением противовоздушной обороны РККА, возглавил Дмитрий Рожанский, а после его смерти в

1936 году — Юрий Кобзарев. В институте создавались узлы импульсной радиолокационной станции «Редут».⁵⁻⁵

Здесь перед нами ещё одна форма сотрудничества армии и науки. Военные формулировали потребность; исследователи проверяли физическую возможность её удовлетворить. Между постановкой вопроса и пригодным прибором лежали расчёты, опыты, разработка отдельных устройств. Так возникало средство, позволявшее раньше узнать об угрозе с воздуха.

Появление нового прибора ещё не означало его повсеместного наличия. Его предстояло производить, осваивать, включать в работу управления. Эта разница между научным достижением и массовой оснащённостью особенно существенна для понимания предвоенных лет. Страна приобретала новые возможности, но их развитие шло с разной скоростью.

Подготовка начинается до призыва

Человек, впервые встретивший двигатель, радиоприёмник или сложный измерительный прибор уже в армии, нуждается во времени, чтобы освоиться. Предварительное знакомство с техникой облегчает обучение. Отсюда военное значение кружка, аэроклуба, занятий радиodelом — мест, где интерес подростка мог стать началом будущей специальности.

Созданный в 1927 году Осоавиахим развивал стрелковую, авиационную и техническую подготовку. В его работе находилось место освоению радио и телеграфа, автомобильного дела, парашютной и санитарной подготовке.⁵⁻⁶ Военная профессия становилась доступной воображению молодого человека ещё до получения повестки.

11 марта 1931 года был утверждён комплекс «Готов к труду и обороне». Его первые нормы включали бег, прыжки, плавание и другие упражнения. Среди прикладных испытаний была переноска ящика с

патронами весом 32 килограмма на расстояние 50 метров. В 1934 году появилась детская ступень «Будь готов к труду и обороне».⁵⁻⁶

Эта подробность с тяжёлым ящиком объясняет замысел лучше отвлечённого рассуждения о физической закалке. Предстояло уметь не только быстро двигаться, но и выполнять работу под нагрузкой. Готовность связывалась с действием, которое можно проверить.

Общественное уважение к службе получало повседневную опору. Подготовленный стрелок, лыжник, моторист мог видеть в приобретённом навыке пользу для страны. Значок отмечал пройденное испытание; за ним должны были стоять занятия и труд. Сам по себе он, конечно, не превращал человека в обученного бойца. Он обозначал ступень, с которой можно было идти дальше.

Для меня особенно важна работа преподавателя и инструктора. Один помогал разобраться в задаче по физике, другой учил обращаться с техникой, третий добивался правильного выполнения упражнения. Уважение к армии становилось содержательным там, где сопровождалось требованием знать своё дело.

Научиться сохранять жизнь

В 1934 году была утверждена система массовой санитарной подготовки «Готов к санитарной обороне СССР». Она предусматривала обучение первой помощи, уходу за больными, гигиене и предупреждению инфекционных заболеваний. Занятия на предприятиях и в учебных заведениях проводили врачи и средние медицинские работники.⁵⁻⁷

К обороне готовились через умение помочь пострадавшему. Рядом с учебной стрельбой существовало обучение заботе о раненом, рядом с физической выносливостью — знание санитарных правил. Эти занятия расширяли представление о том, что именно человек обязан уметь ради других.

Массовая подготовка не заменяла медицинского образования. Но она позволяла распространить первоначальные навыки за пределы профессионального круга. Врач становился учителем; его знание продолжалось в действиях людей, которым могло предстоять первыми оказаться рядом с пострадавшим.

В такой работе защита страны приобретала очень человеческий смысл. Армия нуждалась в сохранении жизни каждого бойца. Ей требовались лечение, предупреждение болезней, восстановление сил. За сухим словом «боеспособность» находились люди, которых следовало уберечь и вернуть к жизни.

Общее дело

В рассказе о промышленности легко потерять деревню. Между тем армия и заводской город нуждаются в хлебе. Люди, занятые в цехах, на железной дороге, в лабораториях и училищах, должны быть накормлены. Крестьянский труд входит в оборону через саму возможность продолжать все остальные работы.

Распределение сил и средств неизбежно затрагивает повседневную жизнь. Строительство, обучение, выпуск сложной техники требуют ресурсов и времени. Поэтому за словами о росте промышленности нельзя оставлять только торжественные даты открытия заводов. Следует помнить о людях, усилиями которых эти даты становились возможны, об их усталости, освоении непривычной работы, ответственности перед семьёй и товарищами.

Рабочий, конструктор, учитель, врач и крестьянин участвуют в общем деле по-разному. Их вклад нельзя измерить одной меркой. Но зависимость армии от каждого из них вполне предметна: оружие, знание, здоровье, питание. Взаимная необходимость этих занятий помогает понять народный характер обороны глубже, чем любое перечисление лозунгов.

Я вижу в способности страны вооружать себя большое завоевание советского народа. За ним стоят школы, предприятия и люди, научившиеся делать то, чего прежде не умели. Самостоятельность здесь означает возможность принимать решения и обеспечивать их собственным трудом: создавать, производить, обслуживать, восстанавливать.

Действительную готовность армии можно было оценить лишь с учётом боевого опыта. Наличие машины не гарантировало умения ею пользоваться; заводской выпуск не обеспечивал автоматически правильного снабжения; хорошая подготовка отдельного специалиста требовала согласованных действий всего подразделения. Но без созданной промышленной и образовательной основы исправлять ошибки было бы несравненно труднее.

Страна давала армии оружие и готовила людей, которым предстояло им владеть. Теперь необходимо обратиться к опыту Хасана, Халхин-Гола и войны с Финляндией: увидеть, как техника, управление и обучение соединялись в бою — и где эта связь не выдерживала испытания.

Глава 6. Перед большой войной

Николай Воронов вспоминал, как во время войны с Финляндией один из командиров дивизий уверял его, что миномёты используются хорошо. Проверка расхода боеприпасов показала: за трое суток не выпущено ни одной мины. Затем выяснилось, что миномёты вообще не передали в стрелковые полки. Они оставались на складе.⁶⁻¹

В этом эпизоде есть всё, что разделяет вооружённую страну и готовую к бою армию. Оружие изготовлено. Доставлено. Числится в наличии. Но пехота не получает огневой поддержки, ради которой оно создавалось. Между заводом и солдатом встало командирское решение.

Этот случай ставит вопросы, относящиеся ко всей подготовке армии. Что действительно умеет подразделение? Чем оно располагает в бою? Насколько донесение соответствует положению людей на передовой?

Хасан, Халхин-Гол и советско-финляндская война дали разные ответы. Красная армия добивалась поставленных задач, училась взаимодействию, проводила сложные операции. Одновременно обнаруживались недостатки, за которые платили жизнью. Уважение к солдату требует сохранить в памяти и достигнутое, и цену, и причины этой цены.

Хасан: победа, после которой потребовали объяснений

После боёв у озера Хасан летом 1938 года высшее военное руководство не ограничилось сообщением об успехе. Приказ наркома обороны № 0040 от 4 сентября дал суровую оценку подготовке Дальневосточного фронта. Он перечислял неудовлетворительное состояние дорог и связи, беспорядок в учёте запасов, отрыв людей от своих подразделений для посторонних работ. В документе отмечались случаи прибытия артиллерии без снарядов и бойцов без необходимого снаряжения — при наличии имущества на складах.⁶⁻²

Это была официальная оценка руководства, из которой следовали организационные решения. В отмеченных приказом случаях речь шла о разрыве между запасом и снабжением: имущество существовало, но не оказалось вовремя у бойца. Однако весь ход сражения нельзя объяснить только беспорядком на складах и в штабах.

В опубликованном итоговом разборе действий танков у Заозерной названа и другая трудность: сопки, овраги и болота препятствовали массовой атаке. Танки застревали, подходили к обороне разновременно. Документ предлагал применять их небольшими группами вместе с пехотой, часть машин использовать для огня с места. Но местность не снимала ответственности за подготовку: система противотанкового огня осталась неразведанной, а на согласование действий танковых и пехотных командиров перед атакой 6 августа отвели лишь несколько утренних часов. Разбор требовал постоянных совместных учений.⁶⁻¹⁰

Сопоставление делает урок Хасана точнее. Выдать имущество и собрать подразделения было необходимо, но недостаточно. Требовалось ещё выбрать способ атаки, пригодный для этой местности, разведать огневые точки, согласовать работу танков, пехоты и артиллерии. Число машин в строю само по себе не показывало, сколько из них

одновременно дойдёт до противника и какую помощь получают экипажи.

Откомандированный на хозяйственные работы боец оставался в списках. Но по тревоге требовался человек в составе своего отделения, знающий командира и товарищей. Когда людей начинали собирать из разных мест уже перед боем, приходилось на ходу восстанавливать то, что мирная служба обязана была поддерживать ежедневно.

Приказ высоко оценивал боевую самоотверженность участников сражения и руководство операциями Григория Штерна. Вместе с тем он прямо ставил вопрос о потерях, которых можно было избежать при лучшей организации.⁶⁻² Победа признавалась; она не освобождала начальников от ответа за подготовку.

Для меня это принципиальное различие. Солдатская храбрость принадлежит солдату. Командование не вправе пользоваться ею как оправданием своих упущений. Если человек выдержал бой в плохо организованных условиях, его заслуга возрастает, а ответственность тех, кто создал эти условия, сохраняется.

В приказе присутствуют и политические обвинения, характерные для того времени. Они требуют отдельной доказательной проверки. Зафиксированный недостаток снабжения сам по себе ещё не устанавливает измену. Но и необходимость проверять обвинение не позволяет отвернуться от конкретного недостатка. Ответственность должна следовать за действием, полномочием и доказанным последствием.

Халхин-Гол: победу обеспечивали вместе

В 1939 году Красная армия сражалась в Монголии совместно с Монгольской народно-революционной армией. Августовское наступление завершилось окружением и разгромом японской группировки. Операция, начавшаяся 20 августа, стала крупным успехом советско-монгольских войск.⁶⁻³

Обычно в памяти прежде всего возникает имя Георгия Жукова. Его роль командующего была существенной. Однако за словом «операция» стоят решения и труд многих людей. Начальником штаба 1-й армейской группы был Михаил Богданов. Войска нуждались в управлении, согласовании действий, непрерывном снабжении. До района боёв грузы приходилось доставлять от удалённых железнодорожных станций; один из важнейших маршрутов начинался в Борзе.⁶⁻⁴

Жуков сам писал о подвозе необходимого на расстояние 650–700 километров и отмечал помощь Военного совета Забайкальского военного округа и Штерна с его аппаратом.⁶⁻⁵ Это признание позволяет вернуть рассказу его действительный масштаб. Командующий на поле боя зависел от работы людей, находившихся далеко за пределами видимого ему участка.

За каждым прибывшим грузовиком стояли водитель, ремонтник, организатор колонны. Машина расходовала горючее не только на доставку боеприпасов, но и на возвращение. Требовалось поддерживать весь оборот перевозок. Ошибка в расчёте могла обнаружиться у передовой как отсутствие снарядов или остановка техники.

Поэтому снабжение было частью замысла. Войска могли рассчитывать на продолжение наступления лишь тогда, когда за ними продолжал действовать тыл. Штаб переводил намерение командующего в согласованные задачи: кому двигаться, что обеспечить, где удерживать противника, как поддерживать связь. Заслуга начальника

штаба не исчезает оттого, что итоговый приказ подписывает другой человек.

В рассказе о Халхин-Голе рядом с Жуковым должны оставаться Штерн, Богданов и командиры, непосредственно водившие людей в бой. Признание их вклада делает победу полнее. Армия достигает результата совместным действием, и рассказ о ней обязан это совместное действие сохранять.

Баин-Цаган: решение и его исполнители

Особенно остро связь командирского решения с судьбой подчинённых проявилась в начале июля 1939 года у горы Баин-Цаган. Японские войска переправились на западный берег Халхин-Гола, создав угрозу флангу и тылу советскомонгольской группировки. В контрудар была введена 11-я танковая бригада Михаила Яковлева. В своих воспоминаниях Жуков объяснял срочность атаки стремлением не дать противнику закрепиться.⁶⁻⁵

Задачу получила не одна бригада. По описанию Жукова, вместе с ней должен был действовать 24-й мотострелковый полк Ивана Федюнинского; удар с юга предназначался 7-й мотобронеbrigade. К месту боя подтягивался бронедивизион 8-й монгольской кавалерийской дивизии, привлекались артиллерия и авиация.⁶⁻⁵ Но назначить части для совместного удара ещё не значило собрать их к одному времени.

Федюнинский вспоминал, что его полк подошёл к горе уже после первого танкового удара, в затишье перед новым боем. С Яковлевым он согласовал положение мотострелков рядом с танковой бригадой. Затем последовали атаки с участием пехоты и артиллерии.⁶⁻¹² Значит, у этого сражения были разные этапы: первоначальный бросок подвижных частей и последующие совместные действия. Для экипажа разница между ними выражалась в том, есть ли рядом пехотинец, способный

прикрыть танк от близкого нападения, и подавлена ли пушка, бьющая прямой наводкой.

У срочного контрудара есть военная логика: промедление тоже несёт опасность. Но командирская оценка времени должна сопоставляться с готовностью сил, разведкой и поддержкой. Танкист встречает последствия этого выбора уже в движении к противнику, когда изменить общий порядок действий ему почти невозможно.

В приведённом историком Алексеем Киличенковым докладе инспектора автобронетанковых войск полковника П. И. Другова за 3 июля для 11-й бригады указаны 132 танка; 46 из них сгорели, 36 были подбиты.⁶⁻¹¹ Вместе — 82 машины, около 62 процентов учтённого состава. Это огромная убыль боевой силы за один день. Но 82 — не число безвозвратно утраченных танков: подбитая машина могла после ремонта вернуться в строй. И ни одно из этих чисел не следует превращать в число погибших экипажей.

К утру 5 июля японские войска оставляли позиции у Баин-Цагана; переправившуюся группировку вытеснили с западного берега. Угроза удара отсюда в тыл была устранена. На восточном берегу бои продолжались.⁶⁻⁵⁶⁻¹² Таков результат, ради которого действовали танкисты, мотострелки, артиллеристы, лётчики и монгольские подразделения. Он не означал завершения всей кампании.

Успех контрудара и его цена относятся к одному событию. Нельзя исключить из рассмотрения ни устранённую угрозу, ни людей, принявших на себя удар. Позднейшее знание результата делает решение яснее для историка, чем оно было для участников. Оно не даёт права считать всякую потерю заранее неизбежной.

Яковлев в этой истории — командир бригады, исполнившей трудную задачу. За его именем находятся экипажи, младшие командиры, ремонтники, эвакуировавшие повреждённую технику. Если в памяти остаётся только высшее командование, исчезает сама среда, в которой приказ превращается в действие.

Августовское окружение потребовало уже другой организации — подготовки большого согласованного удара, обеспечения наступающих частей и удержания достигнутого. Опыт Халхин-Гола показывал, что Красная армия способна решать такие задачи. Но из июльского успеха нельзя было делать общее правило: посылать танки вперёд, рассчитывая, что остальные успеют следом. Сохранить следовало способность быстро отвечать на угрозу; добиваться — такого взаимодействия, при котором быстрота не оставляла экипажи без необходимой поддержки.

Финская кампания: учиться во время войны

Советско-финляндская война началась 30 ноября 1939 года. За политическим решением советского руководства стояла задача обеспечения безопасности северо-западных рубежей и Ленинграда. Для армии это решение обернулось необходимостью преодолевать укреплённую оборону в зимних условиях. Первые неудачи потребовали пересмотра подготовки и организации наступления.⁶⁻⁶

Противника нельзя было победить одним превосходством в общей численности или наличии техники. Укрепление на местности нужно обнаружить; огневую точку — подавить; пехоте — обеспечить продвижение и закрепление. Если одно звено не выполняет свою задачу, усилия остальных теряют результат. Люди оказываются под огнём, который предполагалось заранее устранить.

В январе 1940 года был создан Северо-Западный фронт под командованием Семёна Тимошенко. В него вошли 7-я и 13-я армии. Василевский, работавший тогда в Генеральном штабе, вспоминал о пополнении и перегруппировке войск, усилении артиллерией и авиацией. В ближнем тылу на макетах неприятельских укреплений отрабатывали предстоящие действия. Новое наступление началось 11 февраля.⁶⁻⁶

Существенна сама последовательность: выяснить, подготовить, отработать взаимодействие, затем наступать. Учение приобретало непосредственный смысл, потому что воспроизводило задачу, которую бойцам предстояло решать под огнём. Командир проверял не общую бодрость подразделения, а способность выполнить конкретное действие.

Воронов описывает прорыв главной полосы обороны после артиллерийской и авиационной подготовки. Продвижение требовало нескольких дней тяжёлых боёв.⁶⁻¹ Укреплённая позиция переставала быть непреодолимой, когда против неё действовали согласованно. Победа складывалась из подготовленной работы артиллеристов, пехотинцев, танкистов и сапёров.

Здесь нельзя забывать о тех, кто участвовал в первых неудачных атаках. Они не были менее храбрыми, чем бойцы последующего наступления. Изменялись организация, обеспеченность и способы применения сил. Именно поэтому изучение ошибок составляет обязанность перед погибшими: приобретённое знание должно уменьшать опасность для тех, кто пойдёт в следующий бой.

В марте 1940 года был заключён мирный договор, установивший новую границу.⁶⁻⁶ Военный результат был достигнут. Но завершение кампании требовало ещё одной работы — честно разобрать, почему путь к нему оказался таким тяжёлым и что необходимо изменить в подготовке армии.

Апрель 1940 года: что услышало руководство

На совещании начальствующего состава 14–17 апреля 1940 года разбирали опыт финской кампании. Кирилл Мерецков рассказал о высоте, которую пытались взять, исходя из неверного представления о её укреплениях. Лишь длительное наблюдение и разведка позволили выявить бетонные сооружения и обеспечить их поражение. Он признавал недостатки обучения войсковой разведке.⁶⁻⁷

Это признание важно своей предметностью. Общее требование «наступать решительнее» не заменяет знания о противнике. Разведчик, наблюдатель и штабной офицер должны предоставить командиру сведения, достаточные для решения. Командир обязан понимать, какие сведения ещё отсутствуют и чем грозит этот пробел.

В заключительном выступлении Сталин говорил о недостаточности опыта Гражданской войны для современной войны, критикуя превращение прежнего опыта в культ.⁶⁻⁷ Тем самым вопрос ставился и перед руководителями, чьё положение опиралось на прошлые заслуги. Опыт сохранял ценность, но нуждался в обновлении.

Для армии это трудное требование. Человек привык доверять способу действий, который однажды принёс успех. Отказаться от него — значит признать, что личная уверенность ещё не доказывает правильности решения. Военная школа должна была воспитывать именно такую способность: сохранять накопленное знание и одновременно проверять его новой обстановкой.

После такого разбора требовалась проверка в частях. Умеют ли разведчики обнаружить укрепление до атаки? Получает ли артиллерия точную цель? Может ли пехота воспользоваться результатом огня? Финская кампания показала, как подготовка на конкретной задаче меняла возможности войск. Перенести этот опыт в повседневное обучение всей армии было отдельной работой. Апрельское обсуждение ещё не означало её завершения.

Рокоссовский: возвращённый командир

Арест Рокоссовского в августе 1937 года я отношу к тому, что удобнее всего назвать отголоском внутрипартийной борьбы. Она шла на всех уровнях, и командный состав оказался в её поле: одни места освобождались, другие занимали молодые командиры, выросшие на новой технике и в новой школе. Обвинение в связях с иностранными разведками, предъявленное Рокоссовскому, оказалось ложным; в марте 1940 года дело было прекращено.⁶⁻⁸

Его освобождение я читаю шире частного случая. Возвращение Рокоссовского в строй я считаю победой здорового начала над борьбой, превращавшей спор о власти в удар по армии. Это начало я называю русской партией — не организацией с билетами и уставом, а линией в руководстве, которая ставила боеспособность армии и интересы Родины выше внутренних счётов. Во главе этой линии, по моему убеждению, стоял Сталин. Это моё прочтение, и я так его и подаю: документа о существовании такой организации нет, есть последовательность решений, которую оно объясняет лучше других.

Факты же таковы. В марте 1940 года Рокоссовский был освобождён и восстановлен в правах, а в конце того же года получил 9-й механизированный корпус. Армия вернула себе командира, который через год с небольшим соберёт оборону на ярцевском направлении.⁶⁻⁹⁷⁻¹

Не слишком ли поздно начали готовиться?

Возражение справедливо в главном: наличие школ и новой техники ещё не означало готовности к большой войне. Хасан, Халхин-Гол и Финляндия показывают и приобретённое умение, и разрыв между замыслом и исполнением. Из этих эпизодов нельзя вывести ни полную беспомощность армии, ни её безусловную готовность. Проверка строже: дошёл ли опыт до подразделения, изменились ли обучение, связь и снабжение? Ответ предстояло дать корпусу, который получил Рокоссовский.

Корпус, который предстояло подготовить

В конце 1940 года Рокоссовский получил назначение командиром 9-го механизированного корпуса. В «Солдатском долге» он пишет, что переход из кавалерии в новый род войск вызвал у него естественное сомнение в собственной готовности. Но интерес к бронетанковым соединениям и доверенная задача побуждали учиться.⁶⁻⁹

В этом возвращении к учёбе продолжается вся его прежняя служба. Опытный командир не объявлял прежний опыт достаточным для любой задачи. Ему требовалось освоить новую технику и особенности управления соединением, которое ещё формировалось.

Рокоссовский выделяет работу начальника штаба Алексея Маслова, его требовательность и внимание к самостоятельной мысли подчинённых. Командиры проводили выходы в поле со средствами связи, игры на картах, изучали вероятные маршруты движения. Готовность поддерживали, не дожидаясь полного укомплектования корпуса.⁶⁻⁹

Здесь особенно ясно видно содержание командирской ответственности. Недостаток средств надо докладывать и добиваться его устранения. Одновременно следует готовить людей теми средствами, которые уже есть.

Ожидание идеальных условий не освобождает от работы сегодня.

Но пределы возможностей тоже необходимо знать. Если соединение ещё формируется, план его применения должен учитывать это состояние. Штатное наименование не заменяет наличной техники, транспорта и обученных экипажей. Между ожидаемой и действительной готовностью могут находиться месяцы труда, которых война не предоставит.

Рокоссовский вновь был в строю. Ему предстояло командовать людьми, часть которых только осваивала военную профессию. Общее дело продолжалось после пережитой несправедливости. Его верность армии и Родине выражалась теперь в ежедневной подготовке корпуса.

К лету 1941 года у Красной армии уже были вопросы, поставленные самой войной. Хасан требовал сверять план с местностью и учить роды войск действовать вместе. Халхин-Гол показал силу быстрого ответа на угрозу и подготовленного окружения, но июльская цена не позволяла считать поддержку танков второстепенным делом. Финская кампания заставила готовить людей к определённой обороне, учиться разведке и штурму на той задаче, которую предстояло решать.

В работе штаба 9-го механизированного корпуса — выходах со средствами связи, занятиях командиров, проверке маршрутов — видна та же потребность превратить знание в навык. Такие занятия ещё не доказывали готовности всего соединения. Они показывали, какой ежедневной работой её создавали. Промышленность давала армии новые возможности, а военная организация должна была успеть ими овладеть.

Предвоенные испытания не предрешали ни катастрофу, ни будущую Победу. Но теперь за словами о подготовке стояли определённые требования: разведать, согласовать, обеспечить, проверить на деле. Очень скоро выполнять их пришлось в условиях, когда времени на подготовку уже не оставалось.

Присяга. 1939 год

Я клянусь добросовестно изучать военное дело, всемерно беречь военное и народное имущество и до последнего дыхания быть преданным своему народу, своей Советской Родине и Рабоче-Крестьянскому Правительству.

Полный текст и источник — приложение А.

Часть третья. НЕПОБЕДИМАЯ И ЛЕГЕНДАРНАЯ

Глава 7. Выстоять

В июле 1941 года Рокоссовский получил задачу организовать сопротивление на ярцевском направлении. В его первоначальном распоряжении находились группа командиров, радиостанция и две машины со счетверёнными зенитными пулемётами. Войска ещё предстояло собрать. Ему разрешили подчинять себе части, которые встретятся по дороге.⁷⁻¹

К создаваемой группе присоединялись люди, потерявшие связь со своими соединениями. Одни выходили целыми подразделениями, другие — небольшими группами с командирами. Рокоссовский оставил об этом короткое свидетельство: «Они хотели воевать».

В этих трёх словах для меня заключена одна из главных правд сорок первого года. За ними — люди, уже пережившие отступление и утрату товарищей, но искавшие возможность снова встать в строй. Командиру предстояло дать их решимости опору: вернуть подразделение, оружие, связь, понятную задачу.

Первой под Ярцевом Рокоссовский встретил 38-ю стрелковую дивизию полковника М. Г. Кириллова, потерявшую связь со штабом своей армии. Её полки пополняли собранными по дороге людьми. Вскоре подошла 101-я танковая дивизия полковника Г. М. Михайлова. Появилась возможность строить оборону из соединений с разным вооружением и назначением.

Штаб возглавил Сергей Тарасов. Средств связи не хватало; офицеры ездили в части, выясняли положение, передавали распоряжения. За этими поездками стояла работа, которую на хорошей карте легко не заметить: установить, кто ещё держится, чем располагает и с кем может взаимодействовать. У Рокоссовского находились не все силы, которые требовались, но постепенно появлялось управление теми, которые удалось собрать.

В воспоминаниях командующего сохранилось устройство этого рубежа. Стрелковые части удерживали берег Вопи, артиллерия прикрывала направления вдоль шоссе и железной дороги, танковые полки оставались в положении, позволявшем контратаковать прорвавшегося противника.⁷⁻¹ Каждый род оружия получал своё место. Люди, ещё недавно разобщённые, вновь становились силой, способной действовать согласованно.

К Матушкину и памяти погибших книга вернётся в главе 9, к обязательству сохранять воинские могилы — в главе 15.

Первый удар

22 июня нацистская Германия напала на Советский Союз. В тот же день были приняты решения о мобилизации и военном положении. Уже 23 июня появилась Ставка Главного командования, 24 июня — Совет по эвакуации, 30 июня — Государственный комитет обороны во главе со Сталиным.⁷⁻²

Государство перестраивало управление в считанные дни. На фронте цена каждого дня измерялась иначе: потерянной переправой, разорванным стыком, окружённым полком. Между решением в Москве и его исполнением лежали дороги, узлы связи, штабы и части, положение которых менялось быстрее, чем успевали поступать сведения.

Командир мог знать, где находился сосед несколько часов назад, и уже не знать, где он теперь. Подвоз шёл к прежнему месту расположения части. Раненых требовалось вывозить по дороге, к которой приближался противник. Сражавшиеся продолжали выполнять свой долг, но их усилия переставали соединяться в общий результат.

Именно поэтому рассказ о сорок первом невозможно свести к недостатку личной храбрости. Удержать окоп и восстановить управление армией — разные задачи, обе

жизненно необходимые. Под Ярцевом офицеры на машинах связывали то, что не удавалось связать проводом. Командование возвращало бойцам возможность влиять на исход сражения за пределами собственного участка.

У этих людей ещё не было знания о будущей Победе. Они не могли утешать себя Берлином и парадом на Красной площади. Решение продолжать борьбу принималось внутри поражения. Именно тогда сохранялось то, из чего впоследствии вырастет победившая армия.

Увезти завод — вернуть производство

Выигранное фронтом время требовалось и тем, кто снимал заводское оборудование, грузил его в вагоны, отправлял на восток. Эвакуация сохраняла возможность вооружать армию после потери территории. Вместе со станками ехали рабочие и инженеры, документация, узлы и детали незавершённых машин.

Между последним изделием на прежнем месте и первым на новом возникал опасный перерыв. Демонтированный станок временно переставал работать на фронт. Его надо было довести, разгрузить, установить, подключить и наладить. Предприятию требовались энергия, металл, инструмент, транспорт. Рабочим — жильё и возможность выдержать этот труд после дороги и разлуки с домом.

Первый Т-34 на Уральском танковом заводе в Нижнем Тагиле собрали 18 декабря 1941 года. Для первых машин использовали узлы, вывезенные из Харькова.⁷⁻³ Сохранённое производство начинало возвращаться на фронт в виде новой техники.

Декабрьский танк не мог помочь расчёту, сражавшемуся в октябре. Эту дистанцию во времени нельзя стирать. Пока промышленность восстанавливала выпуск, армия должна была продолжать борьбу наличными силами, ремонтировать повреждённые машины, принимать прибывавшие части и удерживать

дороги. А появление новых танков означало, что за осенним кризисом не последует прекращение сопротивления из-за утраты заводов.

За словом «эвакуация» стояло сохранение целой производственной культуры. Человек, умевший обрабатывать броню или наладивать станок, привозил с собой знание, которое нельзя было заменить количеством доставленного железа. Военная школа предыдущих десятилетий продолжала действовать на фронте; промышленная — на новых заводских площадках. Обе теперь проходили испытание на способность сохранить страну.

Октябрь: дорога к Москве

Немецкое наступление на московском направлении началось 30 сентября на Брянском фронте; 2 октября удар пришёлся по войскам на вяземском направлении. Новые окружения поставили оборону столицы в крайне тяжёлое положение. Пока окружённые соединения продолжали сопротивление, восточнее собирали силы для восстановления фронта.⁷⁻⁴

Масштаб бедствия нельзя уменьшать последующей победой. За исчезнувшим с карты соединением оставались погибшие, раненые, пленные, люди, пробивавшиеся к своим. Штабу приходилось одновременно выяснять размер утраты и закрывать образовавшийся разрыв. Установить местонахождение полка становилось боевой задачей.

Москва была столицей, узлом управления и коммуникаций, промышленным городом. Для её жителей всё это соединялось с ближайшим и самым понятным: домом, семьёй, своей улицей. Приближение фронта лишало повседневную жизнь привычной устойчивости.

Утром 16 октября метро не открылось для пассажиров. Вечером движение возобновилось: первый поезд отправился в 18 часов 45 минут.⁷⁻⁵ Эти два события принадлежат одному дню. Между ними город пережил

остановку важнейшей системы своей жизни и её возвращение к работе.

Возобновление движения имело вполне вещественный смысл. Люди снова могли добираться до заводов, учреждений, мест службы. Работающий транспорт становился частью обороны. В вагоноремонтных мастерских депо «Сокол» выпускали корпуса боеприпасов, в механических мастерских ремонтировали танки.⁷⁻⁵ Транспортники обеспечивали фронт и своей обычной профессией, и освоенным военным производством.

Постановлением ГКО от 19 октября осадное положение в Москве и прилегающих районах вводилось с 20 октября. Документ разделял ответственность за оборону фронтовых рубежей и подступов к столице, устанавливал порядок охраны города.⁷⁻⁶ Войскам предстояло удерживать врага, городскому хозяйству — продолжать работу под угрозой удара. Москва оставалась действующим центром страны.

Панфилов и его дивизия

На волоколамском направлении в составе 16-й армии сражалась 316-я стрелковая дивизия Ивана Панфилова. Вспоминая первую встречу с ним, Рокоссовский отмечал обоснованность его предложений и уважительное отношение к подчинённым.⁷⁻⁷

Для командарма это было существенно: перед ним находился начальник, знавший своё соединение. Доверие к командиру в бою складывается из совершенно определённых вещей — подготовки позиции, понятного приказа, своевременной помощи, сохранённой связи. Боец видит, учитывает ли начальник опасность, с которой ему предстоит столкнуться.

18 ноября дивизия была преобразована в 8-ю гвардейскую. В тот же день Панфилов погиб у Гусенёва.⁷⁻⁸ Полученное соединением звание и потеря командира оказались рядом во времени. Дальнейшие бои его люди вели уже без него.

История панфиловцев продолжалась в действиях полков, батальонов и расчётов. В декабре этой же дивизии предстояло сражаться за Крюково. Там понадобились накопленный опыт обороны, способность выдерживать потери и умение перестраивать бой. Командирская работа Панфилова жила в людях, которыми он руководил, но каждую новую задачу им ещё предстояло решить самим.

Так и следует видеть преемственность в армии: полученный опыт помогает выдержать следующее испытание, не освобождая от его тяжести. Гвардейское звание обязывало. Овладевать занятым противником посёлком всё равно приходилось под огнём.

Истра: сохранить дивизию

78-я стрелковая дивизия Афанасия Белобородова прибыла с Дальнего Востока. По воспоминаниям командира, её перевозили тридцатью шестью эшелонами; 28 октября части выгружались в Истре и на соседних станциях. Одни подразделения уже сосредоточивались, другие ещё находились в пути.⁷⁻⁹

Прибытие резерва не было одномоментным появлением готовой дивизии на карте. Требовалось соединить людей, артиллерию и транспорт, наладить связь, выяснить задачу. Полк, первым закончивший выгрузку, и следовавший за ним артиллерийский эшелон могли в этот момент находиться в разном положении относительно боя. Согласовать их действия было такой же частью обороны, как подготовить огневую позицию.

В ноябрьских боях Белобородов запомнил наводчика Валентина Лебедева, учителя по гражданской профессии, награждённого орденом Красного Знамени.⁷⁻¹⁰ Мне важны такие имена. За номером дивизии появляется человек, у которого до войны были ученики, а теперь — орудие и товарищи, зависевшие от точности его огня.

По воспоминаниям Белобородова, к 25 ноября положение дивизии стало особенно тяжёлым. Соседние

войска уже отошли на восточный берег, а она продолжала удерживать участок западнее Истры. Рокоссовский приказал перевести её на восточный берег к 18 часам, занять оборону в городе и южнее. Вслед за телефонным распоряжением прибыл связной с письменным приказом. Переправу прикрывали сильные арьергарды.⁷⁻¹⁰

Здесь можно увидеть, из чего складывался организованный отход. Устанавливались срок, новый рубеж и порядок прикрытия. Командир дивизии получал задачу, с которой продолжал действовать после переправы. Сохранить людей означало вывести соединение в состоянии, позволяющем снова принять бой.

Арьергард в таком манёвре оставался перед противником, пока основные силы меняли положение. Его стойкость приобретала точный смысл: дать остальным время переправиться и занять оборону. Отступление оставалось тяжёлым, но при сохранённом управлении не превращалось автоматически в распад.

Рокоссовский писал и о приказах сверху, не учитывавших времени и состояния частей.⁷⁻⁷ В этих воспоминаниях слышна напряжённость отношений между командующими, отвечавшими за разные участки общей задачи. Успех под Москвой не отменил подобных противоречий. На рубеже Истры виден практический ответ на них: приказ должен был дойти до войск вовремя и определять выполнимое действие.

2 декабря: помочь соседу

К началу декабря фронт подошёл к Матушкину и Крюкову — местам, которые позднее войдут в Зеленоград. Здесь в бой вступала 354-я стрелковая дивизия полковника Дмитрия Алексеева. Её эшелоны прибывали на станцию Сходня с 30 ноября. Из-за бомбардировки часть разгружалась в Химках и у платформы Планерная. Последний эшелон прибыл 2 декабря. Журнал дивизии фиксирует потери ещё при выгрузке: семнадцать убитых и девятнадцать раненых.⁷⁻¹¹

Людей вводили в сражение почти сразу после дороги. Между станцией и передним краем не было спокойного промежутка, в котором можно было бы завершить все приготовления. Дивизия получала участок в уже идущем бою.

В 22 часа 40 минут 2 декабря штаб 16-й армии направил распоряжение командирам 7-й и 8-й гвардейских стрелковых дивизий. В нём сообщалось о прорыве немецких танков и пехоты в Крюково и продолжавшихся уличных боях. Командующий приказал поднять по тревоге 159-й стрелковый полк 7-й гвардейской дивизии и передать его командиру 8-й гвардейской. К трём часам ночи полк должен был прибыть к западной опушке леса восточнее Крюкова. Принимающему командиру предписывалось организовать встречу и поставить задачу.⁷⁻¹²

От момента распоряжения до назначенного срока оставалось четыре часа двадцать минут. За это время требовалось поднять полк, привести его в готовность, вывести к определённом месту и включить в чужую систему управления. В документе названы оба конца этой работы: кто отправляет помощь и кто обязан её принять.

Так выглядело поддержание фронта в ночь, когда противник уже находился в посёлке. Резерв направляли к конкретному командиру, на конкретный рубеж. Соседство на карте превращалось в обязанность прийти на помощь.

Сам приказ не рассказывает, как прошёл весь марш; он показывает, насколько точно командование пыталось организовать помощь в отведённые часы.

Матушкино: удержать и подготовить удар

Утром 3 декабря командование 1199-го стрелкового полка 354-й дивизии записывало приказ на листах тетради. Перед ним находился противник, остановивший продвижение миномётным и автоматным огнём. Полку предстояло закрепиться у Больших Ржавок и Савелок, организовать противотанковую оборону и сохранять готовность к контратаке в направлении высоты 217,1, Матушкина и Красного Октября.⁷⁻¹³

Приказ распределял задачи между батальонами. Указывалось, где оборудовать позиции, откуда опасаться танков, в каком направлении готовить контратаку. Один и тот же рубеж должен был служить местом сопротивления и исходным положением для дальнейшего действия. Штаб уже думал о возможности вернуть инициативу, хотя ближайшей обязанностью оставалось удержать занятое.

Оперативная сводка, составленная к трём часам ночи 4 декабря, позволяет увидеть следующий шаг. Полк организовал оборону. Третий батальон после боя 2 декабря переформировывался и занимал участок у Савелок и вдоль ручья. Днём противник обстреливал позиции; к вечеру огонь по Большим Ржавкам усилился. На левом соседнем участке продолжалась борьба за Крюково.⁷⁻¹⁴

Здесь за выражением «восстановить боеспособность» стоит судьба определённого батальона. После первого тяжёлого боя он приводил себя в порядок и возвращался в общую оборону. Для этого требовалось снова собрать людей, распределить обязанности, установить связь с полком. Всё происходило рядом с противником, под угрозой нового удара.

Первые дни обошлись дивизии дорого. В журнале за первую пятидневку декабря записаны 148 убитых, 445

раненых и 238 обмороженных.⁷⁻¹¹ Холод выводил из строя людей, уже выдерживавших огонь. Эту цену нельзя спрятать за знакомыми сегодня названиями улиц и деревень.

Но журнал продолжался. После записей о потерях появлялись новые задачи, перемещения подразделений, время получения приказа. Дивизия сохраняла способность исполнять их. В этом и заключался ближайший результат обороны: враг не получил свободной дороги, а советские части оставались армией, которой можно было поставить следующую задачу.

Схема. Москва: от прибытия к наступлению

Схема последовательности событий; не географическая карта.

Этап	Действие и связь
30 ноября — 2 декабря 1941	Эшелоны 354-й дивизии прибывают к Сходне; часть разгружается в Химках и у Планерной.
2 декабря, 22:40	Распоряжение 16-й армии: 159-й полк передать соседней 8-й гвардейской дивизии для действий у Крюкова.
Матушкино	Удержание рубежа и подготовка наступления связаны в одну задачу.
Крюково	Переход к наступательным действиям требует согласования соседних частей.

Источники: ⁷⁻¹¹, ⁷⁻¹²; последующие приказы разобраны в этой главе.

Приказ на наступление

6 декабря в 11 часов был подписан боевой приказ № 05/оп по 16-й армии. Рокоссовский назначал начало наступления на 10 часов 7 декабря. Исходное положение следовало занять часом раньше. 354-я дивизия должна была уничтожить противника в районе Матушкина и затем овладеть рубежом Чашниково — Алабушево. Для 8-й гвардейской дивизии с приданными силами определялась задача овладеть районом Крюково — Александровка — Андреевка.⁷⁻¹⁵

Армейский приказ задавал соседям связанные направления. Удар по Матушкину и продвижение к Алабушеву меняли положение севернее крюковского узла; наступление панфиловцев и приданных им частей должно было выбить противника из самого узла. При этом другие соединения получали задачи прикрытия и подготовки следующего удара. В наступление переходила армия, у которой ещё оставались обязанности обороны.

В журнале 354-й дивизии отмечено получение армейского приказа в 15 часов. Через полчаса командирам частей объявили предварительное распоряжение, в 19 часов командир дивизии отдал боевой приказ.⁷⁻¹¹ Эти отметки позволяют проследить движение решения от командарма к исполнителям. Часы уходили на постановку задач и подготовку; утром полки должны были действовать совместно.

Сохранился и приказ № 8 по 1199-му полку от 6 декабря. Он направлял полк за левым флангом 1203-го к Александровке, затем к Андреевке, распределял задачи между батальонами и определял исходное положение.⁷⁻¹⁶ Армейский замысел приобретал размер, с которым могли работать командиры на местности.

За этими документами стояла прежняя школа: читать карту, определить границу с соседом, рассчитать время, сообщить задачу подчинённым. Теперь её качество

проверялось тем, появятся ли подразделения там, где от них зависит ход боя.

От Матушкина к освобождённому Крюкову

Наступление не стало лёгким оттого, что противник остановился. Закрепившись в населённых пунктах, немецкие части получили укрытия и подготовленные позиции. Для советской пехоты движение вперёд вновь означало выход под огонь.

В тактическом разборе боёв, подготовленном полковником Л. Л. Десятовым и подполковником П. Н. Горуном для Военной академии имени Фрунзе, неудачи первых атак на Крюково связывались с недостаточной разведкой и лобовым направлением ударов. К новому наступлению уточнили расположение огневых средств, подготовили штурмовые группы, организовали взаимодействие. Группу из панфиловцев, кавалеристов, стрелковой и танковой бригад возглавил командир 8-й гвардейской дивизии генерал Ревякин. Главные силы должны были обходить узел сопротивления с флангов.⁷⁻¹⁷

7 декабря 354-я дивизия наступала справа от этой группы. Её журнал показывает, насколько неодинаково развивался бой даже в соседних полках. Первый батальон 1201-го ворвался в Матушкино с северо-востока, но под огнём отошёл к Ленинградскому шоссе. Был ранен командир полка; журнал отмечает временную потерю управления. 1203-й полк продвигался к Матушкину и Алабушеву. 1199-й к исходу суток достиг железной дороги, продолжая бой за Александровку.⁷⁻¹¹

Приказ был общим, но положение у каждого исполнителя складывалось своё. Там, где ранили командира, требовалось восстановить управление; там, где полк продвинулся, — поддержать его и сохранить связь с соседями. Успех нужно было развивать прежде, чем противник успеет закрыть возникший разрыв.

Под Крюковым во второй половине 7 декабря в бой ввели 1077-й стрелковый полк, находившийся во втором эшелоне. Вместе с 1075-м он овладел районом станции. Наступление продолжилось ночью и утром. К концу 8 декабря группа очистила от противника Крюково и Каменку. Полностью перехватить отходивший гарнизон не удалось: организация преследования запоздала.⁷⁻¹⁷

Это была победа, добытая перестройкой боя. После неудачных атак командование уточняло систему обороны, соединяло усилия частей, вводило дополнительные силы на направлении успеха. Посёлок освобождали уже научившиеся многому люди, которым ещё предстояло учиться дальше.

На соседнем участке бой также не завершился одной датой. Журнал 354-й дивизии относит занятие Алабушева и овладение Александровкой к действиям в ночь на 9 декабря и на рассвете.⁷⁻¹¹ Продвижение соседей поддерживало общий успех, но происходило через собственные задержки, новые атаки и потери. Фронт сдвигался совместным усилием частей, каждая из которых проходила свой бой.

Сегодня эта земля застроена. Между Матушкином, Савелками, Крюковым и Алабушевым проходят привычные городские пути. В декабре сорок первого расстояние между ними измерялось возможностью поддержать соседний полк, подвести орудие, вынести раненого, удержать переправу или выйти к железной дороге.

Из братской могилы на 40-м километре Ленинградского шоссе в 1966 году перенесли к Кремлёвской стене прах Неизвестного солдата.⁷⁻¹⁸ Его имя и принадлежность к определённом соединению не установлены. Но история места, где он лежал с товарищами, возвращает этому образу землю боя, от которой его невозможно отделить.

Сохранить возможность наступать

Подготовка общего контрнаступления шла ещё во время напряжённых оборонительных боёв. Василевский вспоминал, что войска Калининского фронта начали его 5 декабря, ударные группировки Западного и Юго-Западного фронтов — 6 декабря.⁷⁻¹⁹ Приказ 16-й армии на утро 7 декабря показывает, как внутри общего движения определялись сроки для конкретных соединений.

Победа под Москвой не сделала дальнейший путь лёгким. Впереди оставались новые поражения, тяжёлые кампании, годы труда и огромные потери. Но армия, которую враг намеревался уничтожить, сама переходила в наступление. Советское государство сохранило столицу, управление и возможность продолжать войну.

Рокоссовский прошёл путь от группы, которую требовалось собрать под Ярцевом, до армии, удерживавшей подступы к Москве и освобождавшей занятые врагом населённые пункты. Рядом работали штабы, командиры дивизий и полков, связисты, артиллеристы, медики. На востоке восстанавливали производство. По железным дорогам подходили новые силы.

Моя благодарность людям сорок первого года начинается здесь. Они сохранили возможность будущей Победы тогда, когда её ещё нельзя было увидеть. Собирали рассеянные части, возвращали связь, переправляли товарищей, удерживали дороги. А затем находили силы идти вперёд.

Выстоять означало сохранить армию действующей. Теперь предстояло превратить этот опыт в устойчивое военное превосходство — научиться готовить и проводить большие победные операции.

Глава 8. Научиться побеждать

Уже после Сталинграда Рокоссовский допустил ошибку, о которой позднее написал сам. На Центральном фронте 70-ю армию поспешно вводили в сражение, по частям, без достаточного артиллерийского обеспечения. Он объяснял неудачу неопытностью её старшего командования, но тут же добавлял: «не могу снять вины с себя и со своего штаба».⁸⁻¹

Эти слова произнёс человек, за плечами которого была одна из величайших побед войны. Они помогают понять, как армия училась побеждать. Опыт становился знанием тогда, когда командир разбирал собственное решение: чего не проверил, кому поручил задачу, чем обеспечил её выполнение. Победа давала уверенность. Ответственность требовала сохранять способность сомневаться в себе.

Мне дорог такой Рокоссовский. Его авторитет выдерживает признание ошибки. За ним остаётся право требовать от других, потому что ту же меру он применяет к себе. Войскам предстояло пройти долгий путь от умения удержаться под ударом до умения определять ход сражения. Этот путь требовал мужества особого рода: видеть действительное положение даже тогда, когда оно мешает красивому замыслу.

Признание имело продолжение. Рокоссовский вместе с членом Военного совета Константином Телегиным отправился в 70-ю армию. До войск добирались на машине, санях и лыжах. Командующий счёл необходимым сменить командарма и укрепить штаб опытными офицерами.⁸⁻¹ Так в его рассказе ответственность превращалась в работу: выяснить причину неудачи и исправить устройство управления перед следующим боем.

Сталинград: удержать и окружить

Осенью 1942 года судьба страны снова решалась в обороне. Сталинград стал местом, где противник пытался довести до конца наступление к Волге. Защитники города удерживали пространство, которое на карте большого фронта выглядело узкой полосой. Но именно здесь продолжалась борьба, связывавшая значительные силы врага.

Подготовка контрнаступления означала необходимость одновременно решать две задачи. Требовалось поддерживать войска, которые уже сражались, и собирать силы для будущего удара. Каждый резерв был нужен немедленно. Тем труднее было сохранить его для операции, результат которой ещё предстояло обеспечить.

19 ноября 1942 года началось наступление ЮгоЗападного фронта Николая Ватутина и Донского фронта Константина Рокоссовского. На следующий день в наступление перешёл Сталинградский фронт Андрея Ерёменко. Это было контрнаступление «Уран»: совместные действия фронтов привели к окружению вражеской группировки.⁸⁻²

Уже в этом перечислении виден масштаб перемены. Обороняющаяся армия сумела подготовить согласованное наступление нескольких фронтов. Для него было недостаточно накопить технику. Требовалось скрыть подготовку, определить направления ударов, распределить задачи и обеспечить движение войск. Соединения должны были встретиться в нужном районе, а за передовыми частями должны были поспевать боеприпасы, горючее и управление.

На карте окружение выглядит законченной фигурой. В действительности его ещё надо удержать. Внутри остаётся вооружённый противник, извне к нему могут пробиваться новые силы. Части, совершившие прорыв, утомлены. Их машины нуждаются в заправке и ремонте. Войскам приходится одновременно наступать, закрепляться и

отражать удары. Поэтому замкнувшееся кольцо обозначает начало следующей трудной работы.

Попытка немецкого командования деблокировать окружённую группировку была сорвана.⁸⁻³ Но и внутри кольца сопротивление продолжалось. Советским войскам предстояло преодолеть оборону, которую противник укреплял, используя каждый выигранный день.

Рокоссовский описал трудность декабрьских атак: продолжительная артиллерийская подготовка позволяла врагу определить место удара и подтянуть резервы. В войсках пробовали иной порядок захвата отдельных опорных пунктов. Подготовленные части сближались с целью, пехота и танки начинали атаку одновременно с открытием артиллерийского огня. После их выхода к первой линии окопов огонь переносили дальше и на фланги, а стрелковые подразделения уничтожали оставшиеся очаги сопротивления.⁸⁻¹²

Менялось соотношение огня и движения. Между подавлением позиции и появлением перед ней атакующих оставалось меньше времени. Командиру требовалось обеспечить то, что невозможно было получить одним требованием наступать смелее: приблизить помощь артиллерии к моменту, когда в ней нуждалась пехота.

Казачий курган: подготовить свой бой

Командующий 65-й армией Павел Батов оставил очень земное объяснение того, что стоит за словом «взаимодействие». Рассказывая о декабрьских боях за Казачий курган, он вспоминал, как лично знакомил командиров пехоты, танковых и артиллерийских частей, работал с ними на карте и на местности. Речь шла о подготовке штурма, завершившегося взятием высоты 28 декабря 1942 года.⁸⁻⁴

Людей знакомил друг с другом командующий армией. Эта подробность заслуживает места рядом с названиями больших операций. В бою недостаточно знать, что сосед

существует. Нужно понимать его задачу, возможности, порядок связи с ним. Иначе танки могут уйти вперёд без пехоты, пехота — остаться перед уцелевшей огневой точкой, артиллеристы — не получить вовремя сведений о цели.

Работа на местности превращала общий приказ в общее понимание. Здесь командир мог проверить, одинаково ли подчинённые видят задачу. Здесь выяснялись препятствия, которые на карте казались несущественными. Согласованность складывалась заранее; в бою её приходилось поддерживать под огнём, при потерях и обрывах связи.

В решающем бою действовали 173-я стрелковая дивизия Василия Аскалепова и 91-я танковая бригада Ивана Якубовского. По рассказу Батова, Якубовский приблизил танки к переднему краю на левом фланге, а справа ночью работал тягач, шумом создававший впечатление сосредоточения машин. После короткого огневого налёта и залпа гвардейских миномётов началась атака. Пехота воспользовалась малым промежутком между окончанием подготовки и броском вперёд. К полудню курган был взят.⁸⁻⁴

Здесь сошлись разные умения: скрыть действительное направление движения, отвлечь внимание врага, согласовать огонь с атакой, вывести пехоту и танки к одной цели. Высота, с которой противник наблюдал за советскими позициями, была частью его преимущества. Овладение ею меняло условия последующего боя.

Так раскрывается военное содержание заботы о солдате. Она выражается и в том, насколько точно подготовлен его бой. Можно требовать стойкости перед каждым препятствием. Но командир обязан прежде сделать всё, чтобы препятствие было разведано, подавлено или обойдено. В этом отношении профессиональное мастерство имеет прямой нравственный смысл.

«Кольцо»: довести окружение до разгрома

Заключительную операцию «Кольцо» готовили войска Донского фронта. По свидетельству Рокоссовского, передача 2-й гвардейской армии Сталинградскому фронту потребовала изменить первоначальный план: главный удар для расчленения окружённой группировки теперь сосредоточивали на направлении с запада на восток. В окончательной разработке участвовал представитель Ставки Николай Воронов; 27 декабря план представили в Ставку.⁸⁻¹³

Это был существенный выбор. Окружающая сторона тоже ограничена в силах: часть соединений держит кольцо, часть наступает, тыл обеспечивает обе задачи. Изменение состава войск требовало заново соотнести ширину наступления с возможностью пробить оборону. Сохранённая цель операции должна была получить другое обеспечение.

Наступление началось 10 января 1943 года.⁸⁻³ Рокоссовский вспоминал, что по мере продвижения приходилось перегруппировывать пехоту, артиллерию и танки, усиливая разные участки. Встречные действия готовили заранее: частям, приближавшимся друг к другу, назначали опознавательные знаки и сигналы. 26 января войска 21-й армии соединились с защитниками города из 62-й армии; соединение 65-й армии также установило связь с частями Чуйкова. Окружённая группировка оказалась разделена.⁸⁻¹³

В этой встрече была и радость, и выполненная оперативная задача. Защитники волжского берега, пережившие месяцы боёв в городе, становились участниками общего рассечения противника. Фронт, удерживавшийся на узкой полосе, соединялся с войсками, пришедшими с запада. Теперь оставшиеся очаги сопротивления можно было подавлять раздельно.

31 января прекратила сопротивление южная группа, 2 февраля — северная. Сталинградская битва

завершилась.⁸⁻³ Между замыканием окружения и его ликвидацией лежала самостоятельная операция со своей подготовкой, изменениями плана и тяжёлыми боями. Победа состояла и в том, что командование довело начатое до результата, ради которого собирало силы.

Схема. Сталинград: две задачи, две операции

Схема последовательности событий; не географическая карта.

Этап	Действие и связь
«Уран», ноябрь 1942	Совместное контрнаступление Юго-Западного, Донского и Сталинградского фронтов: окружить группировку противника.
Подготовка «Кольца»	Донской фронт: распределить силы, огонь и направления удара внутри сложившегося окружения.
10 января 1943	Начало наступления для разгрома окружённой группировки.
26 января	Соединение войск 21-й армии с защитниками города; расчленение окружённой группировки.

Источники: 8-2, 8-3.

Право выбрать оборону

После Сталинграда война не стала непрерывной чередой удачных наступлений. Впереди оставался противник, способный сосредоточивать силы, наносить контрудары и использовать наши просчёты. Признание Рокоссовского, с которого начинается эта глава, относится именно к этому времени. Победа на одном участке ещё не обеспечивала готовности войск к следующей задаче.

Весной 1943 года перед советским командованием встал вопрос о действиях на Курском выступе. Александр Василевский вспоминал длительное обсуждение разведывательных сведений и возможных решений. 12 апреля в Ставке было предварительно принято решение о

преднамеренной обороне с последующим переходом в контрнаступление. За войсками, которым предстояло принять удар, создавался крупный стратегический резерв.⁸⁻⁵

Преднамеренная оборона требовала особой уверенности в армии. Следовало допустить, что враг начнёт наступление, выдержать его удар и сохранить силы для собственного. Всё зависело от того, насколько верно определены его намерения и насколько прочна подготовленная оборона.

Штаб должен был превратить сведения о противнике в расположение собственных сил: определить, где держать наиболее прочную оборону, куда направить подкрепления и какие пути сохранить для их движения. Ошибка в оценке направления удара могла потребовать быстрой перегруппировки уже под огнём.

5 июля началось немецкое наступление. На северном фланге Курского выступа оборонялись войска Центрального фронта Рокоссовского, на южном — Воронежского фронта Ватутина. На севере главный удар пришёлся по 13-й армии Николая Пухова; тяжёлые бои развернулись на ольховатском и поныровском направлениях.⁸⁻⁶

Резерв, которого не будет

По воспоминаниям Рокоссовского, в ночь на 6 июля Ставка обещала ему 27-ю армию. Утром её перенаправили Воронежскому фронту. Центральному фронту предстояло собственными силами ещё и прикрыть Курск с юга.⁸⁻¹⁴

Резервную дивизию 60-й армии Черняховского перевезли фронтовым транспортом; к Курску выдвигали 9-й танковый корпус. Два танковых полка 65-й армии направили на стык 13-й и 70-й. Возражавшему Батову командующий указал на угрозу выхода противника в тыл.⁸⁻¹⁴

В этом эпизоде резерв перестаёт быть условным знаком на карте. За его перемещением стоят два начальника, каждый из которых отвечает за своих людей. Командарм видит, чем будет отражать удар на своём участке. Командующий фронтом обязан оценить, какой участок определяет положение остальных. Его решение перераспределяет риск; исполнить его нужно прежде, чем этот риск станет прорывом.

Такое управление требует доверия, заработанного предыдущими боями. Батов мог возражать и обосновывать потребности своей армии. Но после принятия решения танковые полки должны были помочь соседям. Опыт совместной службы позволял соединять обсуждение с дисциплиной исполнения.

Контрудар и время

Вечером 5 июля Рокоссовский приказал 2-й танковой армии на рассвете следующего дня нанести контрудар силами 16-го и 19-го танковых корпусов во взаимодействии с 17-м гвардейским стрелковым корпусом. Предстояло восстановить положение на левом фланге 13-й армии. Общее руководство возлагалось на её командующего: он должен был согласовать время начала и действия участвовавших войск.⁸⁻¹⁶

Вечерняя сводка Центрального фронта сообщала, что 6 июля в четыре часа 17-й гвардейский стрелковый корпус с 237-м отдельным танковым полком и 16-м танковым корпусом контратаковал и потеснил противника. В середине дня враг, подтянув свежие части, оттеснил гвардейцев на исходные рубежи. Дальнейшие контратаки корпуса успеха не имели.⁸⁻¹⁷

Рокоссовский описывает соединение с окружёнными подразделениями, затем отход под усилившимся натиском врага. Контрудар не принёс ожидаемого развития; его пользу командующий связывал с выигрышем времени для укрепления обороны.⁸⁻¹⁴

Здесь сохранялись люди и подразделения, которые враг уже обошёл. Их сопротивление имело продолжение: наступавшие товарищи возвращали их в общий строй. Но локальный успех ещё не означал разгрома всей ударной группировки. Командованию приходилось одновременно видеть достигнутое и ограничение собственных возможностей.

Положение под Курском требовало другого использования времени, чем зимой у Волги. В окружении противника стремились лишить свободы манёвра; в обороне — выдержать его сосредоточенный удар и не израсходовать все средства до решающего момента. Для этого было мало заранее выбрать рубеж. Надо было сохранить возможность менять расположение сил, когда противник обнаружит свой замысел.

Курская битва включала и оборонительные, и наступательные действия. 12 июля началась Орловская операция, 3 августа — Белгородско-Харьковская. Освобождение Харькова 23 августа обозначило завершение битвы.⁸⁻⁷

Этот переход позволяет увидеть результат подготовки шире, чем в одном отражённом ударе. Армия сохранила способность наступать после тяжёлых оборонительных боёв. Значит, её силы и управление выдержали смену задачи. Умение остановить противника соединялось с умением использовать открывшуюся возможность.

Замысел, который можно выполнить

Летом 1944 года новая степень зрелости Красной армии проявилась в Белорусской операции «Багратион». В ней участвовали четыре фронта. Рокоссовский командовал 1-м Белорусским; его войскам предстояло разгромить бобруйскую группировку противника.⁸⁻⁸

С подготовкой операции связан знаменитый рассказ о двух главных ударах. В «Солдатском долге» Рокоссовский вспоминал, как отстаивал это решение в Ставке, где ему

предлагали сосредоточиться на одном направлении. По его свидетельству, он дважды выходил обдумать возражения и возвращался к прежнему выводу. План был принят.⁸⁻⁸

Рассказ принадлежит самому командующему и передаёт его память о совещании. Документ позволяет точно установить утверждённое решение. Директива Ставки № 220113 от 31 мая 1944 года предписывала нанести два удара: силами 3-й и 48-й армий из района Рогачёва и силами 65-й и 28-й армий с другого участка, в районе нижнего течения Березины и Озаричей. Подвижные войска предназначались для развития успеха после прорыва.⁸⁻⁹

В директиве разделялись ближайшая задача и дальнейшее продвижение. После разгрома бобруйской группировки войскам предстояло выйти в район Пуховичей, Слуцка и Осиповичей. Часть сил правого крыла должна была помогать соседнему 2-му Белорусскому фронту в разгроме могилёвской группировки. Конница и танки предназначались для развития успеха после прорыва.⁸⁻⁹

Замысел не заканчивался занятием города. Предстояло разрушить оборону на выбранных участках, разгромить группировку, затем двигаться дальше, нарушая связи между оставшимися силами врага. Прорыв открывал возможность манёвра; без своевременного движения подвижных частей эту возможность можно было потерять.

Для меня смысл этого эпизода заключается в ответственности за собственную мысль. Командующий знал, что ему придётся отвечать за исполнение. Согласиться на решение, которое он считал менее подходящим, означало бы принять последствия такого согласия. Поэтому настойчивость имела служебное основание: добиться утверждения выполнимого замысла.

Самостоятельность здесь требовала доказательств. Два удара означали две подготовленные группировки,

обеспеченные артиллерией, дорогами, снабжением и связью. Каждой предстояло прорвать оборону, а затем участвовать в общем разгроме. Смелое предложение должно было выдержать проверку возможностями собственных войск.

Эта проверка хорошо видна в воспоминаниях Батова о подготовке 65-й армии. Для удара был выбран заболоченный участок. По его рассказу, войска заранее заготавливали гати, часть проходов готовили и маскировали; на болотистых танкодромах проверяли движение машин. Рокоссовский и Жуков увидели такую проверку во время приезда в армию.⁸⁻¹⁰

Болото переставало быть непреодолимой преградой благодаря труду и проверке. Его проходимость нельзя было установить волевым приказом. Требовалось изучить грунт, подготовить пути, испытать их, убедиться, что вслед за первыми машинами смогут двигаться остальные. До начала операции эта работа почти не имела зрелищности. В день наступления от неё зависел темп движения войск.

В таком эпизоде особенно ясно виден солдатский вклад в замысел полководца. Командующий выбирает направление, а пригодность выбранного пути устанавливается множеством рук и глаз. Сапёр замечает то, чего не видно в масштабе фронтовой карты. Механик-водитель проверяет машину на трудном грунте. Командир подразделения сообщает, где подготовка требует исправления. Военный опыт движется и снизу вверх.

Пройти там, где не ждут

В изложении Батова подготовка имела продолжение на командной игре: действия корпусов и дивизий разбирали на макете местности, включая ускоренный вариант развития успеха. Под Паричами 23 июня провели демонстрационные атаки. Главный удар 65-й армии на следующий день наносился через заболоченную местность, где оборона противника была слабее.⁸⁻¹⁵

По рассказу Батова, 24 июня первыми через болота прошли стрелковые части 69-й дивизии. Инженерные части под руководством начальника инженерных войск армии Швыдкого прокладывали и укрепляли пути. Затем прошли танки поддержки, противотанковые орудия на тягачах и самоходная артиллерия.⁸⁻¹⁵ Пехота получала за болотом тяжёлое оружие, необходимое для продолжения боя.

В этой последовательности видно содержание инженерного успеха. Сам по себе выход стрелков на другую сторону ещё не решал задачу наступления: без прохода для техники они рисковали остаться перед новой позицией противника с ограниченными средствами. Подготовленная дорога позволяла наращивать силу удара. Каждая следующая прошедшая часть делала достигнутый рубеж опорой для дальнейшего движения.

То, что на фронтовой карте обозначалось одним направлением, внизу распадалось на разные работы. Их требовалось выполнить в нужном порядке. Пехота занимала пространство, сапёры открывали путь, танки и орудия усиливали её, командование следило, чтобы движение не остановилось после первого успеха. Так замысел становился общей работой войск.

Победа ценой потерь?

Сам факт победы не оправдывает каждое решение победителя. Но и число жертв, вырванное из обстановки, не объясняет, какие возможности имел командир. В этой главе ответ дан через сопоставление решений: поспешный ввод 70-й армии, выбор обороны под Курском, подготовку прорыва в Белоруссии. В первом случае Рокоссовский признаёт собственную вину; в других мы видим работу по сосредоточению сил и обеспечению удара. Общая оценка приобретает смысл там, где можно назвать конкретное решение и его последствия.

Схема. Белоруссия: подготовка и развитие удара

Схема последовательности событий; не географическая карта.

Этап	Действие и связь
Замысел	Согласовать направления наступления и взаимодействие армий.
23 июня 1944	Демонстрационные атаки под Паричами.
24 июня	Главный удар 65-й армии через заболоченную местность; инженерная подготовка обеспечивает проход техники.
28-29 июня	Новые задачи движения на Минск, Слуцк и Барановичи; овладение Бобруйском во взаимодействии 65-й и 48-й армий.

Источники: 8-9, 8-11, 8-15.

Сила общего действия

Директива на Бобруйскую операцию содержала и менее известный пункт: ответственность за стык со 2-м Белорусским фронтом возлагалась на Рокоссовского.⁸⁻⁹ Рядом с задачей наступать стояла обязанность обеспечить согласованность с соседом.

Эта строка возвращает нас от образа отдельного полководца к устройству большой армии. Фронт действует в общем пространстве войны. Его успех должен соединяться с успехом других фронтов; его продвижение меняет положение соседа. Поэтому даже самый талантливый командующий отвечает за часть общего дела и обязан видеть его целиком.

В самом Бобруйске противник продолжал сопротивляться. В воспоминаниях Рокоссовского описаны неудачная атака во второй половине 27 июня, продолжение боёв и попытка гарнизона прорваться в ночь на 29-е. С рассветом передовые отряды 48-й армии

переправились через Березину и вступили в бой на восточной окраине; полки 354-й стрелковой дивизии заняли вокзал. 29 июня 65-я армия во взаимодействии с 48-й полностью овладела городом.⁸⁻¹¹

354-я дивизия уже встречалась нам в боях под Москвой. В декабре сорок первого она восстанавливала батальоны после первых потерь, получала приказы на наступление у Матушкина и Александровки. Теперь её полки участвовали в завершении разгрома крупной вражеской группировки. Соединение сохраняло номер и боевую историю, хотя за годы войны менялись люди. Преемственность армии жила в передаче опыта тем, кто приходил в строй.

Освобождение Бобруйска открывало дальнейшие направления наступления. Уже 28 июня Ставка поставила фронту задачи движения частью сил на Минск, главными силами — на Слуцк и Барановичи.⁸⁻¹¹ Завершение одного окружения сочеталось с развитием следующего этапа. Противнику стремились не дать восстановить устойчивую оборону.

Это требовало различать задачи частей. Одни продолжали очищать занятый район от сопротивлявшихся групп, другие выходили к новым рубежам. Если задержать всех у последнего узла сопротивления, враг получает время впереди. Если все уйдут вперёд, незавершённый бой остаётся у них за спиной. Управление большой операцией состояло и в таком разделении работы.

От Сталинграда до Белоруссии росла способность армии решать связанные задачи. Артиллерия готовила условия для продвижения пехоты и танков; подвижные соединения развивали успех; инженерные части обеспечивали пути; авиация действовала по противнику; штабы соединяли происходящее на разных участках в управляемую операцию. Это взаимодействие каждый раз приходилось создавать заново, применительно к местности, противнику и состоянию собственных сил.

Ни одно звено не могло заменить остальные. Без боеприпасов оставалось немым орудие. Без подвоза горючего останавливался танк. Без связи запаздывала помощь. Сломанная машина требовала ремонтника, раненый — санитар и врача. Война делала видимой цену профессий, которые в торжественном рассказе легко остаются за пределами кадра.

Их труд продолжал работу всей страны, вооружавшей армию. Заводской выпуск становился боевой силой через перевозку, приёмку, освоение техники, обслуживание и ремонт. Подготовленный солдат сохранял и умножал труд людей, которых никогда не встречал. За его оружием стояли конструктор, рабочий, железнодорожник; за его умением — учитель, инструктор, командир.

Поэтому народный характер нашей армии раскрывается и в её профессионализме. Народ дал ей людей, способных освоить сложное дело и передать знание другому. Война потребовала от них огромного напряжения. Победное мастерство выросло из этой общей работы, из способности учиться и из ответственности за порученное.

Рокоссовский остаётся для меня одним из самых убедительных её воплощений. В начале этой главы — его признание собственного упущения. В её конце — подготовленная и проведённая операция. Между ними лежит труд командующего, который должен был слышать подчинённых, проверять возможности войск, обосновывать решение и добиваться его исполнения.

Красная армия научилась побеждать в ходе войны. Это знание было оплачено слишком дорого, чтобы превращать его в красивую легенду без труда, ошибок и исправлений. Тем выше достоинство людей, которые им овладели. Теперь перед ними открывался путь к окончательному разгрому врага и освобождению тех, кто ещё оставался под оккупацией.

Глава 9. Победа народа

22 июня 1945 года был подписан приказ о Параде Победы. Через четыре года после начала войны эта дата стояла под документом, назначавшим торжество в столице победившей страны. Парад предстояло принять Георгию Жукову. Командовать им — Константину Рокоссовскому.⁹⁻¹

В приказе перечислялись сводные полки фронтов, Военно-Морского Флота, военные академии, училища, войска Московского гарнизона. За каждой строкой стояли люди, которым предстояло пройти по Красной площади от имени гораздо большего числа товарищей. Никто не мог привести туда всю свою армию. Никто не мог вернуть в её строй погибших.

Поэтому Парад Победы для меня неотделим от тех, кто его не увидел. Торжество принадлежало и им. Оно подтверждало, что дело, за которое они отдали жизнь, завершено. Страна выстояла, её армия разгромила врага, а народ сохранил право на собственное будущее.

Но прежде чем наступило утро парада, были последние месяцы войны. В них ещё предстояло освобождать города, форсировать реки, терять товарищей. Близость победы не делала пулю менее опасной, а смерть — менее окончательной.

Открытые ворота

27 января 1945 года войска 60-й армии 1-го Украинского фронта освободили Аушвиц — Освенцим. В основном лагере, Биркенау и Моновице их дождались около семи тысяч узников. Государственный музей Аушвиц-Биркенау указывает, что при освобождении лагерей и города Освенцима погибли более двухсот тридцати советских военнослужащих.⁹⁻²

В этих сведениях заключён буквальный смысл слова «освобождение». Люди, обречённые на заключение,

истощение и смерть, встретили армию, которая положила конец власти их палачей. Для них результат наступления измерялся возможностью остаться в живых.

Одного открытия лагерных ворот было недостаточно. Первую организованную помощь оказали советские военные медики и санитары. Затем прибыли два советских полевых госпиталя. Вместе с ними работали польские добровольцы и Польский Красный Крест. Пациентами этих лечебных учреждений стали более четырёх с половиной тысяч бывших узников из более чем двадцати стран; большинство не могло самостоятельно подняться с постели.⁹⁻³

Бывших узников переносили с грязных нар в чистые палаты. К обычному питанию возвращали постепенно, начиная с очень малых порций. Музейная справка сохраняет подробность: даже спустя недели после освобождения сёстры находили хлеб, спрятанный под матрасами. Люди ещё не верили, что еду дадут и завтра.⁹⁻³

Военный врач получал больного, чья жизнь была разрушена задолго до последнего боя. Требовалось вернуть человеку способность есть, двигаться, переносить дорогу. После прекращения огня борьба за его жизнь продолжалась.

Мне кажется необходимым помнить рядом эти два действия: солдат открывает путь к свободе, врач помогает освобождённому ею воспользоваться. Они входят в одно дело. Армия приходила туда, где человек был превращён в расходный материал, и возвращала условия для человеческой жизни.

За продвижением фронта на запад оставались освобождённые населённые пункты. Но возвращение территории ещё не означало немедленного возвращения прежнего мира. Нужно было искать близких, устанавливать судьбы угнанных, хоронить погибших, восстанавливать жильё и хозяйство. Военная победа

открывала эту возможность; осуществлять её предстояло годами.

Здесь проходит связь между освобождением и будущим страны. Советский солдат возвращал людям право восстанавливать свой дом, растить детей, учиться и работать. Он ещё не знал, какой сложится послевоенная жизнь. Но без его победы сама возможность свободно её строить была бы отнята.

Берлин и мера победителя

16 апреля 1945 года началось наступление 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов на берлинском направлении. Войска 2-го Белорусского фронта Рокоссовского вступили в наступление 20 апреля. Их задача заключалась в разгроме противника севернее Берлина и обеспечении правого фланга соседнего фронта.⁹⁻⁴

В памяти о последней большой операции легко сосредоточиться на самом городе. Но война не помещалась в его границы. Успех штурмующих зависел и от тех, кто сражался в стороне, связывал другие силы противника, лишал его возможности вмешаться в ход битвы за столицу.

Рокоссовский описывал трудности форсирования нижнего Одера: заболоченную пойму, необходимость переправлять тяжёлую технику, бои за дамбы. Воины 65-й армии использовали лёгкие лодки, которые на мелководье можно было переносить на руках. Армии предстояло преодолеть настоящую реку, а не линию на оперативной карте.⁹⁻⁴

В ночь перед наступлением Батов попросил начать действия на час раньше: ветер нагонял воду в пойму, а высадившиеся за Вест-Одером отряды нуждались в поддержке. Рокоссовский одобрил изменение срока. Утром пехоту переправляли под прикрытием огня и дымов, затем в дело вступили паромы. Захват дамб позволял выгружать тяжёлую технику на заболоченном берегу.⁹⁻⁴

Дамба становилась частью переправы: к ней требовалось подвести паром, с неё — вывести оружие или машину к сражающейся пехоте. Захваченный участок берега предстояло превратить в плацдарм, на котором можно накапливать силы. Инициатива командарма имела вполне определённую цель — успеть усилить тех, кто уже оказался за рекой, пока вода и противник не осложнили их положение.

Эта подробность возвращает последнему наступлению его человеческий масштаб. До конца войны оставались считанные недели. Однако каждому подразделению ещё нужно было выполнить свою задачу, и никто не мог заранее знать, для кого именно этот бой окажется последним.

2 мая организованное сопротивление берлинского гарнизона прекратилось. 8 мая в Берлине был подписан акт о безоговорочной капитуляции германских вооружённых сил — после предварительного подписания в Реймсе 7 мая. В нашей стране днём Победы стало 9 мая.⁹⁻⁵

Государство, пришедшее уничтожить Советский Союз, потерпело военный крах. Этот результат был достигнут совместными усилиями антигитлеровской коалиции. Советская армия дошла до Берлина, пройдя путь от собственных разорённых городов и деревень. Её решающий вклад в разгром сухопутных сил нацистской Германии определил место СССР среди победителей.

Теперь победа возлагала на армию новую ответственность. Вооружённый человек встречался с населением поверженной страны. Среди солдат были те, кто потерял родных, видел уничтоженные населённые пункты, узнал об угоне близких. Их гнев имел причины, которые невозможно отменить приказом. Но командование было обязано удержать границу между разгромом врага и расправой над безоружным.

20 апреля Ставка издала директиву № 11072 о необходимости гуманного отношения к немецкому

населению и военнопленным.⁹⁻⁶ Само появление такого требования показывает, что вопрос требовал вмешательства высшего командования. Документ устанавливал норму поведения; её исполнение зависело от командиров и конкретных людей.

Уважение к своей армии не требует объявлять безупречным каждый поступок каждого военнослужащего. Оно требует различать цель войны, решения государства и ответственность за совершённое. Победитель должен был сохранить дисциплину именно тогда, когда сопротивление противника слабело, а власть над чужой жизнью становилась почти неограниченной.

В этом состояла трудная сторона победы. Военная сила, освободившая собственную страну, должна была обеспечить прекращение войны и возможность мирной жизни на земле вчерашнего врага. Здесь проверялись и честь солдата, и действительная власть командира над войсками.

Война продолжалась на востоке

Майская Победа завершила Великую Отечественную войну, но Вторая мировая ещё продолжалась. Для части советских военнослужащих путь домой откладывался. Впереди был Дальний Восток.

9 августа 1945 года начались боевые действия советских войск против Японии. Общее руководство осуществлял Александр Василевский. Забайкальским фронтом командовал Родион Малиновский, 1-м Дальневосточным — Кирилл Мерецков, 2-м Дальневосточным — Максим Пуркаев. Вместе с советскими войсками действовала армия Монгольской Народной Республики.⁹⁻⁷

Маньчжурская операция стала новой проверкой накопленного мастерства. Европейский опыт следовало применить в иных условиях: на огромных расстояниях, среди гор, степей и тайги. Сосредоточенная группировка должна была перейти в наступление так, чтобы противник

не успел превратить пространство в средство затягивания войны.

Одним из главных подвижных объединений стала 6-я гвардейская танковая армия Андрея Кравченко. Весной она участвовала в завершающих операциях в Европе, летом была переброшена в Монгольскую Народную Республику и включена в Забайкальский фронт.⁹⁻¹⁸ За привычным номером армии стояли экипажи, ремонтники, артиллеристы, связисты, которым предстояло заново готовиться к наступлению.

Василевский вспоминал, что после поездки по войскам плановый срок преодоления Большого Хингана танковой армией сократили: вместо десятого дня — не позднее пятого. Следовавшую за ней 53-ю армию направляли по тому же общему пути.⁹⁻⁸ Быстрый выход танковых соединений должен был поддерживаться продвижением общевойсковых сил. На новом театре предстояло сохранить то умение взаимодействовать, которое армия приобрела за годы войны.

До первого километра

План тылового обеспечения 6-й гвардейской танковой армии был составлен 22 июля. В нём будущий бросок через горы выражался запасами, расстояниями и рейсами. До начала операции на подвозе от станции Баянь-Тумень предусматривалось использовать войсковые и армейские автомобили — всего 878 машин в пересчёте на грузоподъёмность 2,5 тонны. Каждой расчётной единице отводилось четыре рейса.⁹⁻¹⁵

Это не число танков, уже готовых к атаке, и не отчёт о совершённых перевозках. Документ определял работу, которую требовалось выполнить, чтобы наступление могло начаться. Грузовик вёз горючее, боеприпасы или продовольствие, расходуя собственный запас топлива. Его возвращение за новым грузом тоже занимало время и место на дороге.

В ходе операции армейскому транспорту предписывалось доставить груз на расстояние четырёхсот километров к исходу четвёртого дня. На пятый день он должен был перевозить грузы, поданные транспортом фронта. К тому же сроку фронтовой подвоз сосредоточивался на горюче-смазочных материалах; питание обеспечивалось запасами частей и войсковым транспортом.⁹⁻¹⁵

Таким образом, запасы размещались не в одной точке. Войска уходили вперёд, за ними должны были перемещаться склады и транспорт, а станция снабжения оставалась в тылу. Быстрота наступления удлиняла дорогу, по которой его предстояло обеспечивать. Выигранные на марше часы можно было затем потерять в ожидании заправки.

Документ предусматривал и обратное движение — эвакуацию раненых по тем же дорогам. Один хирургический госпиталь должен был развёртываться в западных предгорьях Хингана, другой — по ту сторону хребта. Медико-санитарные батальоны во время марша предполагалось развёртывать по эшелонам. Пока одно звено принимало раненых, другое могло двигаться вслед за войсками.⁹⁻¹⁵

В расчёте не скрывали нехватки санитарного транспорта. Предусматривали использование порожних машин; возможность воздушной эвакуации пока не учитывали, поскольку сведений о придании авиации не было.⁹⁻¹⁵ Начальник тыла обязан был знать не только то, что у него есть, но и то, чего ещё недостаёт. От этой точности зависел путь раненого обратно через горы.

Мне важна эта сторона подготовки Победы. В одном документе соединены движение к противнику и возвращение человека из боя. Труд военного медика включался в замысел операции заранее — так же предметно, как подвоз горючего. Забота о солдате

требовала транспорта, времени, места в госпитале и людей, способных оказать помощь.

Хинган: движение каждой машины

Опубликованный фрагмент журнала боевых действий 5-го гвардейского танкового корпуса позволяет увидеть наступление в масштабе одного дня. 10 августа его части преодолевали подъёмы, спуски и заболоченные участки. На привалах подтягивали отставшую технику, осматривали и заправляли машины. В полосе 22-й гвардейской танковой бригады танкам приходилось буксировать колёсный транспорт. Сапёры 6-й гвардейской мотострелковой бригады ночью приспособливали дорогу для дальнейшего движения.⁹⁻¹⁶

У каждого вида техники обнаруживался свой предел проходимости. Танковая колонна могла продвинуться, а перевозившие её снабжение машины — задержаться. Поэтому командир должен был следить не только за передовым отрядом. Важным становилось, сколько машин подошло вслед за ним и что именно они привезли.

Та же запись сообщает об остановке 21-й гвардейской танковой бригады вечером 10 августа из-за отсутствия горючего. Ночью корпус дозаправлялся. На следующий день он продолжил наступление и вышел к Лубэю; в журнале зафиксировано занятие города 11 августа.⁹⁻¹⁶ Быстрый марш складывался из продвижения, остановок, ремонта и вновь начатого движения.

Успехом был выход подвижных войск через горный рубеж в глубину Маньчжурии. Он нарушал расчёт противника на пространство, которое должно было отделять советские части от важнейших внутренних районов. Преодоление гор имело оперативный смысл лишь потому, что за ним сохранялась способность армии действовать дальше.

Горючее за хребтом

Выписки из отчётов бригад показывают цену достигнутого темпа. 20-я гвардейская танковая бригада после выхода к Лубэю подтягивала отставшие машины, ремонтировала технику и получала горючее с аэродрома. 22-я бригада также получала там дизельное топливо; нехватка бензина задерживала её колёсный транспорт. 6-я гвардейская мотострелковая бригада сообщала, что пятидневную задачу выполнила за три дня, но дальнейшее движение сдерживалось отсутствием горючего и отставанием тылов.⁹⁻¹⁷

Здесь нельзя говорить об одинаковой скорости всей армии. Передовой отряд, основные силы и транспорт проходили один маршрут по-разному. Доставка топлива через аэродром помогала поддерживать войска за хребтом, однако не отменяла ни ремонта, ни необходимости дожидаться отставших машин. Достижение рубежа оставалось успехом; восстановление возможностей для следующего броска становилось новой задачей.

План 22 июля и августовские записи не совпадают строка в строку. В этом и состоит их ценность при совместном чтении. Первый показывает предусмотренный порядок снабжения, вторые — затруднения и работу войск в наступлении. Армия побеждала благодаря подготовке и способности исправлять то, что обнаруживала сама операция.

К исходу шестых суток наступления, по оценке Василевского, Квантунская армия оказалась расчленена на части. Забайкальский фронт вышел в центральные районы Маньчжурии; войска 1-го Дальневосточного фронта вели наступление со стороны Приморья, 2-го Дальневосточного — с северного направления.⁹⁻⁸ Удары сходились в глубине огромной территории. Действия танковой армии были частью этого общего результата.

Схема. Хинган: наступление и работа тыла

Схема последовательности событий; не географическая карта.

Этап	Действие и связь
До перехода	Подвоз запасов, подготовка дорог и медицинской эвакуации.
Переход хребта	Продвижение соединений зависит от проходимости путей и состояния каждой машины.
За хребтом	Отставание тылов и нехватка горючего ограничивают дальнейший темп.
Лубэй	Получение топлива с аэродрома, подтягивание отставших машин, ремонт.

Источники: 9-8, 9-15, 9-17.

Последний акт войны

Разгром японской группировки на материке стал крупным вкладом СССР в завершение мировой войны. Капитуляция Японии произошла в обстановке совокупного давления: длительной войны с Китаем и союзниками, поражений на Тихом океане, блокады, атомных бомбардировок Хиросимы и Нагасаки, вступления Советского Союза в войну. Советский вклад имеет собственное военное содержание — проведённую кампанию, разгромленные силы противника, освобождённые территории. Для признания этого содержания не требуется сводить всё решение японского руководства к одной причине.

2 сентября 1945 года на борту линкора «Миссури» в Токийском заливе был подписан акт о капитуляции Японии. Документ закреплял сдачу её вооружённых сил союзным державам. Среди государств-победителей стоял Советский Союз.⁹⁻⁹

Теперь завершилась и мировая война. Армия, принявшая тяжелейший удар в сорок первом, участвовала в разгроме обоих главных агрессоров в Европе и Азии. За этим итогом стояли четыре года, в течение которых страна училась выдерживать напряжение, восполнять потери и превращать усилия миллионов в общую силу.

Чей строй прошёл по площади

Вернёмся к июньскому утру в Москве. Парад Победы 24 июня состоялся ещё до дальневосточной кампании. Его участники представляли армию, победившую Германию. Сергей Штеменко вспоминал дождливое московское утро, рапорт Рокоссовского Жукову и сводные полки фронтов. На трибунах находились представители заводов и фабрик, науки и культуры.⁹⁻¹⁰

Эта встреча фронта и тыла имела прямой смысл. На площадь вышли войска, которые страна вооружила и снабжала. Перед ними стояли люди, чья работа продолжалась все военные годы. Без одного усилия другое не могло привести к победе.

Иван Баграмян, шедший во главе сводного полка 1-го Прибалтийского фронта, вспоминал боевой путь представленных в строю воинов: освобождение Белоруссии, Литвы и Латвии, сражения в Восточной Пруссии.⁹⁻¹¹ На площади этот долгий путь укладывался в несколько минут прохождения. За строем оставались тысячи мест, где война когда-то казалась бесконечной.

Рокоссовский командовал парадом всей победившей армии. Для меня в этом есть завершённость его фронтового пути в Великой Отечественной войне: от собирания частей на ярцевском направлении до права вести торжественный строй перед страной. Это право было признанием труда полководца и одновременно знаком доверия к человеку.

Но ни один командующий не мог присвоить себе Победу. В ней сошлись усилия людей разных республик,

национальностей, языков, профессий. Русские, украинцы, белорусы, армяне, грузины, азербайджанцы, казахи, узбеки, татары и многие другие народы составляли одну армию и одну страну. Их общий результат нельзя впоследствии разложить на национальные доли так, словно речь идёт об имуществе, подлежащем разделу.

Общность возникала в действии. Люди служили в одном подразделении, работали на одном предприятии, принимали эвакуированных, лечили раненых. Судьба незнакомого человека становилась частью собственной ответственности. Это не устраняло всех противоречий огромного государства, но давало ему возможность действовать как целому.

6 июня 1945 года была учреждена медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». ⁹⁻¹² В государственном признании Победы находилось место труду, совершённому вдали от передовой. Награда закрепляла связь между боем и работой, которая делала бой возможным.

Тыл нёс свою тяжесть: недоедание, переутомление, разлуку, ожидание писем. Женщина, заменившая ушедшего на фронт рабочего, продолжала ещё и семейную жизнь, которую война не отменяла. Подростку предстояло рано стать взрослым. Старшему поколению — снова принять нагрузку, от которой в мирное время его должны были бы освободить.

Поэтому слова «победа народа» имеют точное содержание. Народ был участником войны во всём многообразии своего труда. Советское государство организовало эти усилия, армия придала им военную силу, а миллионы людей обеспечили возможность довести борьбу до конца.

Имя, которого мы не знаем

После приказов, капитуляций и парада оставалось то, чего не мог завершить ни один военный документ: возвращение имён погибшим и ожидание пропавших без вести. Здесь военная история переходит в историю памяти.

Общепринятая официальная оценка людских потерь Советского Союза в Великой Отечественной войне — около 26,6 миллиона человек. Это общие потери страны, военные и гражданские; их нельзя выдавать за число погибших военнослужащих.⁹⁻¹³

Огромное число трудно удержать в сознании. Оно становится ближе, когда возвращается к отдельной судьбе: человек не пришёл домой, ребёнок не узнал отца, родители не дождались сына. Победный май не отменял этого отсутствия. Он завершал войну, но не завершал ожидание тех, кому ещё ничего не было известно о близких.

Через двадцать один год после Победы, 3 декабря 1966 года, прах Неизвестного солдата перенесли из братской могилы у 40-го километра Ленинградского шоссе к Кремлёвской стене. Сегодня с этим рубежом обороны Москвы связан мемориал «Штыки» у Зеленограда. Среди встречавших траурную процессию в Москве были Жуков и Рокоссовский.⁹⁻¹⁴

Два военачальника, стоявшие перед победным строем в июне сорок пятого, присутствовали при возвращении почестей одному безымянному воину. Его имя не было установлено. Мы не можем достоверно назвать его часть, происхождение, семью. И именно поэтому обязаны удержаться от соблазна дописать ему удобную биографию.

У него была настоящая жизнь. Были люди, которые знали его голос, узнавали походку, ждали возвращения. Незнание имени не делает его условным человеком. В могиле лежит один погибший солдат; через память о нём

страна обращается ко всем, чьи имена и места захоронения война оставила неизвестными.

Для меня Рокоссовский и Неизвестный солдат соединяют два необходимых масштаба памяти. Мы знаем решения полководца, можем проследить его путь, прочесть его воспоминания. О бойце не сохранилось даже того, с чего начинается любая биография. Но их общий долг был исполнен, и государственное признание должно охватывать обоих.

Из этого следует требование к живым. Память нуждается в уходе за могилами, сохранении документов, поиске имён, уважении к подлинному облику воинских мемориалов. У торжественной речи должно быть продолжение в работе. Иначе слова о бессмертии подвига остаются без человеческого участия.

Победа сохранила страну и дала ей будущее. Она оставила армии заслуженный авторитет, а государству — обязанность достойно обращаться с теми, кто его защитил. Возвращавшимся с войны были нужны дом, лечение, работа, возможность растить детей. Тем, кто оставался в строю, предстояло защищать мир, за который уже заплатили такую цену.

В этом будущем и продолжалась Победа народа. Её смысл сохранялся там, где жизнь становилась достойной принесённой жертвы.

Присяга. 1939 год

Если же по злему умыслу я нарушу эту мою торжественную присягу, то пусть меня постигнет суровая кара советского закона, всеобщая ненависть и презрение трудящихся.

Полный текст и источник — приложение А.

Часть четвёртая. АРМИЯ И ДЕРЖАВА

Глава 10. Сила, удерживавшая мир

4 июля 1958 года на первой советской атомной подводной лодке К-3 академик Анатолий Александров сделал запись: «Впервые в стране на турбину без угля и мазута был подан пар». В декабре был подписан приёмный акт корабля.¹⁰⁻¹

В этой короткой записи встретились наука, промышленность и флот. Новая энергетическая установка меняла возможности подводного плавания. Но для её появления требовались исследовательские институты, конструкторские бюро, завод, подготовленный экипаж. На корабле должен был работать человек, умеющий обращаться с техникой, которой прежде не существовало в отечественном флоте.

Так выглядело одно из направлений послевоенной обороны. Страна, ещё восстанавливавшая разрушенное, создавала средства защиты для иной войны. Опыт сорок первого оставался в памяти поколения, а воздушная, ракетная и ядерная техника уже меняла расстояния и сроки принятия решений.

Нашему поколению досталась жизнь без новой мировой войны. В этом была заслуга людей, чью службу редко замечали за пределами гарнизона. Они дежурили, выходили в море, поднимали самолёты, обслуживали вооружение. Их работа должна была убедить возможного противника, что нападение не принесёт ему приемлемого результата.

И всё же мир не возникал автоматически из количества оружия. Его приходилось удерживать одновременно военной готовностью, политическим расчётом и переговорами. Послевоенная история показала и силу такого сочетания, и опасность решений, в которых один из этих элементов переставали учитывать.

В послевоенной армии Рокоссовский продолжал службу: после возвращения из Польши занимал руководящие должности в Министерстве обороны, в том числе должность главного инспектора.¹²⁻¹³ Менялась техника, а задача проверки готовности оставалась. Теперь между докладом о состоянии части и действительной готовностью могли стоять ракетный расчёт, реактор, система связи. Эту дистанцию нельзя было преодолеть одним авторитетом победителя.

После атомной монополии

29 августа 1949 года на Семипалатинском полигоне испытали первый советский атомный заряд РДС-1. Научным руководителем испытания был Игорь Курчатов. Подготовка соединяла работу учёных, инженеров, строителей и военных специалистов.¹⁰⁻²

Для Советского Союза результат имел значение, выходящее далеко за пределы научного достижения. Американская атомная монополия закончилась. Государство, понёсшее огромные потери в последней войне, получило возможность строить собственную систему ядерного сдерживания.

Но между первым испытанием и надёжной обороной лежал большой путь. Заряд требовалось производить, хранить, доставлять к цели. Самолёты и ракеты нуждались в аэродромах и позициях, обслуживании и связи. Командование должно было получать достоверные сведения и сохранять управление в самых тяжёлых обстоятельствах.

17 декабря 1959 года постановлением Совета министров СССР были учреждены должность главнокомандующего Ракетными войсками и Главный штаб РВСН, созданы другие органы управления нового вида Вооружённых сил.¹⁰⁻³ Государство закрепляло организацию службы, от которой всё больше зависела его безопасность.

Смысл сдерживания заключался в том, чтобы сделать цену нападения неприемлемой. Для этого недостаточно было иметь внушительный арсенал в мирное время. Противник должен был считаться с возможностью ответного удара даже после собственного нападения. Поэтому значение имели сохранность сил, устойчивость связи, готовность расчётов, достоверность предупреждения.

В этой системе особую ценность приобретала повседневная точность. Пропущенная неисправность, неверно понятый сигнал, привычка формально относиться к проверке могли затронуть безопасность далеко за пределами одной части. Военная дисциплина соединялась с инженерной культурой: понимать устройство, соблюдать порядок работы, проверять результат, докладывать о действительном состоянии.

Офицер технического рода войск продолжал дело военного профессионала, о котором шла речь в первых главах. Только теперь его знания охватывали электронику, автоматику, сложные энергетические установки. Армии требовалось всё больше людей, способных учиться на протяжении всей службы.

Небо и океан

1 мая 1960 года под Свердловском советский зенитный ракетный комплекс С-75 поразил американский самолёт-разведчик U-2, пилотируемый Фрэнсисом Пауэрсом.¹⁰⁻⁴ Высота полёта, прежде дававшая разведчику защиту, перестала обеспечивать неприкосновенность.

За этим результатом стояла работа системы противовоздушной обороны. Обнаружить цель, передать сведения, оценить обстановку, подготовить средства поражения — разные задачи, которые должны были соединиться во времени. Ракета была видимой частью огромного труда: радиотехнических подразделений, командных пунктов, расчётов, промышленности.

Для страны с её расстояниями ПВО имела особое значение. Защищать требовалось города, предприятия, военные объекты, коммуникации. Небо над ними становилось пространством постоянного наблюдения. Дежурство продолжалось и тогда, когда на земле шёл обычный рабочий день.

Океан предъявлял другие требования. Создание К-3 открыло отечественному флоту атомную эпоху. Сама К-3 была торпедной лодкой; развитие морских стратегических сил связано с другими проектами — подводными ракетноносцами. В дальнейшем сухопутные межконтинентальные ракеты, морские ракетноносцы и дальняя авиация составили взаимодополняющие компоненты стратегических ядерных сил.

У каждого были свои возможности и ограничения. За общими названиями находились корабли, самолёты, береговые службы, экипажи и ремонтные предприятия. Морской поход требовал заранее обеспечить многое из того, что на суше можно было исправить немедленной помощью соседней части. Надёжность складывалась до выхода из базы и затем поддерживалась ежедневным трудом экипажа.

Служба вдали от дома имела человеческую цену, которую нельзя измерить только длительностью похода. Семья продолжала жить без мужа и отца. Военнослужащий подчинял свою жизнь ритму корабля, полка, боевого дежурства. Мирная обстановка для окружающих не означала для него отсутствия напряжения.

Подо льдом

Летом 1962 года К-3 под командованием Льва Жильцова прошла подо льдами к Северному полюсу. В рассказе самого командира этот поход назван частью учений. Он подчёркивал: «Главное-то — учения, выполнение поставленной нам задачи».¹⁰⁻¹¹ Достижение полюса входило в работу по освоению нового пространства флотом.

Жильцов выделял подготовку штурманской и электромеханической боевых частей. Последней руководил Рюрик Тимофеев. Рулевые добивались точного удержания курса и глубины, рядом работали гидроакустики и специалисты энергетической установки. При одном из всплытий моряки выполнили наблюдения за движением льда, связались со штабом, затем снова погрузились.¹⁰⁻¹¹

Подлёдное плавание меняло цену обычной команды. Над кораблём находилась преграда, не позволявшая немедленно подняться на поверхность в любом месте. Управление глубиной, наблюдение и исправность механизмов становились общим условием возвращения. Командир зависел от работы специалистов; специалист — от точности действий людей на других постах.

В этом и состояло превращение научного достижения в военную возможность. Между действующим реактором и подготовленным к походу кораблём лежали месяцы обучения, проверок и испытаний. История создания К-3 сохраняет подробность: на завершающих испытаниях 1958 года её энергетическую установку проверяли в течение двух суток полного подводного хода при заданном ограничении мощности. После испытаний следовали ревизия механизмов и устранение замечаний комиссии и экипажа.¹⁰⁻¹²

Надёжность нужно было подтвердить продолжительной работой. Экипаж получал опыт обращения с установкой, промышленность — замечания людей, которым предстояло

уходить с ней в море. Так складывалась связь между заводом и кораблём, необходимая и после подписания приёмного акта.

В полярном походе, по рассказу Жильцова, лодка дважды прошла под полюсом, а затем всплыла в разводе неподалёку и доложила о выполнении задания.¹⁰⁻¹¹ Моряки вышли на лёд; кораблю ещё предстоял обратный путь.

Союз и граница ответственности

14 мая 1955 года восемь государств подписали в Варшаве Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи. Его преамбула связывала заключение договора с ремилитаризацией Западной Германии и её включением в Североатлантический блок. Статья 4 предусматривала помощь участнику, подвергшемуся вооружённому нападению в Европе; статья 5 — создание Объединённого командования.¹⁰⁻⁵

Для СССР безопасность вновь имела европейское измерение. Военные планы требовали учитывать союзные армии, общие направления действий, совместимость управления. Советские войска за рубежом становились частью постоянного соотношения сил.

Группа войск — это гораздо больше соединений, отмеченных на карте. За ней стоят штабы, склады, госпитали, аэродромы, ремонтные подразделения, школы для детей военнослужащих. Такая служба создавала особый мир, в котором повседневная жизнь зависела от международной обстановки и решений, принимавшихся далеко от гарнизона.

Военный союз давал дополнительные возможности и налагал обязательства. Его прочность определялась также отношениями между государствами. Наличие общего командования само по себе не обеспечивало совпадения политических интересов, а военная сила не могла заменить доверие.

Варшавский договор содержал и обязательство уважать независимость и суверенитет участников, не вмешиваться в их внутренние дела.¹⁰⁻⁵ Это была заявленная норма союза. Конкретные решения следовало оценивать по их собственным основаниям и последствиям. Сам факт существования договора не освобождал политическое руководство от ответственности за применение силы.

Октябрь 1962 года

Кубинский кризис показал, насколько опасным может стать соприкосновение военной силы и политического риска. После неудавшейся высадки противников кубинского правительства в заливе Свиней СССР и Куба договорились о размещении советских ядерных ракет на острове. 14 октября 1962 года американская воздушная разведка получила снимки ракетных позиций. 22 октября Джон Кеннеди объявил морской «карантин» Кубы.¹⁰⁻⁶

Размещение советских сил должно было укрепить безопасность Кубы и изменить положение в противостоянии с Соединёнными Штатами. Но скрытая переброска, а затем обнаружение ракет создали ситуацию, в которой каждая сторона опасалась уступить и одновременно не могла быть уверена в следующем действии противника.

27 октября над Кубой был сбит американский U-2. В те же дни обсуждались условия выхода из кризиса. СССР согласился убрать ракеты с острова; США дали обязательство не вторгаться на Кубу. По закрытому каналу была достигнута также договорённость об удалении американских ракет «Юпитер» из Турции. Их вывели в апреле 1963 года.¹⁰⁻⁶

Этот итог нельзя понять по одной фотографии уходящего советского судна. Он включал взаимные уступки и публичные обязательства, а также договорённость, которая тогда не предназначалась для

оглашения. Сила повлияла на переговоры, переговоры позволили остановить опасное развитие событий.

Для меня главный урок кризиса — необходимость сохранять управление собственной силой. Политическое решение проходит через множество исполнителей. На море, в воздухе, на огневой позиции люди видят только часть происходящего. Их действия могут изменить положение быстрее, чем руководители успеют обменяться сообщениями.

Поэтому предотвращение большой войны требует возможности вовремя объяснить свои намерения и проверить чужие. 20 июня 1963 года было подписано соглашение о прямой линии связи между СССР и США.¹⁰⁻⁷ Оно решало вполне практическую задачу: сокращало опасную задержку между возникновением кризиса и обращением руководителей друг к другу.

Позднее ограничение вооружений стало самостоятельным направлением политики. 26 мая 1972 года в Москве были подписаны Договор по ПРО и Временное соглашение по ограничению стратегических наступательных вооружений.¹⁰⁻⁸ Стороны согласились ограничивать элементы военного противостояния, сохраняя при этом собственные силы сдерживания.

Афганистан: решение и исполнение

Афганская война поставила другой вопрос: чего можно достичь военной силой внутри длительного политического конфликта?

12 декабря 1979 года советское руководство приняло решение о вводе войск в Афганистан. 24 декабря министр обороны Дмитрий Устинов подписал соответствующую директиву. 25 декабря начался ввод: сухопутные части пересекали Амударью, военно-транспортная авиация перебрасывала десантные подразделения.¹⁰⁻⁹

С этого момента решение руководства становилось судьбой конкретных людей. Военнослужащий получал задачу, маршрут, место службы. Ему предстояло действовать в обстановке, которую он не выбирал. Ответственность за выбор политики оставалась у тех, кто располагал полномочиями её определять.

На советский контингент возлагались охрана важных объектов, подготовка афганских военнослужащих и другие задачи. Уже в 1980 году участие в вооружённых столкновениях переросло в широкие боевые действия.¹⁰⁻⁹ Первоначальное представление о роли войск столкнулось с ходом войны.

Афганская кампания требовала от армии освоения горной местности, охраны коммуникаций, сопровождения колонн, взаимодействия с местными силами. Для солдата её содержание было непосредственным: добраться до места, выполнить задачу, защитить товарища, вывезти раненого. Эти действия сохраняют своё нравственное значение независимо от последующей оценки политического решения.

Дорога в Хост

К концу 1987 года одной из таких задач стало открытие дороги Гардез — Хост. Командующий 40-й армией Борис Громов вспоминал, что блокированный город испытывал острую нехватку продовольствия, а воздушный подвоз становился всё опаснее.¹⁰⁻¹⁴ Операция «Магистраль» должна была дать возможность провести наземные колонны.

Боевой приказ 40-й армии № 042 от 10 ноября 1987 года, опубликованный в книге Игоря Цыбульского, позволяет увидеть подготовку этой работы. В оценке обстановки перечислялись минирование, завалы и обстрелы с подготовленных позиций. Отдельно определялись захват перевала Сатукандав, переговоры о пропуске колонн,

выставление постов вдоль дороги, перевозки и возвращение войск к местам дислокации.¹⁰⁻¹³

Уже последовательность задач объясняет замысел. Провести головную машину через опасный участок было недостаточно. Дорогу требовалось удерживать всё время, пока по ней шли грузы и возвращался освободившийся транспорт. Перевал соединял два участка пути; господствующие над дорогой высоты позволяли противнику сорвать движение даже после успеха наступавших.

103-й воздушно-десантной дивизии во взаимодействии с афганскими войсками ставилась задача овладеть перевалом и закрыть противнику выход к коммуникации на своём участке. 345-й отдельный парашютно-десантный полк должен был быть готов занять господствующие высоты. 149-му мотострелковому полку поручалось обеспечить проводку колонн на предшествующем отрезке — из Кабула в Гардез.¹⁰⁻¹³ Операция начиналась раньше того места, где её обычно изображают на карте: будущий груз для Хоста ещё нужно было подвести к исходному району.

Авиации предписывались поддержка войск, перевозки, эвакуация раненых и больных, а также ретрансляция команд. Инженерным подразделениям — разведка маршрутов, мест размещения пунктов управления, артиллерии и вертолётных площадок, оборудование водоснабжения.¹⁰⁻¹³ Каждая из этих задач имела своего исполнителя. Без воды подразделение не могло долго оставаться на позиции; без связи командир не мог своевременно вызвать помощь.

Тыловую базу планировали развернуть в Гардезе, в расположении 56-й отдельной десантно-штурмовой бригады. Приказ требовал создать запасы бензина и дизельного топлива по три заправки, продовольствия — на тридцать суточных дач котлового пайка и пятнадцать дач горно-зимнего рациона. Предусматривались помывка

людей и полный комплект сменного белья. Раненых предписывалось вывозить вертолётами в медицинскую роту бригады, затем — в госпитали Кабула.¹⁰⁻¹³

Три заправки в таком расчёте означали запас относительно потребности обеспечиваемой техники. Суточная дача выражала норму питания человека на день. Эти единицы позволяли связать количество имущества с численностью людей, составом машин и продолжительностью действий. Водитель, повар, медик и начальник склада участвовали в общем замысле с самого начала.

Удержать путь для колонны

Первоначальный приказ отводил перевозкам период с 4 по 17 декабря, после чего предполагалось снять подразделения с охраняемых участков.¹⁰⁻¹³ Реальная операция заняла больше времени. По воспоминаниям Громова, после боёв за перевал и паузы для переговоров действия возобновились 16 декабря. Войска последовательно занимали высоты вдоль дороги; 345-й полк участвовал в разгроме базового района Срана.¹⁰⁻¹⁴

30 декабря по очищенной дороге пошли первые машины с продовольствием. Громов указывает, что водители 40-й армии перевезли более 24 тысяч тонн грузов, главным образом продовольствия и горючего. Последняя порожняя колонна вернулась 19 января; на следующий день начался выход подразделений из боя. Всё это время войска прикрывали трассу и отражали попытки сорвать перевозки.¹⁰⁻¹⁴

Результат здесь можно назвать предметно: дорога была открыта для снабжения, грузы доставлены, транспорт возвращён. Он был достигнут общей работой наступавших частей, подразделений охраны и водителей. Человек на высоте обеспечивал движение машины вниз; её груз придавал смысл удержанию высоты. Прекращение движения сделало бы успех неполным.

В этом эпизоде хорошо видна цена слова «обеспечение». Оно могло означать пребывание на опасной позиции тогда, когда другие двигались вперёд или уже возвращались. Подразделению охраны требовалось оставаться на месте до выполнения общей задачи. Такая служба заслуживает той же памяти, что и короткий бросок атакующей группы.

Профессионализм проявлялся и там, где не было зрелищного боя. Водителю нужно было довести машину. Технику — вернуть её в строй. Связисту — обеспечить управление. Врачу — сохранить жизнь. В условиях удалённого гарнизона вода, питание, санитарное состояние и своевременная медицинская помощь становились вопросами боеспособности.

Необходимость или авантюра?

Такой вопрос об Афганистане нельзя решить описанием одной удачной операции. Профессиональное исполнение подтверждает умение войск, но само по себе не доказывает правильность политической цели. И обратное: осуждение решения о вводе войск не отменяет сделанного солдатом для спасения товарища или доставки груза. Нужны два разбора: кто определял цели войны и кто отвечал за конкретное действие. Смешав их, легко оправдать руководство заслугами подчинённых или переложить на подчинённых ответственность руководства.

Ответственность за продолжение войны

Но даже хорошо выполненная боевая задача не могла сама по себе создать устойчивое политическое устройство Афганистана. Удержать объект и добиться доверия населения — разные результаты. Военное присутствие способно поддерживать союзное правительство; оно не может по приказу устранить все причины внутренней борьбы и внешнего вмешательства.

Из этого не следует обесценивание службы. Напротив, это основание точно определить ответственность. Офицер

отвечает за подготовку людей и выполнение поставленной задачи. Руководство страны — за достижимость общей цели, соответствие ей избранных средств и последствия продолжения войны. Солдатская доблесть не является доказательством безошибочности политического расчёта.

Женевские соглашения 1988 года предусмотрели урегулирование ряда вопросов вокруг Афганистана, включая вывод советских войск. Его завершение 15 февраля 1989 года зафиксировано в документах ООН.¹⁰⁻¹⁰ Однако уход советской армии не означал окончания самой афганской войны. Военное решение и политическое урегулирование вновь оказались разными задачами.

Страна была обязана встретить вернувшихся как своих военнослужащих, исполнивших долг. Раненым требовалось лечение, семьям погибших — помощь, ветеранам — возможность продолжать жизнь без необходимости оправдываться за службу, на которую их направило государство. Свою оценку руководству общество не имело права превращать в унижение подчинённых ему людей.

Что охраняло мирную жизнь

Послевоенные Вооружённые силы СССР решали задачи разного масштаба: от стратегического сдерживания до конкретной зарубежной операции. Успех на одном уровне не давал автоматического успеха на другом. Ядерный арсенал защищал от определённого вида угроз, но не мог заменить разумную политику в каждом региональном конфликте.

Это различие помогает точнее увидеть заслугу армии. Она создала и поддерживала военную основу безопасности большой страны. Её противникам приходилось учитывать возможность сопротивления и ответного удара. Государство получало пространство для самостоятельных решений, а общество — возможность жить и строить без повторения катастрофы сорок первого года.

За этой возможностью стояла непрерывная служба. Дежурные смены сменяли друг друга, корабли возвращались из походов, молодые офицеры принимали должности у старших. Военная готовность не могла храниться однажды созданным запасом. Её ежедневно воспроизводили люди.

Мне важно вернуть им место в истории мирных десятилетий. Без войны их труд легче было не замечать. Но спокойствие города, работа завода, учёба детей существовали в мире, где безопасность требовала постоянных усилий.

Такое понимание обязывает государство к взаимности. От военнослужащего требуются дисциплина, знания и готовность рисковать жизнью. В ответ он вправе рассчитывать на обоснованность приказа, обеспечение службы, защиту семьи и уважение к своему труду. Именно из этого взаимного обязательства складывается повседневная жизнь армии.

Глава 11. Жизнь в строю

26 октября 1957 года начальник лётного училища Василий Макаров подписал заключение о выпуске Юрия Гагарина лётчиком истребительной авиации с присвоением звания лейтенанта. Диплом был с отличием. За ним стояли два года курсантской жизни, занятия и освоение МиГ-15.¹¹⁻¹

До первого полёта человека в космос оставалось три с половиной года. В училище готовили военного лётчика. Его должны были научить делу, от которого зависели собственная жизнь и выполнение боевой задачи. Будущая всемирная известность ещё не могла помочь ему ни сдать экзамен, ни освоить самолёт.

В этой обычной для военного образования последовательности есть важная правда об армии. Человек получает право отвечать за сложное дело после подготовки и проверки. Способности открывают возможность. Учёба превращает её в профессию.

Мне хочется видеть за большими названиями Вооружённых сил именно эту работу: как молодой человек становится солдатом, сержантом, офицером; как учится отвечать за себя и затем за других. Здесь армия входит в жизнь семьи, меняет характер, даёт товарищей и профессию. Здесь же особенно болезненно обнаруживается разрыв между тем, чему она обязана учить, и тем, что иногда происходило в её стенах.

От дома до подразделения

Закон СССР о всеобщей воинской обязанности от 12 октября 1967 года устанавливал призыв с восемнадцати лет. Основной срок службы солдат и сержантов составлял два года; для матросов и старшин кораблей и ряда других частей флота — три. Для военнослужащих с высшим образованием предусматривался годичный срок.¹¹⁻²

За этими сроками стояла существенная часть молодой жизни. Учёба, работа, личные планы прерывались или откладывались. Человек оказывался далеко от привычного окружения, среди незнакомых людей, в порядке, который нельзя было изменить по собственному желанию.

Приходилось осваивать множество простых вещей одновременно: форму, обращение к начальнику, распорядок, содержание оружия, обязанности в наряде. То, что опытному военному служащему казалось само собой разумеющимся, новобранцу ещё предстояло понять и научиться выполнять.

Поэтому первые недели особенно зависели от тех, кто встречал пополнение. Сержант мог объяснить, показать, добиться правильного повторения. Мог ограничиться окриком и наказанием за то, чему человека ещё не научили. Разница между этими способами быстро становилась разницей в отношении к службе.

Требовательность нужна с самого начала. Но её предмет должен быть понятен: что именно сделано неверно, как сделать правильно и почему это важно для общего дела. Там, где объяснение соединяется с последовательным контролем, возникает навык. Там, где требование зависит от настроения начальника, человек прежде всего учится угадывать это настроение.

День, в котором учатся служить

Устав внутренней службы 1975 года предусматривал в распорядке дня шесть часов учебных занятий и восемь часов сна, время для ухода за техникой, самостоятельной подготовки и личных потребностей. Конкретный распорядок устанавливался с учётом рода войск, периода обучения и местных условий.¹¹⁻³

Это была норма организации службы. По ней нельзя утверждать, что каждый солдат ежедневно получал весь положенный отдых или что в любой части занятия занимали своё место без подмены хозяйственными

работами. Но она позволяет видеть назначение армейского дня: подготовить человека к выполнению задачи и сохранить его способность эту задачу выполнять.

Повторение занимало в таком дне большое место. Одно и то же действие следовало освоить настолько, чтобы выполнить его при усталости, нехватке времени, изменении обстановки. Согласованность расчёта складывалась из индивидуальных навыков, но требовала отдельной тренировки. Каждый должен был понимать, что делает сам и чего ждут от него остальные.

Учение проверяло и командира. Удалось ли довести задачу, подготовить людей, организовать связь, движение, снабжение? Ошибка на учении давала возможность исправить подготовку. Для этого требовался честный разбор, в котором результат важнее желания отчитаться благополучно.

Здесь проходила граница между обучением и показом. Для обучения полезно обнаружить слабое место. Для показного благополучия удобнее его скрыть. Военная школа выполняет своё назначение, пока начальник заинтересован узнать действительную готовность подразделения.

Уход за техникой также принадлежал к обучению. Машина, оружие, средства связи нуждались в проверке после использования. Солдат должен был понимать, что исправность не возникает по расписанию перед инспекцией. Её поддерживают постоянно, а сведения о неисправности нужны для ремонта, а не для поиска удобного виновного.

Научиться учить

В сентябре 1978 года в Алма-Атинском высшем пограничном командном училище третьекурсники готовились учить первокурсников. Николай Штаченко, только начавший преподавать общую тактику, вспоминал последовательность полевых занятий: три дня преподаватели показывали старшим курсантам методику, затем ещё три дня те сами проводили занятия с младшими.¹¹⁻¹¹

Будущий офицер менялся местами со своим учителем. Теперь недостаточно было выполнить действие самому: требовалось объяснить его новичку, заметить ошибку, добиться правильного повторения. Старший курс давал возможность принять ответственность за подготовку другого человека.

Учился и преподаватель. Штаченко описывал трудность первых месяцев: после нескольких дней полевых занятий курсанты спрашивали, чем обоснована низкая оценка. Он начал делать подробные пометки об ответах, чтобы на разборе объяснять выставленный балл.¹¹⁻¹¹ Авторитет приходилось подкреплять памятью о конкретной работе ученика.

Знать своих людей

Устав требовал от командира взвода знать имя, фамилию, год рождения, прежний род занятий, семейное положение, успехи и недостатки каждого подчинённого в подготовке. Забота о быте и нуждах людей также входила в его обязанности.¹¹⁻⁴

За этим перечнем стоит вполне определённое понимание командования. Подразделение состоит из разных людей. Один быстрее усваивает устройство машины, другому легче даётся физическая нагрузка, третий впервые надолго уехал из дома. Общее требование

остаётся общим, но путь к его выполнению не всегда одинаков.

Знание подчинённых позволяло разумнее распределять задачи, замечать трудности до того, как они превращались в происшествие. Командиру нужно было видеть и способного человека, которому можно поручить больше, и того, кому необходима дополнительная помощь. Нельзя подготовить подразделение, если знакомиться с солдатом только по взысканиям в его документах.

В свою очередь солдаты наблюдали за офицером постоянно. Они видели, знает ли он своё дело, приходит ли вовремя, умеет ли объяснять, выполняет ли обещанное. Его слова проверялись бытом быстрее, чем официальной аттестацией.

Авторитет складывался из повторяющегося опыта справедливости. Одинаково ли оценивается один и тот же проступок? Получает ли способный человек возможность учиться? Разбирается ли начальник в причинах неудачи? Готов ли признать собственное упущение? Ответы определяли, насколько подчинённые доверяют ему в более тяжёлой обстановке.

Для меня этот образ командира продолжает ту линию, которую задаёт Рокоссовский: требование начинается с ответственности самого начальника. В мирной части она проявляется без масштаба фронтовой операции, но не становится от этого менее настоящей. От неё зависят здоровье, подготовка, достоинство людей, которых государство передало под его начало.

Из училища — на полигон

Другую сторону подготовки сохраняет рассказ Сергея Михайлова. В августе 1984 года выпускник Ташкентского общевойскового училища прибыл в Группу советских войск в Германии и получил назначение в 82-й гвардейский мотострелковый полк в Бернау. Его подразделение ездило на полигон Мюльрозе для стрельб и вождения бронетранспортёров БТР-60ПБ.¹¹⁻¹²

В 1986 году Михайлов стал командиром разведывательного взвода 215-го гвардейского танкового полка. Он вспоминал отдельные сборы разведчиков: зимой на две недели, летом на месяц. Среди сослуживцев, связь с которыми сохранилась спустя десятилетия, называл сержантов Геннадия Давыдова из Саранска и Сергея Кочнева из Казани.¹¹⁻¹²

Между получением диплома и опытностью командира лежали такие выезды. В поле подготовка становилась общей работой офицера, сержанта и солдата. Требовалось действовать вместе и отвечать за доверенную технику. Когда годы спустя офицер помнит своих сержантов по именам, за названием части снова становятся видны люди.

Мне близка эта память о службе. В ней сохраняются и требовательность, и товарищество, возникшее в работе. Именно такой опыт человек мог унести в запас: знание своего дела и доверие к тем, с кем его выполнял.

Одна служба для разных людей

Всеобщая воинская обязанность распространялась на мужчин — граждан СССР независимо от национальности, социального и имущественного положения. Это прямо закрепляла статья 3 закона.¹¹⁻² В повседневной службе общий принцип должен был становиться общими правилами.

В одном подразделении встречались люди разных республик, городов и сёл. Они приносили с собой разные

привычки, семейный опыт, уровень образования. Совместная служба давала возможность узнать страну через товарища, которого иначе человек, вероятно, никогда бы не встретил.

Такое знакомство не происходило само собой от размещения под одной крышей. Нужны были общая задача, справедливое распределение нагрузки и требование уважать другого. Тогда различия переставали служить препятствием для совместной работы. Надёжность человека обнаруживалась в деле.

Если же командование позволяло превращать происхождение в основание привилегий или унижения, оно разрушало сам принцип общей службы. Землячество могло поддерживать новичка, помогать освоиться. Но захват власти группой по признаку места призыва создавал внутри подразделения чужой порядок, несовместимый с единой ответственностью перед командиром.

Армия открывала и путь к дальнейшему образованию. Закон предусматривал поступление в военно-учебные заведения с семнадцатилетнего возраста.¹¹⁻² Для молодого человека военная профессия могла стать самостоятельным жизненным выбором: освоить сложную технику, получить образование, принять ответственность за людей.

Биография Гагарина особенно ярко показывает эту возможность, хотя не может служить описанием судьбы каждого курсанта. Во время учёбы в Оренбурге он получил офицерскую профессию и встретил будущую жену Валентину Горячеву.¹¹⁻¹ В его жизни образование, служба и семья складывались рядом, ещё до известности и исторического полёта.

Гарнизон и семья

В Оренбургском доме-музее Юрия и Валентины Гагариных воссоздана комната семьи Горячевых, где состоялась их свадьба. Обстановку восстанавливали по рассказам Валентины Ивановны и её сестры.¹¹⁻⁵ У начала известной всему миру биографии есть обычное домашнее пространство: семья, несколько комнат, первые совместные планы.

У офицерской семьи эти планы зависели от службы. Назначение определяло место жительства. Переезд означал новое жильё, другую школу для ребёнка, поиски работы для жены. Возможности большого города и удалённого гарнизона могли существенно различаться.

За словами «жена офицера» стоят собственные способности и труд человека. Готовность следовать за мужем не отменяла образования, профессии, желания работать. Если подходящей работы не находилось, семья несла реальную потерю, даже когда эта потеря не отражалась в документах о прохождении службы.

Нина Лапцевич оставила собственный рассказ о дальневосточной службе семьи. После Пинска и учёбы мужа на офицерских курсах они прибыли в бухту Разбойник, затем переехали в Конюшково. В начале 1960-х годов быт зависел даже от часов подачи воды. За покупками женщины ездили на попутных военных машинах, оставляя детей соседке.¹¹⁻¹³

В её воспоминаниях есть точная фраза: «Единственно, что угнетало — это отсутствие работы». Примерно в 1965–1966 годах открытие судоремонтного завода дало возможность устроиться кассиром-счетоводом; позднее она стала заведующей канцелярией части.¹¹⁻¹³ Появление рабочего места меняло личную жизнь столь же ощутимо, как служебное назначение мужа.

Для меня здесь важна самостоятельность женщины. Она помогала семье выдерживать ограничения гарнизонной

жизни и стремилась найти применение собственным силам. Взаимовыручка соседок освобождала время; работа возвращала профессиональное занятие. Забота о семье военнослужащего должна была включать обе возможности. Человеку требовались и поддержка рядом, и место для собственного труда.

Нельзя считать, будто семейные трудности существовали вне армии. Устав обязывал командиров частей и кораблей не реже двух раз в месяц принимать по личным вопросам военнослужащих и членов их семей.¹¹⁻⁶ Семья была признана частью круга ответственности командира.

Такой приём имел смысл, если за ним следовало действие: разобраться в жилищной проблеме, помочь получить положенное, найти решение в пределах полномочий. При этом возможности конкретного начальника не были безграничны. Тем важнее было честно различать то, что он может сделать сам, и то, чего обязан добиваться у старших.

Гарнизонная близость давала поддержку. Люди знали, у кого болеет ребёнок, кто остался один во время длительного отсутствия мужа, кому нужна помощь после переезда. Но тесный круг мог усиливать и зависимость от чужого мнения. Служебное положение мужа не должно было превращаться в ранг его семьи среди соседей.

Женщины присутствовали в армейском мире также как самостоятельные военнослужащие. Закон 1967 года предусматривал добровольное поступление на действительную службу женщин с медицинской или иной специальной подготовкой.¹¹⁻⁷ Их профессиональный труд нельзя растворять в общем рассказе о семьях офицеров.

Там, где порядок подменяли властью

Говорить об армии с уважением — значит прямо назвать и то, что унижало человека внутри неё. Дедовщина строилась на присвоении власти теми, кому она не принадлежала по должности: более ранний призыв превращали в право распоряжаться другим, перекладывать на него работу, отнимать, принуждать, бить.

Старослужащий мог быть хорошим наставником. Опыт действительно давал ему знания, которых ещё не было у новичка. Но знание не давало права на насилие. Наставничество передавало умение; неуставное господство закрепляло зависимость.

Дисциплинарный устав связывал требовательность с уважением личного достоинства и постоянной заботой о подчинённых.¹¹⁻⁸ Поэтому унижение нельзя оправдать тем, что армия должна быть строгой. Строгость обращена к исполнению общей обязанности. Произвол создаёт личную выгоду для сильного за счёт слабого.

Советское законодательство прямо предусматривало ответственность за насилие между военнослужащими, не находящимися в отношениях подчинённости. Такая норма содержалась в статье 8 закона об уголовной ответственности за воинские преступления в редакции 1983 года.¹¹⁻⁹ Проблема заключалась не только в наличии запрета, но и в возможности добиться его применения.

Опаснее всего становилось там, где начальник предпочитал внешнее спокойствие правде о подразделении. Если неформальные старшие обеспечивали удобную тишину, возникало искушение не замечать, какой ценой она достигнута. Тогда часть командирской власти фактически отдавалась людям, не отвечавшим за последствия.

Это разрушало доверие сразу в двух направлениях. Пострадавший переставал верить, что его защитят. Те, кто

применял насилие, привыкали к безнаказанности. Подразделение сохраняло внешний строй, но внутри него действовали правила, о которых не докладывали.

Устав предусматривал книгу предложений, заявлений и жалоб, запись принятых решений и её ежемесячную проверку командиром части. Начальник, допуская незаконные действия против подчинённого за поданную жалобу, подлежал строгой ответственности.¹¹⁻¹⁰

Эта норма важна для самого понимания воинской дисциплины. Сообщить о насилии не означало нарушить верность части. Часть защищали те, кто восстанавливал законный порядок, а не те, кто прикрывал преступление её репутацией.

Я не считаю допустимым ни распространять один казарменный опыт на всю Советскую армию, ни отрицать чужую беду потому, что кому-то повезло с командирами. У людей могли остаться разные воспоминания о службе, и за каждым стояли определённое место, время, отношения. Честный разговор требует сохранить эту разницу.

Что человек уносил с собой

Служба могла дать профессию, уверенность в собственных силах, привычку к ответственности, друзей на всю жизнь. Могла оставить обиду и травму. Сам факт пребывания в казарме не обеспечивал воспитательного результата. Он зависел от того, чем был наполнен этот срок и как обращались с человеком.

Для меня достоинство военной школы состоит в способности соединить требовательность с уважением. Подготовленный человек понимает своё дело и отвечает за него. Его самостоятельность растёт вместе с умением. Он способен подчиняться общему решению, не утрачивая собственного достоинства.

Такой результат важен и после увольнения в запас. В гражданскую жизнь возвращается человек, умеющий

работать вместе с другими, ценить надёжность, беречь доверенное. Армия отдаёт обществу приобретённый опыт — и потому отвечает за его качество.

Офицер остаётся в этой школе дольше своих призывников. Одно пополнение сменяет другое, а он продолжает учить, проверять, отвечать. Постепенно служба становится биографией всей семьи. В ней накапливаются знания, привязанности, потери и надежды, которые невозможно выразить одной записью в личном деле.

Когда государство меняет устройство армии, за штатной единицей стоит именно такая жизнь. Человек, которому годами поручали других людей и сложную технику, вправе ожидать, что с ним самим будут обращаться ответственно. На этой границе повседневная история службы переходит в историю решений власти — и в вопрос о том, какую цену за них платил офицер.

Глава 12. Честь под сокращение

От повседневной службы последующих десятилетий вернёмся к её предыстории — решениям 1950-х и начала 1960-х годов, которые изменили судьбы многих военных семей.

15 января 1960 года Верховный Совет СССР принял закон о новом значительном сокращении Вооружённых сил. Предстояло уменьшить их численность на один миллион двести тысяч человек. Расформировать соответствующее количество частей, соединений и военных учебных заведений, сократить вооружение и расходы.¹²⁻¹

В законе это занимало несколько строк.

За строками начиналась другая работа: определить, кого оставить, кого перевести, кому предложить переучивание и кого уволить. Для государства — изменить устройство обороны. Для кадрового офицера — узнать, существует ли ещё место, к которому он готовился всю взрослую жизнь.

Миллион двести тысяч — установленное законом сокращение общего числа военнослужащих. Называть эту цифру числом уволенных офицеров неправильно. Но именно офицерская судьба позволяет понять то, чего сама цифра не объясняет. Солдат срочной службы и человек, выбравший армию своей профессией, возвращались к гражданской жизни с разными ожиданиями и разной мерой утраты.

Для меня вопрос этой главы начинается здесь. Государство вправе менять армию. Перед человеком, которому оно поручило защищать страну, у него остаются обязательства и после того, как его должность исчезла из штата.

Победители и новая власть

После смерти Сталина военное руководство оказалось участником борьбы в высших эшелонах власти. В опубликованных свидетельствах об аресте Берии 26 июня 1953 года фигурируют Жуков, Москаленко и другие военные. Рассказы участников расходятся в подробностях и распределении ролей. Однако само привлечение военачальников к этой операции показывает, какое значение приобретала вооружённая сила в политическом кризисе.¹²⁻²

Военный авторитет оказался нужен людям, решавшим вопрос о власти. Из этого ещё не следовало, что носителям такого авторитета позволят самостоятельно определять пределы своего участия в государственных делах.

В октябре 1957 года Жуков лишился должности министра обороны. Постановление пленума ЦК от 29 октября обвиняло его в нарушении партийных принципов руководства Вооружёнными силами, ослаблении партийных организаций и политических органов.¹²⁻³ Обвинение было политической оценкой победившей стороны; само по себе оно не доказывает намерения маршала совершить переворот.

Между двумя событиями — четыре года. В одном случае военный авторитет помогал обеспечить решение политического руководства. В другом самостоятельность военного руководителя была объявлена угрозой установленному порядку.

Армия не могла и не должна была становиться собственником государства. Но подчинение политической власти не освобождало эту власть от обязанности слушать профессиональный совет. Полководец, возражающий против решения, ещё не является противником государства. Вопрос о том, где кончается служебное суждение и начинается неповиновение, нельзя отдавать на усмотрение одного лишь раздражённого начальника.

Урок октября касался не только Жукова. Он показывал всему командному составу: даже высшая военная заслуга не обеспечивает права на независимую позицию. Можно сохранить звание, награды и место в истории — и потерять возможность влиять на настоящее.

Зачем сокращали армию

Объяснять преобразования одной неприязнью Хрущёва к военным было бы слишком просто. Менялось оружие, менялась цена обороны, менялись представления о будущей войне. Стране требовались средства для жилья, промышленности и гражданской жизни. Содержание огромных Вооружённых сил также оплачивалось трудом народа.

В записке членам Президиума ЦК от 8 декабря 1959 года Хрущёв связывал дальнейшее сокращение с развитием ракетного и термоядерного оружия. Он рассчитывал одновременно уменьшить военные расходы и усилить международное влияние советских мирных инициатив. Предлагалось сократить миллион — полтора миллиона человек; конкретный объём ещё надлежало обсудить с Министерством обороны.¹²⁻⁴

Это было определённое представление об обороне: мощное оружие удерживает противника от нападения и позволяет обходиться меньшей армией. В нём имелось рациональное основание. Но между появлением нового средства борьбы и возможностью отказаться от прежних сил лежат вопросы, на которые отвечает военная практика: какие задачи сохраняются, кто будет их выполнять, как обучены люди, чем обеспечены войска.

Уменьшение численности само по себе не доказывает ни ослабления, ни усиления армии. Оно должно быть связано с её задачами. Нельзя оценивать реформу только по числу сохранённых полков; столь же неверно считать успехом само количество исчезнувших должностей.

Сокращения начались задолго до январского закона. В опубликованном докладе Малиновского и Соколовского от 3 января 1958 года предлагалось уменьшить численность ещё на триста тысяч человек. При этом ожидалось высвобождение до сорока тысяч офицеров. Предусматривалось прежде всего увольнение по возрасту, состоянию здоровья и другим установленным основаниям; отдельно учитывались офицеры с правом на пенсию.¹²⁻⁵

Следовательно, перед нами не единственный приказ, внезапно изменивший всё. Это несколько волн преобразований. Их последствия накапливались в гарнизонах и семьях, пока наверху уже готовили следующий этап.

Профессия, которую нельзя снять вместе с погонами

Геннадий Трошев оставил рассказ о своём отце Николае Николаевиче — кадровом военном лётчике, прошедшем войну и закончившем её в Берлине. В 1958 году отец попал под сокращение. По воспоминанию сына, увольнение он переживал настолько тяжело, что запретил ему связывать жизнь с армией.¹²⁻⁶

Это семейное свидетельство. Оно не описывает всех уволенных и не даёт права приписывать каждому одинаковое отчаяние. Но в нём слышно, как служебное решение входит в дом: человек, отдавший армии годы, больше не хочет для собственного ребёнка того будущего, которое прежде выбрал сам.

Сын всё-таки стал офицером. В этом выборе соединились отцовская боль и уважение к отцовскому делу. Семья могла потерять доверие к конкретному решению власти, сохранив представление о военной службе как о достойном пути.

Особенно трудно было фронтовикам, для которых послевоенная служба продолжала начатое на войне. Победа не завершила их профессию. Они оставались

нужны в учебных классах, штабах, экипажах, подразделениях — пока очередная реорганизация не ставила перед ними иной вопрос: чем заниматься теперь?

Военный опыт не исчезает при увольнении. Однако гражданское учреждение принимает человека на определённую работу. Умение командовать подразделением ещё не является дипломом инженера; знание боевого самолёта не отменяет необходимости освоить другую технику и новые правила. Для перехода требуются время, обучение и помощь.

В таком положении предложение начать заново бывает справедливым лишь тогда, когда государство участвует в этом начале. Нельзя сначала требовать полной отдачи профессии, а затем объяснять человеку, что отсутствие другой специальности — исключительно его личная недальновидность.

Обещания имели сроки

20 января 1960 года, через пять дней после закона, ЦК КПСС и Совет Министров приняли постановление об устройстве увольняемых. Работу предписывалось предоставить в месячный срок после прибытия к месту жительства. Офицеров и сверхсрочнослужащих следовало обеспечить жилой площадью в первоочередном порядке, не позднее трёх месяцев после прибытия. Предусматривались возможности продолжения образования, подготовительные курсы и дополнительные выплаты офицерам, не имевшим права на пенсию.¹²⁻⁷

У этих сроков есть нравственная определённость. Власть признавала: отправить человека из части недостаточно. Он должен получить возможность жить и работать. Поэтому последующие трудности следует измерять и самим обещанием государства.

Месяц без заработка неодинаково переживается человеком с накоплениями и семьёй, которая жила на одно денежное довольствие. Три месяца до получения

жилья означают необходимость где-то разместить детей и имущество уже сегодня. Формулировка постановления не заменяет готовой комнаты, рабочего места или учебного класса.

Проблемы были известны ещё до нового массового сокращения. Историк Рустам Соловьёв, опираясь на опубликованные документы Министерства обороны, приводит данные за 1958 год: к 1 октября среди офицеров, уволенных в течение года, 6,2 процента не были трудоустроены, 18,4 процента не были обеспечены жилплощадью. Министерство признавало положение неудовлетворительным.¹²⁻⁸

Эти цифры относятся к определённому времени и определённой группе. Но они показывают, с каким нерешённым остатком государство подошло к следующей волне увольнений. Новая программа начиналась там, где последствия прежней ещё не были преодолены.

Пенсионный вопрос нельзя свести к утверждению, будто всех увольняли без пенсий. Положение зависело от выслуги и оснований увольнения. Вместе с тем само постановление января 1960 года выделяло офицеров, не получавших права на пенсию, и устанавливало для них дополнительные единовременные выплаты. Такая выплата помогала пережить переход, но постоянного дохода не обеспечивала.

В марте 1960 года кадровое и финансовое управления Министерства обороны поставили вопрос об офицерах пожилого возраста, увольняемых без пенсионного обеспечения. По исследованию Соловьёва, это привело к дополнительному решению о минимальных пенсиях для данной категории.¹²⁻⁹ Социальные условия приходилось исправлять уже по ходу преобразований.

Вместе с людьми уходила школа

Январский закон называл среди подлежащих расформированию организаций военные учебные заведения. В этих словах заключалась отдельная потеря. Военная школа — это преподаватели, учебная база, привычка разбирать ошибки, отношения между поколениями командиров. Её нельзя измерить одним числом курсантских мест.

Разумеется, ни одно училище не должно существовать только потому, что существовало прежде. Меняется потребность в специальностях. Возможно объединение, переподготовка преподавателей, передача оборудования. Но решение о закрытии требует ответа: что из накопленного опыта сохраняется и кому оно передаётся?

В Тамбове это произошло летом 1960 года. По изложению документов в выставке областного архива, приказ училища от 10 августа, основанный на директиве Главнокомандующего Сухопутными войсками от 4 июля, объявлял расформирование с 11 августа. К 10 сентября училище прекратило существование.

В опубликованном изложении акта указаны 17 офицеров, откомандированных к новому месту службы, 15 представленных к увольнению в запас, генерал и 14 офицеров, ожидавших назначения. Среди мест дальнейшей службы названы другие суворовские училища и военные кафедры гражданских вузов. Большинство воспитанников перевели в другие СВУ. Знамя передали музею Советской Армии.¹²⁻¹⁰

За каждым из этих глаголов — своё положение человека. Откомандированный уже получил направление. Представленный к увольнению ещё не обязательно уволен. Ожидающий назначения остаётся в неопределённости. Если свести их в одну графу «сокращено», исчезнет именно то, что государство должно было довести до конца: дальнейшее устройство каждого.

Перевод сохранял возможность продолжить учёбу и службу. Однако отдельное назначение ещё не означало сохранения педагогического коллектива как целого. Учителю предстояло войти в новую работу, воспитаннику — привыкнуть к другой школе. Опыт мог перейти вместе с ними, но сама возможность передачи требовала заботы: времени для знакомства, согласования учебных требований, места для профессионального суждения прибывших офицеров. Принимать человека следовало вместе с тем, чему он научился за годы службы.

Другой способ преобразования виден в истории Оренбургского лётного училища. Весной 1960 года оно стало высшим. Согласно опубликованной истории училища, его дополнили личный состав и учебная база Оренбургского училища штурманов и Кировабадского училища лётчиков, к тому времени перебазированного в Орск и переименованного в Орское. Два учебных авиаполка расформировали, а реорганизованный 750-й полк вошёл в состав Оренбургского училища с самолётами, штабом, знаменем и печатью. Часть людей с аэродромов Домбаровка и Халилово перевели в Чебеньки, где от подготовки штурманов переходили к подготовке лётчиков. Среди прибывших преподавателей и инструкторов были фронтовики с педагогическим опытом.¹²⁻¹¹

Здесь за новым названием стояло продолжение учебной работы с использованием людей и техники прежних училищ. Такой путь тоже принадлежит истории сокращений и реорганизаций. Он показывает, какие вопросы необходимо задавать, оценивая каждое решение: куда перешли специалисты, какие задачи им поручили, сохранили ли условия для обучения следующего поколения?

Для меня это и есть мера бережного отношения к армии. Память о школе необходима, но её работа продолжается там, где знания старших остаются нужны младшим. Сохранённое знамя напоминает о пройденном

пути. Возможность учить позволяет этому пути продолжиться.

Такой же вопрос возникает при расформировании части. Приказ прекращает её организационное существование. Он не объясняет автоматически, где будут востребованы слаженность штаба, опыт инструкторов и профессиональные связи специалистов.

Для авиации и флота переход имел особую сложность. Постановление 20 января поручало профильным ведомствам совместно с Министерством обороны и Госпланом отдельно решить вопрос трудоустройства увольняемых офицеров командного, инженерного и технического состава ВВС и ВМФ.¹²⁻¹² Государственный документ тем самым признавал: обычного направления на свободную вакансию недостаточно.

Здесь особенно опасно смешивать разные вещи. Списание устаревшего вооружения может быть необходимо. Увольнение подготовленного специалиста без использования его знаний — уже иной результат. Самолёт и лётчик, корабль и инженер не становятся ненужными по одной и той же причине и в один и тот же день.

Рокоссовский в Польше

Война закончилась, но служба Рокоссовского за пределами СССР продолжалась. После командования Северной группой войск он в 1949 году возглавил Министерство национальной обороны Польши и получил звание маршала Польши. В 1956 году этот период завершился возвращением в Советский Союз.¹²⁻¹⁵ Между Парадом Победы и поздней службой в Москве лежали годы руководства армией другого государства.

Для книги о военном профессионале это существенное изменение задачи. Командующий фронтом действует внутри определённой цепи приказов. Министр участвует в устройстве всей армии: её подготовке, кадровой политике, отношениях с государственной властью. Поэтому польскую

должность нельзя считать только продолжением полководческой славы. Нельзя и судить о ней по одному званию, минуя вопрос: чью государственную волю проводило военное руководство?

Российская музейная биография включает польские годы в последовательность послевоенной службы Рокоссовского. Иной акцент у польского историка Марека Вежбицкого: в статье, опубликованной Институтом национальной памяти, назначение советского маршала руководителем польского военного ведомства названо символом советизации Польши.¹²⁻¹⁵ Это оценка конкретного исследователя, а не голос всех поляков. Но она показывает, почему одна и та же должность может означать для читателей разное: передачу военного опыта — или ограничение самостоятельности государства.

Я не отказываюсь от благодарности полководцу, когда читаю такую оценку. Освобождение от нацизма остаётся совершённым делом. Однако из благодарности не следует, что всякое послевоенное политическое решение автоматически получало то же основание. Победа и устройство отношений между союзниками требуют разных доказательств. Опыт командования не заменяет согласия общества с тем, как устроена власть над его армией.

Здесь полезно удержать границу между биографией и объяснением эпохи. Назначение и возвращение — установленные события. Мотивы каждого участника и мера личного влияния министра на конкретные решения требуют отдельных документов. Фамилия на вершине военной иерархии не освобождает от разбора этой иерархии. Но и широкая историческая оценка сама по себе не заменяет такого разбора.

Из польского периода Рокоссовский вернулся с ещё одним опытом зависимости военной должности от политического решения. В ноябре 1956 года закончилась его служба министром национальной обороны Польши.¹²⁻¹⁵

Рокоссовский: звание оставалось

Судьба Рокоссовского проходит через эти годы своей отдельной линией. В 1956 году он вернулся из Польши в Советский Союз. После нескольких назначений, включая командование Закавказским военным округом, с января 1958 года вновь занимал пост заместителя министра обороны и главного инспектора Министерства обороны. В апреле 1962 года перешёл в Группу генеральных инспекторов.¹²⁻¹³

Эта последовательность важна. Во время принятия закона 1960 года Рокоссовский ещё находился в действующем руководстве. Нельзя изображать всё время после его возвращения из Польши непрерывным отстранением и тем самым подменять действительную служебную биографию удобной схемой.

Однако переход 1962 года означал изменение положения. Возможность передавать опыт и сохранять почётное присутствие в армии отличалась от полномочий заместителя министра. Уважение к заслугам могло существовать одновременно с уменьшением участия в принятии решений.

Об убеждениях Рокоссовского оставил свидетельство Александр Голованов. В своих воспоминаниях он подчёркивал, что пережитое до войны заключение не уничтожило у Рокоссовского веры в партию и руководство страны.¹²⁻¹⁴ Это оценка человека, знавшего маршала, а не стенограмма его внутренних мыслей. Но она позволяет увидеть устойчивость убеждений, которую невозможно объяснить одним приспособлением к текущей власти.

После XX съезда отношение к Сталину стало предметом нового официального пересмотра. Для военачальника речь шла также о собственном опыте войны: о решениях Ставки, личных встречах, спорах и ответственности. Признание ошибок и несправедливости не требовало объявлять вымышленным всё, что человек видел своими глазами.

Я не хочу подкреплять эту мысль эффектным разговором, переданным спустя годы, и выдавать его за установленную причину кадрового решения. Для уважения к Рокоссовскому не нужна придуманная сцена. Достаточно различать сохранённое достоинство человека и реальные полномочия, которыми он располагал.

Почётная должность может быть достойным завершением службы. Но почёт становится подменой, когда им предлагают удовлетвориться вместо серьёзного отношения к профессиональному мнению. Маршальское звание сохраняет высоту. Оно уже не обязательно даёт возможность быть услышанным.

Долг государства

В сокращениях были и необходимость обновления, и стремление уменьшить военное бремя, и ошибки в оценке людей и сроков. Одна верная цель не делает верным каждый способ её достижения.

Защищать достоинство уволенного офицера — значит требовать исполнения обязательств перед ним. Это не требование вечно сохранять любую должность. Это требование помнить, кто и по чьему поручению занимал её прежде.

Армия учила человека отвечать за подчинённых. Государство обязано было предъявить к себе такую же меру. Подготовить новую работу. Обеспечить жильём. Не оставить без средств. Сохранить полезные знания. Объяснить решение так, чтобы за ним стояло уважение к пройденной службе.

Честь не сокращается вместе со штатами. Но доверие можно подорвать обращением с человеком, который привык считать государственный приказ обязательством обеих сторон.

В следующих десятилетиях советская армия продолжала служить, учиться и защищать страну. История

её отношений с государством на хрущёвских сокращениях не закончилась. Остался вопрос, который ещё вернётся с иной силой: кто отвечает за достоинство защитника, когда ему самому приходится искать защиты?

Присяга. 1947 год

Я клянусь добросовестно изучать военное дело, всемерно беречь военное и народное имущество и до последнего дыхания быть преданным своему народу, своей Советской Родине и Советскому правительству.

Полный текст и источник — приложение А.

Часть пятая. ПРИСЯГА БЕЗ ГОСУДАРСТВА

Глава 13. Армия, за которую заставляли оправдываться

В февральском номере «Знамени» за 1990 год Людмила Медведева писала об офицерах, которые просили разрешения приезжать на службу в гражданской одежде и переодеваться уже там. Причиной были оскорбления, которые приходилось выслушивать в городском транспорте. В статье «Женщина и армия» рядом стояла другая горькая подробность: женщины стеснялись идти в гости или театр со спутником в форме.¹³⁻¹

Это было написано до распада Советского Союза.

Государство ещё существовало. Военные училища выпускали лейтенантов, части несли службу, командиры отвечали за оружие и людей. Но между домом и местом службы возникал небольшой ежедневный разрыв: одежду, обозначающую профессию, хотелось надеть подальше от посторонних глаз.

У этого поступка не было единственного смысла. Кто-то избегал ссоры, кто-то берёг семью, кто-то не хотел снова отвечать за решения, которых не принимал. По газетной или журнальной странице нельзя сосчитать всех, кто поступал так. Однако само появление такого свидетельства важно: форма могла обозначать уже не только принадлежность к армии, но и уязвимость перед случайным человеком.

Для меня в этой перемене заключено одно из самых тяжёлых переживаний последних советских лет. Защитник страны начинал испытывать необходимость объяснять окружающим, почему его служба вообще заслуживает уважения.

Рокоссовский умер 3 августа 1968 года; урна с его прахом помещена в Кремлёвской стене.¹²⁻¹⁵ Он не был свидетелем событий этой главы. Сопоставлять их с его

службой можем мы, но приписывать ему оценку позднейших решений не вправе. У нас остаётся проверяемый вопрос: что происходило с людьми, чья профессия по-прежнему требовала точного исполнения приказа?

Между правдой и обвинением

У армии были недостатки, о которых следовало говорить открыто. Неуставное насилие, гибель людей из-за нарушений безопасности, грубость начальника, сокрытие происшествий — всё это касалось прежде всего самих военнослужащих и их семей. Молчание не защищало солдата.

Указ от 5 сентября 1990 года «О некоторых мерах по усилению социальной и правовой защиты военнослужащих» прямо признавал гибель и травматизм при занятиях, эксплуатации техники, строительных и хозяйственных работах. Среди причин назывались недостаточная правовая защищённость, упущения в организации службы и снижение ответственности командиров.¹³⁻²

Следовательно, тревогу матерей нельзя было объявить чужой диверсией. Если сын возвращался из части искалеченным, семья имела право требовать расследования. Если командир скрывал преступление, ссылаясь на престиж армии делала положение только хуже. Авторитет военной службы зависел и от способности самой армии защищать слабого внутри своих стен.

Но расследование требует различать виновного и невиновного. В публичной неприязни это различие исчезает. Конкретный командир отвечает за конкретный поступок; незнакомый офицер в автобусе — уже за всё сразу: за расходы на оборону, за Афганистан, за гарнизоны за рубежом, за чужую жестокость.

Так меняется предмет разговора. Вместо вопроса, кто нарушил закон и как исправить положение, возникает

подозрение к самой профессии. Человек ещё ничего не сказал, а его погоны уже истолкованы как признание вины.

Возвращение из Афганистана

В декабре 1989 года Съезд народных депутатов СССР дал моральную и политическую оценку решению о вводе советских войск в Афганистан. Постановление осуждало именно решение, принятое в 1979 году. Одновременно оно поручало разработать государственную программу устройства жизни и быта бывших военнослужащих контингента и семей погибших.¹³⁻³

В одном документе соседствовали пересмотр государственной политики и обязанность перед людьми, которых государство направило на войну. Это соседство принципиально. Политическая оценка не превращала каждого солдата в обвиняемого.

Для вернувшегося из Афганистана спор о войне проходил через собственную биографию. Он знал товарищей по именам. Помнил, кому обязан жизнью, кого вынесли из-под огня, кого не удалось спасти. Он мог по-разному судить о решении руководства страны. Но требование отказаться от уважения к погибшим товарищам не становилось справедливым оттого, что произносилось от имени нового времени.

Здесь особенно легко было нанести человеку вторую рану. Сначала государство требовало исполнения долга. Затем оценивало прежнее решение иначе. Между этими двумя государственными позициями оставался военнослужащий, которому нужно было продолжать жить со всем пережитым.

Не всякий разговор о войне был враждебен ветерану. Спорили и сами участники. Они имели на это полное право. Недопустимой становилась подмена, при которой несогласие с политикой обращали против достоинства человека, исполнявшего службу.

И ещё одно различие нельзя потерять: помощь ветерану — не награда за согласие с новой оценкой войны. Лечение, образование, работа, забота о семье погибшего не должны зависеть от того, какие слова человек готов сказать о прошлом. Государство отвечало перед ним потому, что направило его туда и приняло его службу.

Постановление декабря позволяло провести эту границу ясно. В общественном разговоре её ещё требовалось удерживать.

Приказ и ответственность

В том же декабре Съезд рассмотрел последствия событий 9 апреля 1989 года в Тбилиси. Постановление осудило насилие против участников демонстрации. В нём говорилось о просчётах на общесоюзном и республиканском уровнях, а также об отсутствии чёткой законодательной регламентации использования Вооружённых сил во внутренних конфликтах.¹³⁻⁴

Гибель людей требовала ответа. И ответ должен был проследить всю цепь: кто оценивал обстановку, кто выбирал силовое решение, кто отдавал распоряжение, какими средствами предполагалось его выполнить. Нельзя было ограничиться последним звеном, оказавшимся на площади.

Военнослужащий отвечает за собственные действия. Командир — за приказ и его исполнение. Политическое руководство — за поставленную задачу и условия, в которые оно направило войска. Эти уровни ответственности связаны между собой. Ни один не отменяет другого.

Когда государственная власть привлекает армию к внутреннему конфликту, она обязана особенно точно определить её полномочия. Солдату нельзя поручить одновременно быть непреодолимой силой и человеком, который самостоятельно разрешит все политические

противоречия вокруг себя. У него нет ни таких полномочий, ни такой подготовки.

После трагедии общество видит прежде всего форму. Она на фотографиях, на улицах, перед глазами очевидцев. Совещание, на котором принято решение, обычно остаётся за кадром. Поэтому ответственность так легко перемещается от кабинета к строю.

География давления

К концу 1990 года сообщения о враждебности к военнослужащим вошли в документы высшего партийного руководства. Постановление Секретариата ЦК от 15 ноября и приложенная записка военной комиссии выделяли Прибалтику, Закавказье, Молдавию и западные области Украины. В записке сообщалось, в частности, об избиении восьми курсантов Львовского высшего военнополитического училища в октябре.¹³⁻⁵

Это сведения комиссии, обобщавшей информацию Министерства обороны и Главного политического управления. Они показывают, что тревога доходила до центра. Они не позволяют приписать всем жителям названных республик одно отношение к армии.

Такое различие необходимо и для понимания офицерской жизни. Насмешка в транспорте, нападение на курсанта и административное ограничение прав семьи — разные события. У них разные исполнители, разная степень опасности и разные способы защиты. Свести их к одной расплывчатой атмосфере означало бы потерять конкретную ответственность.

Семья между двумя властями

Та же комиссия сообщала о препятствиях для прописки военнослужащих и их семей в Латвии и Эстонии, а на западе Украины — о трудностях с устройством жён офицеров на работу и случаях дискриминации при обслуживании. Эти обстоятельства, по её сведениям, побуждали военных просить перевода в другие регионы.¹³⁻⁶

Для семьи конфликт союзной и республиканской власти превращался в вопрос о повседневной жизни. Где зарегистрироваться? Куда принять ребёнка? Как получить работу? Человек мог быть направлен на службу государственным приказом и одновременно столкнуться с тем, что местные учреждения перестают считать этот приказ достаточным основанием для нормального устройства семьи.

Офицерская жена не участвовала в принятии оборонной политики. Ребёнок не определял, где разместить гарнизон. Но именно они оказывались особенно зависимыми от решений школы, поликлиники, предприятия, исполкома.

Служба требовала от семьи подвижности. Переезд считался частью выбранной жизни: новое место, новая работа, новая школа. Предполагалось, что внутри общей страны эта трудность остаётся преодолимой. Когда же место службы начинало воспринимать семью как нежелательную, обычная гарнизонная неустроенность приобретала иной смысл.

Просьба о переводе в таком случае могла быть попыткой сохранить нормальную жизнь близких. Её нельзя автоматически толковать как отказ от долга. Командир, который хочет понять своего подчинённого, обязан знать, в каком положении находится его дом.

Баку: вывезти семьи

О таком случае оставил воспоминания Камиль Урманов, заместитель начальника кафедры вооружения и стрельбы Бакинского высшего общевойскового командного училища. Во время январских событий 1990 года семьи офицеров и прапорщиков укрывали на территории училища. Людей из отдалённых районов ещё предстояло доставить туда. По рассказу Урманова, Александр Никель получил разрешение руководства, подготовил бронетехнику и назначил старших машин из офицеров кафедры.

Одну машину возглавил Урманов. В Ахмедлах он забрал три семьи; его собственную семью вывезли товарищи. Жён и детей разместили в помещениях училища. Лаборантка Наталья Косарева предоставила жене и детям Урманова свой кабинет.¹³⁻⁷

За этим решением стояло вполне определённое понимание службы. Близкие подчинённого становились заботой командования в тот момент, когда сам он не мог обеспечить их безопасность обычным семейным способом. Требовались разрешение на использование машин, экипажи, места для размещения. Помощь складывалась из действий людей, располагавших разными возможностями: один отдавал распоряжение, другой ехал за семьёй, третий освобождал комнату.

Следующий этап Урманов связывает с недостатком информации. Об эвакуации семей других военных учреждений в училище узнали от знакомых офицеров. Никель предложил проверить обстановку на аэродроме Насосный. Туда направили полковника Германа Лошкарева; он подтвердил наличие самолётов. После этого собрали автомобильную колонну с вооружённым сопровождением и вывезли семьи к аэродрому.

Урманов сопровождал колонну. Его жена и дети улетели в Москву; ночью знакомый офицер сообщил ему по телефону, что они прибыли и размещены в

Кантемировской дивизии. Рассказ заканчивается короткой фразой: «После снятия ответственности за семьи служить стало легче».¹³⁻⁸

Помощь семье возвращала офицеру возможность сосредоточиться на службе. В том же рассказе виден и недостаток её организации: доступный способ эвакуации сначала приходилось выяснять через знакомых, затем проверять собственной поездкой. Товарищи и командиры довели дело до результата. Но такая зависимость от личной осведомлённости делала положение людей неравным.

Новое сокращение, прежний жилищный вопрос

Одновременно менялось само устройство Вооружённых сил. На Конференции по разоружению советский представитель Юрий Назаркин излагал программу сокращения на 1989–1990 годы: пятьсот тысяч военнослужащих. Из ГДР, Чехословакии и Венгрии предполагалось вывести и расформировать шесть танковых дивизий. В выступлении это связывалось с принципом разумной достаточности для обороны.¹³⁻⁹

В международной политике программа означала изменение военного присутствия и отношений с другими государствами. Внутри армии — перемещение частей, изменение должностей и новые семейные переезды. Дипломатическое решение становилось бытовым испытанием, когда эшелон прибывал к месту назначения.

Соглашение СССР и ФРГ от 9 октября 1990 года о некоторых переходных мерах включало специальную жилищную программу для выводимых войск. Она была рассчитана на 1991–1994 годы, с целью построить четыре миллиона квадратных метров жилья в европейской части Советского Союза. Германская сторона обязывалась предоставить 7,8 миллиарда немецких марок. Средства предназначались для жилья и создания домостроительных мощностей.¹³⁻¹⁰

Это была существенная помощь, закреплённая межгосударственным обязательством. Но соглашение предусматривало участие обеих сторон. Советская сторона отвечала за своевременное осуществление программы, планирование, разрешения и назначение организации-заказчика. Совместный руководящий комитет на уровне министров должен был содействовать её выполнению. Деньги требовалось превратить в подготовленные площадки, заключённые договоры и построенные дома.

Для офицера приказ о передислокации и готовность жилья — два разных обстоятельства. Приказ имеет дату. Квартира требует земли, проекта, строительства, воды, тепла и времени. Между ними семья не перестаёт нуждаться в доме.

Летом 1991 года этот разрыв обсуждался уже предметно. В ответе правительства ФРГ депутатам Бундестага, опубликованном 15 августа, сообщалось: заказы на 4 400 квартир ускоренной программы выданы. По сведениям подрядчиков, большую часть предполагалось закончить до конца года, остальные — в начале 1992-го. Документ фиксировал переход к заказам и строительству, а сроки завершения ещё оставались прогнозом.¹³⁻¹¹

В том же ответе германское правительство прямо указывало, что обязательство вывести войска не зависит от сроков жилищной программы. Для семьи именно это имело решающее значение: международное обязательство о переезде не содержало автоматической гарантии, что к её прибытию будет готова квартира.

Следовательно, забота о размещении существовала и принимала организационную форму. Однако выделенные средства ещё не означали заселённого дома. Государственная ответственность измерялась тем, насколько сроки переезда соединялись со сроками готовности жилья.

Решение о выводе принималось на государственном уровне. Там же следовало обеспечить согласование графиков и предусмотреть, как будут жить люди при задержке строительства. Офицерская семья не могла повлиять ни на международный договор, ни на выбор подрядчика. Ей оставалось зависеть от того, насколько согласованно действуют учреждения, каждое из которых отвечало лишь за свою часть переезда.

Защита, которую нельзя заменить словами

В сентябрьском указе 1990 года говорилось не только о внутренних недостатках военной службы. Он признавал участвовавшее физическое воздействие на военнослужащих, выполнявших задачи по охране общественного порядка, особенно в регионах со сложными межнациональными отношениями, и нападения ради захвата оружия. Начальникам предписывалось защищать жизнь, здоровье, достоинство и честь подчинённых; прокуратуре — добиваться ответственности виновных.¹³⁻¹²

Поэтому утверждение, будто государственные органы вообще не замечали происходящего, было бы неверным. Замечали, обсуждали, издавали решения. Трудный вопрос состоял в другом: становились ли эти решения действующей защитой там, где человек с ней сталкивался лично?

Приказ защищать честь подчинённого обязывает начальника к поступку. Он должен добиться рассмотрения заявления, помочь пострадавшему, объяснить людям их права, не замолчать неприятное происшествие ради спокойного отчёта. И одновременно пресечь насилие внутри собственной части. Достоинство солдата нельзя защищать выборочно — только от постороннего.

Для общества существовала такая же обязанность различать. Требовать расследования преступления — справедливо. Унижать незнакомого человека за форму — значит самому отказываться от справедливости.

Критиковать государственное решение — необходимо. Требовать от семьи погибшего стыда за погибшего — жестоко.

Советская армия состояла из людей той же страны, которая спорила о своём будущем. В её рядах были разные характеры, убеждения, способности. Оскорбление формы не отделяло плохого командира от хорошего. Оно задевало и того, кто честно делал своё дело.

Мне важно удержать в памяти именно его. Безымянного в журнальной статье офицера, который просит разрешения переодеться на службе. За этой просьбой не обязательно стояли слабость или утрата гордости. Возможно, он просто хотел спокойно доехать, выполнить работу и вернуться к семье.

Он ещё служил государству. Но государство уже не могло считать его доверие неисчерпаемым.

Следующим испытанием станет не отношение случайного прохожего. Исчезать начнёт сама общая власть, от имени которой отдавались приказы. Армии предстоит встретить это испытание с накопленной памятью о том, как её использовали, критиковали, защищали — и оставляли искать защиты самостоятельно.

Глава 14. Как разобрали армию

21 августа 1991 года министр обороны СССР Дмитрий Язов подписал приказ о возвращении войск в пункты постоянной дислокации. Соединения и части следовало перевести в состояние постоянной боевой готовности, обеспечить сохранность оружия и боеприпасов, об исполнении доложить в Генеральный штаб шифром.¹⁴⁻¹

Язык был обычным для военного документа. Исполнитель, задача, порядок доклада. Приказ сохранял привычную цепь военного управления: от министра через командование к части и обратно, с донесением в Генеральный штаб.

Но из столицы возвращались войска государства, чья власть уже пережила тяжёлый разрыв. Через три дня Верховная Рада Украины постановит подчинить себе все воинские формирования на территории республики. К концу года исчезнет СССР. Затем те же части, училища, штабы и склады станут основой разных вооружённых сил.

Внешний противник не уничтожил их в генеральном сражении. Не потребовалось разгромить каждую дивизию или потопить каждый корабль. Достаточно было изменить принадлежность государства и право распоряжаться его вооружённой силой.

Так разбирают армию, которая ещё способна выполнять приказы.

В 1945 году Рокоссовский командовал парадом армии, чей источник верховной власти не вызывал сомнения. В 1991 году спор шёл уже о самой власти над вооружённой силой. Маршал не дожил до этого раздела. Его биография не даёт готового ответа за действовавших тогда руководителей; ответ надо искать в их собственных документах.

Государство, за сохранение которого голосовали

17 марта 1991 года на всесоюзном референдуме 76,4 процента участников ответили положительно на вопрос о сохранении СССР как обновлённой федерации равноправных суверенных республик. Таковы общие итоги, объявленные Центральной комиссией референдума.¹⁴⁻²

Это было голосование за сохранение общей страны с её обновлением. В шести республиках центральные республиканские комиссии не создали, хотя на части их территории голосование организовали местные органы, коллективы и воинские части. Поэтому результат нельзя превращать в утверждение о единодушии всех граждан СССР. Но столь же невозможно вычеркнуть выраженную волю более ста тринадцати миллионов человек.

Для армии существовало государство, которому она служила. Существовал и публично выраженный запрос на его сохранение. Между этим запросом и декабрьским прекращением Союза лежали решения руководителей, борьба за полномочия и утрата способности договориться о действующем общем устройстве.

Избиратель мог потребовать сохранения страны. Офицер мог считать эту страну своей. Ни бюллетень, ни личная убеждённость сами по себе не создавали политического руководства, способного осуществить принятое направление.

Обязанность превращать народное решение в государственную работу лежала на тех, кто обладал властью. Перекаладывать её задним числом на солдата с автоматом — значит освобождать от ответственности людей, которым принадлежали кабинет, подпись и право отдавать приказ.

Август: сила без общего решения

В составе ГКЧП были министр обороны Дмитрий Язов и председатель КГБ Владимир Крючков. Опубликованное заявление его создателей ссылалось на необходимость сохранить Союз и объявляло чрезвычайное положение в отдельных местностях страны.¹⁴⁻³

Следовательно, говорить, что руководители силовых ведомств вообще не выступили, нельзя. Выступили. Но участие в комитете, заявлявшем о принятии власти, и успешная защита государства — разные результаты.

Войска были приведены в повышенную готовность; часть их привлекли к действиям в Москве и других городах. Затем последовал приказ о возвращении. Этот документ сам по себе опровергает буквальную картину полного отсутствия приказов. Он показывает другое: военный механизм был включён, а затем выключен без достижения заявленной политической цели.

Танк способен перекрыть улицу. Он не способен определить, кто законно представляет страну, какой союзный договор должен быть заключён и как восстановить доверие к власти. Для этого необходимы решения другого уровня. Военная сила может обеспечить их исполнение, но не заменяет их содержания.

Это не оправдание неудачи людей, которые взялись распоряжаться страной. Наоборот, масштаб их полномочий увеличивает ответственность. Руководитель, прибегающий к чрезвычайным мерам, обязан понимать, что именно он собирается сохранить, какими действиями и с какими последствиями для граждан. Заявление о спасении государства не является готовым планом его спасения.

Однако столь же неверно сводить провал к тому, что следовало просто применить больше насилия. Сам по себе дополнительный приказ стрелять не создавал ни законности, ни согласованной власти, ни общего будущего

республик. Историческая оценка не должна подменяться сожалением о недостаточном кровопролитии.

Территория становится основанием подчинения

24 августа 1991 года Верховная Рада Украины приняла постановление № 1431-XII. Первый пункт подчинял ей все воинские формирования, дислоцированные на территории республики. Второй учреждал Министерство обороны. Третий поручал правительству приступить к созданию собственных Вооружённых сил.¹⁴⁻⁴

До декабрьского прекращения СССР оставалось четыре месяца.

Постановление не означало, что в тот же день каждый командир сменил подчинение. Оно означало появление прямого республиканского требования на союзные войска. Место дислокации становилось основанием для притязания на управление.

В этом и заключался один из главных механизмов раздела. Полк создавали, вооружали и обеспечивали в рамках общесоюзной системы. Военнослужащих направляли в него из разных республик. Но теперь расположение его казарм на определённой территории использовалось как основание для включения в другую государственную систему.

Менялось не местонахождение танка, а ответ на вопрос, кому должен подчиняться его экипаж.

Для командира это было предельно практическим противоречием. У него оставались подчинённые, оружие, документы, хозяйство, обязанности по охране и подготовке. Над ним возникали конкурирующие требования. Сохранить повседневный порядок было необходимо, но сам этот порядок уже не отвечал на вопрос о будущем армии.

К декабрю изменились и политические условия: 1 декабря на украинском референдуме Акт провозглашения

независимости поддержали 90,32 процента участвовавших в голосовании.¹⁴⁻⁵ Нельзя описывать весь 1991 год так, будто общественные настроения и политические решения оставались неподвижными. Но конкретный порядок раздела общего военного организма всё равно определяли органы власти и командование.

Сначала убрать Союз, затем сохранить общее командование

8 декабря соглашение о создании СНГ подписали от Беларуси Станислав Шушкевич и Вячеслав Кебич, от России — Борис Ельцин и Геннадий Бурбулис, от Украины — Леонид Кравчук и Витольд Фокин. Его преамбула констатировала прекращение существования СССР. При этом статья 6 обещала сохранить под объединённым командованием общее военно-стратегическое пространство и единый контроль над ядерным оружием. Статья 14 прекращала деятельность органов бывшего Союза на территориях государств — участников Содружества.¹⁴⁻⁶

В одном документе прекращали существование общего государства и обещали оставить общую военную систему.

12 декабря Верховный Совет РСФСР ратифицировал соглашение постановлением № 2014-I, подписанным его председателем Русланом Хасбулатовым. Союзные нормы разрешалось применять лишь постольку, поскольку они не противоречили российским Конституции, законодательству и самому соглашению. Президиуму Верховного Совета совместно с президентом и правительством поручалось подготовить необходимые законодательные акты.¹⁴⁻⁷

Так решение получало исполнителей внутри России. Парламент ратифицировал соглашение, его Президиум, президент и правительство должны были готовить правовое оформление нового порядка. Прежняя союзная власть переставала быть для них высшей инстанцией.

Проблема заключалась в том, что армия держится не только на штабе. Ей нужны источник верховной власти, бюджет, законодательство, единый порядок назначения и подчинения, обязанность территориальных органов исполнять государственные решения. После устранения Союза всё это предстояло заново согласовывать между отдельными государствами.

Объединённое командование могло существовать. Но оно уже зависело от согласия тех, кто распоряжался территориями, ресурсами и людьми. Его положение отличалось от положения союзного Министерства обороны.

21 декабря главы государств поручили командование Вооружёнными силами маршалу авиации Евгению Шапошникову до решения вопроса об их реформировании.¹⁴⁻⁸ Должность обеспечивала продолжение управления. Политическое основание этого управления уже было иным: поручение исходило от руководителей государств Содружества.

25 декабря Михаил Горбачёв подписал указ № УП-3162. В связи с уходом с поста президента СССР он складывал полномочия Верховного Главнокомандующего; право на применение ядерного оружия указ передавал президенту Российской Федерации.¹⁴⁻⁹ Здесь переход был обозначен уже не общей формулой о будущем сотрудничестве. Уходящий глава Союза называл конкретного получателя одного из важнейших военных полномочий — президента России.

26 декабря Совет Республик Верховного Совета СССР принял декларацию, констатирующую прекращение существования Союза.¹⁴⁻¹⁰ Это был акт завершающегося демонтажа союзной власти. Сама декларация не устраняла вопросов о соблюдении прежних процедур и мартовской воле избирателей. Но для военного управления возникла фактическая реальность: прежнего общего центра власти больше не было.

И затем последовало решение, определявшее направление дальнейшего движения. Соглашение от 30 декабря подтвердило право государств СНГ создавать собственные Вооружённые силы. Порядок управления силами общего назначения и последовательность создания национальных армий предстояло решить в двухмесячный срок; для Украины было прямо указано начало с 3 января 1992 года.¹⁴⁻¹¹

Общее командование сохраняли как временный порядок. Собственные армии признавали правом участников. В этой конструкции уже находился будущий раздел.

Что могло объединённое командование

20 марта 1992 года было заключено соглашение об Объединённых вооружённых силах на переходный период. Среди целей назывались сохранение управления, предотвращение конфликтов и согласованное реформирование бывших Вооружённых сил СССР.¹⁴⁻¹²

Такое управление было необходимо. Нельзя оставить без руководства части, вооружение, склады и системы боевого дежурства. Предотвращение беспорядочного распада являлось реальной задачей, и её нельзя обесценивать.

Но задачи сохранения управляемости и сохранения СССР уже разошлись. Первая предполагала организовать переход. Вторая требовала бы восстановления общего государства, которое участники соглашений перестали считать существующим.

Статья 4 мартовского соглашения особенно ясно показывала предел новой системы. Собственные вооружённые силы государств могли передаваться в оперативное подчинение общему командованию с их согласия. Его полномочия в таком случае распространялись только на вопросы оперативного подчинения.

Иными словами, центр уже не распоряжался всем военным организмом на прежнем основании. Он получал согласованные функции. Государство-участник сохраняло собственную военную власть и могло выйти из соглашения с предварительным уведомлением.

В этой разнице — ответ на многое. Армия СССР была институтом одного государства. Объединённые вооружённые силы СНГ стали формой договорённости нескольких государств. Похожие слова и знакомые должности не делали эти устройства тождественными.

Новые армии из общего имущества

7 мая 1992 года Борис Ельцин подписал указ № 466 о создании Вооружённых сил Российской Федерации. В их состав включались расположенные в России органы управления, соединения, части, учреждения и военные учебные заведения бывших Вооружённых сил СССР, а также находившиеся под российской юрисдикцией группировки за её пределами.¹⁴⁻¹³

Особенно показательно предписание на время формирования российских центральных органов осуществлять руководство через структуры бывших Министерства обороны и Генерального штаба СССР. Управленческий аппарат не исчез. Он получал другую государственную принадлежность.

Указ одновременно сохранял согласованную систему управления стратегическими силами. Поэтому 7 мая нельзя объявить одномоментным завершением всех форм общего командования. Переход состоял из разных решений, принимавшихся в разное время.

Но основное направление было определено: из общесоюзного военного организма образовывались отдельные армии. В России менялось назначение центрального аппарата; на территориях других бывших республик формировались собственные структуры. Наследовали не только вооружение, но и училища,

ремонтные возможности, госпитали, склады, аэродромы, систему подготовки.

Это наследство создавалось трудом всей страны. Его раздел не мог быть простой сменой вывесок. Единая система снабжения и обучения превращалась в отношения между самостоятельными владельцами и ведомствами. То, что прежде решалось распоряжением внутри государства, теперь требовало межгосударственного соглашения.

Один флот, два требования

Черноморский флот даёт особенно наглядный пример того, как спор о юрисдикции входил в повседневную службу.

5 апреля 1992 года Леонид Кравчук подписал указ № 209. Его второй пункт предписывал сформировать Военноморские силы Украины на базе сил Черноморского флота, дислоцированных на её территории. Министерству обороны Украины поручалось создать органы управления; перечень кораблей и частей, временно передаваемых в оперативное подчинение командованию стратегических сил СНГ, следовало согласовать с главнокомандующим Объединёнными вооружёнными силами.¹⁴⁻¹⁴

7 апреля последовал указ Бориса Ельцина № 375: Черноморский флот переходил под юрисдикцию Российской Федерации с подчинением главнокомандующему Объединёнными вооружёнными силами СНГ. Российскому правительству поручалось обеспечить финансирование, внешнеполитическому и оборонному ведомствам — вести переговоры с Украиной о базировании и передаче ей части кораблей и судов.¹⁴⁻¹⁵

Один президент предписывал создавать украинские военно-морские силы из находившейся на территории Украины части общего флота. Другой объявлял российскую юрисдикцию над Черноморским флотом, оставляя военное подчинение общему командованию. Два решения касались одних и тех же кораблей и людей.

Затем обе стороны приостановили свои решения о принадлежности флота, но сделали это разными актами. 9 апреля Ельцин указом № 379 приостановил действие своего указа от 7 апреля до завершения переговоров. 10 апреля Кравчук указом № 235 приостановил на время работы делегаций второй пункт указа от 5 апреля в части, касавшейся Черноморского флота.¹⁴⁻¹⁶ Спор отложили для переговоров. Единого ответа на вопрос о будущем подчинении моряки по-прежнему не получили.

21 июля 1992 года сторожевой корабль СКР-112 вышел из Донузлава и перешёл в Одессу под украинским флагом. Кораблём командовал капитан-лейтенант Сергей Настенко; в переходе участвовал бывший начальник штаба бригады капитан 2 ранга Николай Жибарев. В воспоминаниях адмирала флота Владимира Чернавина приведена шифровка командующего Черноморским флотом Игоря Касатонova: выход корабля назван самовольным, сообщается о неподчинении запросам и приказаниям штаба флота. Чернавин описывает попытку вернуть сторожевик и его прибытие в Одессу.¹⁴⁻¹⁷

Первый командующий ВМС Украины Борис Кожин оценивал тот же переход как шаг к созданию украинского флота. В его публикации Жибарев объяснял решение инициативой группы офицеров, недовольных своим положением и пассивностью украинского военного руководства. Кожин также вспоминал, как позднее беседовал с военнослужащими на борту СКР-112 в Одессе.¹⁴⁻¹⁸

Эти свидетельства расходятся в оценке поступка. Но сам переход корабля, его выход из подчинения прежнему штабу и принятие украинской стороной прослеживаются с обеих сторон. Согласованная передача по общему акту здесь не описана. Между президентскими указами и новым местом службы стояло конкретное решение офицеров, которому командование флота пыталось воспрепятствовать.

Для этой перемены не понадобилось построить новый корабль, заново обучить экипаж или создать флотскую специальность. Двигался уже существовавший советский сторожевик, которым управляли подготовленные в общей системе моряки. Умение вести корабль сохранялось. Общая власть над ним — уже нет.

3 августа в Ялте Борис Ельцин и Леонид Кравчук подписали соглашение о принципах формирования двух флотов. Оно устанавливало раздел Черноморского флота для создания на его базе российского и украинского флотов. На переходный период Черноморский флот выводился из состава Объединённых вооружённых сил СНГ и подчинялся непосредственно президентам двух государств. Командование они должны были назначать совместно, консенсусом.¹⁴⁻¹⁹

Один действующий флот получал двух политических руководителей и перспективу раздела. Систему базирования и материально-технического обеспечения пока сохраняли в совместном использовании. Документ фиксировал необходимость временно пользоваться единым организмом, который уже решили разделить.

КГБ: тот же способ разъединения

Сопоставление с государственной безопасностью здесь имеет точное документальное основание. Закон СССР от 3 декабря 1991 года упразднил КГБ СССР. На его базе создавались Межреспубликанская служба безопасности, Центральная служба разведки и Комитет по охране государственной границы. Органы безопасности республик переходили в исключительную юрисдикцию этих республик.¹⁴⁻²⁰

Сотрудники, здания, знания и средства работы не исчезали вместе с названием. Менялись подчинение и границы компетенции. Общая организация распадалась на органы, связанные уже другим порядком отношений.

Армия и КГБ выполняли разные задачи. Их нельзя считать взаимозаменяемыми, а все обстоятельства преобразований — одинаковыми. Сходство состояло в механизме: единый союзный институт лишался общего политического основания, его составные части переходили под иную власть, остаточные общие функции пытались сохранить специальными соглашениями.

Для этого не требовалось, чтобы противник по очереди уничтожил каждое подразделение. Решение об изменении юрисдикции позволяло получить готовый аппарат вместе с людьми и средствами. Профессиональная способность работать могла сохраниться, тогда как способность действовать от имени прежней общей страны прекращалась.

Именно поэтому выражение «разобрали свои» имеет для меня вполне определённый смысл. Речь о решениях руководителей, распоряжавшихся союзным наследством, и о работе учреждений, переводивших эти решения в приказы, назначения и передачу имущества.

Армия не могла иначе?

Сильнейшее возражение звучит так: армия обязана подчиняться государственной власти, а не выбирать государство по собственному усмотрению. Это верно как предел военной власти. Но из него не следует отсутствие личных решений на вершине управления. В документах этой главы названы те, кто прекращал существование Союза, сохранял общее командование как временный порядок и создавал национальные вооружённые силы. Возможности рядового, командира части и руководителя государства не были одинаковыми. Поэтому вопрос о долге требует различать их полномочия, а не предъявлять всему строю одно обвинение.

Схема. 1991–1992: как менялся источник командования

Схема последовательности событий; не географическая карта.

Этап	Действие и связь
24 августа 1991	Верховная Рада Украины подчиняет себе воинские формирования на территории республики.
8 декабря	Соглашение о создании СНГ: прекращение Союза сочетается с обещанием общего военно-стратегического пространства.
21 декабря	Главы государств поручают командование маршалу авиации Евгению Шапошникову до решения вопроса о реформировании.
25 декабря	Президент СССР складывает полномочия Верховного Главнокомандующего.
1992	Создание национальных вооружённых сил; согласование раздела общего имущества и флота.

Источники: 14-4, 14-6, 14-8, 14-9; документы 1992 года — приложение Г.

Почему оружие не сохранило страну

Армия не была внешним наблюдателем советской истории. Её руководители участвовали в политических событиях; её подразделения исполняли распоряжения; её аппарат обеспечивал последующий переход. Но возможности министра, командующего округом, командира полка и рядового различались несопоставимо.

Верховная ответственность лежала на политическом руководстве Союза и республик. Именно на этом уровне принимались решения о государственности и принадлежности войск. Далее военное руководство определяло, как эти решения будут исполнены. Объявлять всё случившееся безличным распадом — значит прятать людей за сущестительным.

Вместе с тем наличие вооружённой силы не обеспечивало готового способа сохранить государство. Для него требовались политическая воля, признанный порядок действий и работа общих институтов. К концу года вместо такого порядка действовала последовательность соглашений о переходе к другой системе.

Военная дисциплина помогала сохранить оружие и избежать части непосредственных опасностей. Она же позволяла организованно переподчинять сохранившиеся части. Исправно работающий аппарат мог обслуживать прекращение того целого, ради которого был создан.

Для меня это и есть центральная трагедия. Армия, построенная народом и выдержавшая войну против внешнего врага, не обеспечила сохранения собственной страны в политическом кризисе. Её силу распределили между государствами, пришедшими на место Союза. В документах это называлось реформированием, переходным периодом, установлением юрисдикции.

Но ни один из этих терминов не отвечал за человека, который однажды произнёс слова советской присяги.

Ему предстояло решать, что остаётся обязательным, когда приказ уже приходит от другой власти, прежнее государство объявлено прекратившим существование, а годы службы невозможно переписать вместе с названием воинской части.

Глава 15. Что осталось от присяги

В соглашении о Черноморском флоте от 3 августа 1992 года между разделом кораблей и порядком использования баз стояла статья о присяге. Призываемые на флот военнослужащие России и Украины должны были принимать присягу государства своего гражданства.¹⁵⁻¹

Флот на переходный период оставался под объединённым командованием. Систему снабжения и базирования ещё предстояло использовать совместно. Но люди, приходившие служить в этот общий военный организм, уже давали разные государственные обязательства.

Статья касалась призывников. Для тех, кто служил прежде, вопрос был иным: что делать с уже произнесёнными словами?

Советская присяга называла страну полностью. В ней нельзя было мысленно заменить одно название другим, не изменив содержания. Человек обещал преданность народу, Советской Родине и Советскому правительству. Теперь государства, которому он присягал, не существовало, а сам он оставался: со своим званием, выслугой, семьёй, памятью о товарищах и подписью под текстом.

Принадлежность корабля можно было определить соглашением. Соотношение прежнего обещания и дальнейшей жизни каждому предстояло определить самому.

В декабре 1966 года Рокоссовский и Жуков встретили у Кремлёвской стены прах Неизвестного солдата.⁹⁻¹⁴ Ни звание, ни сохранённое имя не отделили их в тот день от человека без установленной биографии. После раздела страны эта связь не перешла в собственность одного ведомства: документы о службе и память о погибших оставались обязательством живых.

Подпись была личной

Положение о принятии военной присяги, утверждённое 10 июня 1947 года, требовало индивидуального принятия и собственноручной подписи. Солдат читал текст вслух перед строем, расписывался против своей фамилии и возвращался на место.¹⁵⁻²

Строй был общим. Ответственность — личной.

В этом состоял смысл церемонии. Государство не ограничивалось тем, что получало очередного человека в штат подразделения. Оно требовало его слова. И само определяло масштаб этого слова: «до последнего дыхания быть преданным своему народу, своей Советской Родине».

Эти слова обращались к человеку целиком. В них не было заранее предусмотренного нравственного освобождения на случай, если руководители разделят страну. Поэтому после 1991 года вопрос о присяге не мог исчерпываться новым приказом по личному составу.

Служебное положение регулировалось законами и решениями новых государств. Но собственное понимание верности не выдавалось вместе с новым удостоверением. Для человека, воспринимавшего присягу всерьёз, оставалось противоречие между тем, что стало административно возможным, и тем, что он считал допустимым для себя.

Уволенный в запас тоже не превращался в человека без прошлого. Его освобождали от повседневной службы, а не от памяти о принятом обязательстве. Здесь проходила граница между прекращением служебных обязанностей и личным отказом считать прежнее слово значимым.

Для меня верность советской присяге имеет именно этот непреходящий смысл. Нельзя объявить собственную страну ошибкой только потому, что она перестала обеспечивать карьеру. Нельзя согласиться, что годы честной службы стали постыдными после смены

государственной символики. Народ, которому служили, не исчез вместе с союзными учреждениями.

Выбор, которого прежде не было

Девятая статья того же ялтинского соглашения обещала обеспечить права военнослужащих Черноморского флота, которые по собственному желанию войдут в состав российского или украинского флота, а также уволенных и их семей.¹⁵⁻¹

Формула добровольности имела значение. Военнослужащего не предлагалось делить вместе с корабельным имуществом. Но возможность написать рапорт ещё не делала выбор свободным от жизненных обстоятельств.

Для кадрового офицера место службы было связано с жильём, работой супруги, школой детей, лечением родителей. Отъезд означал перенос всей семейной жизни. Остаться означало принять определённый порядок подчинения. Уволиться — искать гражданское занятие, располагая специальностью, которую государство прежде готовило для совсем другой задачи.

Это не вымышленная биография одного офицера. Именно такие стороны жизни — жильё, переезд, трудоустройство, образование, медицинскую помощь — перечисляли соглашения о защите военнослужащих и семей. Сами составители документов признавали, что переход из одной армии в другую затрагивал гораздо больше, чем ведомственную принадлежность.¹⁵⁻³

Нравственную цену решений нельзя убрать ссылкой на трудности. Однако и ответственность нельзя распределять без различия полномочий. Человек, подписывавший соглашение о разделе армии, и человек, решавший, куда перевезти детей, находились в разных положениях. Первый создавал условия выбора для второго.

Продолжение службы могло означать сохранение профессионального дела и ответственности за людей. Могло стать приспособлением к новому начальству ради повышения. Эти мотивы нельзя устанавливать по одному лишь факту, что после советских погон человек надел другие.

Но есть поступки, в которых компромисс становится видимым: готовность унижать прежних товарищей, отречься от собственной службы, изображать многолетнюю верность вынужденным заблуждением. Здесь карьерная биография начинает требовать переписывания нравственной. Именно эту готовность я не принимаю.

Вернуться к выбору Родины

В главе «Выбор Родины» мы уже встречались с людьми, чья прежняя армия перестала существовать. Брусилов призывал бывших офицеров служить в Красной армии «не за страх, а за совесть». Шапошников после увольнения и работы секретарём народного суда добровольно вернулся к военному делу.¹⁵⁻⁴ Слащёв передавал красным командирам опыт человека, ещё недавно воевавшего против них. Их решения оценивались по тому, что они отдавали стране: знание, труд, способность защищать и учить.

Эта мера ответственности остаётся и в конце книги. Она не позволяет превратить судьбу Брусилова в готовое оправдание любой смены службы. Обращение 1920 года звало защищать Россию от расхищения. Решения 1991-1992 годов, разобранные в предыдущей главе, распределяли вооружённую силу общей страны между новыми государствами. Направление государственных решений было различным; это различие нельзя стереть сходством личной растерянности перед историческим переломом.

Для отдельного человека вопрос всё же оставался деятельным: кого он защищает, чему учит, за что отвечает

собственной подписью? Сохранённая школа, подготовленный ученик, поддержанный сослуживец дают основания говорить о продолжении долга. Отречение от своей страны ради удобного места требует другого суждения. Прежняя заслуга не освобождает от ответственности за новый поступок, а новая должность сама по себе ещё не объясняет его нравственного содержания.

Семья в приложении к разделу

14 февраля 1992 года государства СНГ подписали соглашение о социальных и правовых гарантиях военнослужащих, уволенных и членов их семей. Оно предусматривало сохранение уровня прав и льгот, установленного в СССР, и запрещало их одностороннее ограничение.¹⁵⁻³

В перечне стояли самые обыкновенные вещи: жить в занимаемой квартире, распоряжаться имуществом, получать медицинскую помощь, учить детей, трудоустроиться после увольнения. При пересечении новой государственной границы — провезти личные вещи без пошлин, с предусмотренными законодательством исключениями.

Ещё недавно это было перемещение внутри страны. Теперь для него требовалась договорённость государств.

Документ предусматривал и возможность после увольнения остаться в государстве пребывания либо выбрать другое место жительства. Для военного пенсионера вопрос о Родине тем самым получал ещё одно, прежде непривычное измерение. Он мог прожить в гарнизоне десятилетия, уйти там в отставку и оказаться перед необходимостью определять гражданскую принадлежность заново.

Читать эти статьи полезно без торжественных слов о геополитике. В них видна домашняя сторона государственного распада. Квартира, детский сад, врач,

имущество, перевезённое к новому месту жительства, — всё это входило в цену политических решений.

Соглашение фиксировало обязательства. Насколько они исполнялись в каждом месте, устанавливается отдельно. Но уже само их появление показывает, что положение семьи перестало обеспечиваться единым государственным порядком. Его пришлось защищать международным документом.

Выслуга не начинается заново

15 мая 1992 года отдельное соглашение определило порядок пенсионного обеспечения военнослужащих и семей. Выплаты возлагались на государство проживания за счёт его бюджета, без взаимных расчётов. В выслугу включалась служба в вооружённых силах и формированиях, перечисленных в документе, включая бывшие Вооружённые силы СССР.¹⁵⁻⁵

За этими положениями стоял простой вопрос: кто заплатит за службу общей стране, если общей казны больше нет?

Офицер не мог распределить собственные годы между новыми государствами так, как распределяли имущество. Учёба, гарнизоны, боевое дежурство, командировки составляли одну служебную жизнь. Соглашение пыталось сохранить её непрерывность хотя бы в пенсионном учёте.

Это было необходимо, но недостаточно для восстановления прежнего положения человека. Признанная выслуга подтверждала, что годы не пропали из документов. Она не возвращала страну, служебную перспективу или привычное общественное уважение.

У памяти свой счёт. В нём остаются фамилии командиров, друзья по училищу, сослуживцы, погибшие и живые. Расчёт пенсии можно передать новому ведомству. Этот счёт передать некому.

«Выстрел»: что именно надо сохранить

Судьба школы позволяет увидеть продолжение того же процесса за пределами 1991 года. Государство исчезает в определённый момент. Созданные им учреждения могут жить ещё долго — меняя подчинение, состав преподавателей и задачу. Их последующее расформирование требует самостоятельных решений и имеет собственных ответственных.

24 сентября 2009 года «Интерфакс» передал сообщение представителя военного ведомства: учебный центр «Выстрел», бывшие Высшие офицерские курсы, расформировывается в рамках оптимизации военного образования. Завершить ликвидацию предполагалось к декабрю. Одновременно ведомство заявляло, что территория останется в использовании Министерства обороны для подготовки военных кадров.¹⁵⁻⁶

Здесь важны обе части сообщения. Расформирование центра не означало само по себе прекращения всякой военной деятельности на этой земле. Однако обещание использовать территорию не доказывало сохранения школы.

У отдельных направлений подготовки была своя дальнейшая судьба. Ветеран-миротворец Анатолий Исаенко в статье 2020 года сообщал, что после закрытия «Выстрела» материальную базу и подготовку военных наблюдателей ООН перенесли в Наро-Фоминск, где эту работу продолжала Общевойсковая академия.¹⁵⁻⁷ Значит, прекращение деятельности прежнего центра не оборвало все его учебные функции одновременно. Одну из них передали другой площадке.

В ноябре 2018 года «Красная звезда» сообщала и о Центре подготовки руководящего состава соединений, созданном во исполнение директивы министра обороны от 19 мая 2015 года. Газета называла его правопреемником «Выстрела». Задачи центра включали помощь командирам в организации боевой подготовки и повседневной

деятельности, обобщение и распространение опыта. В 2016 году его структуру расширили, включив инспекции других видов и родов войск.¹⁵⁻⁸

Передача учебной функции, создание нового центра и сохранение старого преподавательского коллектива — три разных дела. О первых двух можно говорить по названным свидетельствам. Судьба каждого преподавателя требует отдельного прослеживания: в этих публикациях нет сведений о передаче всего коллектива и прежних программ без разрыва. Позднейшее правопреемство заслуживает учёта, но не отменяет самого решения о расформировании.

Школа существует в связи между людьми. Опытный преподаватель умеет заметить ошибку будущего командира раньше, чем она обернётся потерями. Он знает, какой красивый ответ развалится при изменении обстановки, где слушатель рассуждает самостоятельно, а где повторяет удачную формулу. Этому нельзя научить одной передачей учебного корпуса на баланс.

В переданном для этой книги воспоминании участника школьной команды сохранился небольшой эпизод. В 1982 году после победы в республиканском финале «Орлёнка» школьников поселили на действующих курсах: здесь они готовились к всесоюзным соревнованиям. Несколько ребят ушли в самоволку и попались начальнику курсов Давиду Драгунскому. Генерал предложил им состязание — кто больше отождётся или подтянется. По рассказу, взысканий не последовало.¹⁵⁻⁹

Школьники увидели, как человек, обладавший полной властью, сам выбирал способ воздействия и принимал решение на месте. Военная школа открывалась им через повседневное поведение старших. Её опыт передавался и тогда, когда занятие не было записано в расписании.

Такая передача отношения к делу не отражается полностью в учебной программе. Но без неё учреждение

способно сохранить вывеску и потерять главное: представление о том, каким должен быть командир.

Поэтому реальная преемственность проверяется содержанием работы. Кто учит? Какой опыт передаёт? Есть ли время на подготовку? Сохраняется ли право профессионально спорить и разбирать ошибки? За что повышают — за качество решения или за удобство подчинённого?

Музей и действующая школа

10 декабря 2011 года в Солнечногорске открылся Музей ратной и трудовой славы «Выстрел». В описании его создания названы работники культуры С. Волошнюк и В. Дацюк, ветеран курсов и журналист В. Кривулин. Экспозиция собрала документы, фотографии и личные вещи людей курсов.¹⁵⁻¹⁰

Это конкретная работа по сохранению памяти. Кто-то должен был собрать вещи, установить их принадлежность, объяснить посетителю, чья фотография перед ним и почему её следует сохранить. За словом «музей» стоят решения людей, не согласившихся считать историю учреждения ненужным остатком.

Но музей решает свою задачу. Он хранит свидетельства и возвращает им смысл для следующего поколения. Подготовка командира требует другой непрерывной работы — преподавания, учений, обсуждения решений, проверки знаний. Одно учреждение может поддерживать другое; заменить его целиком оно не может.

Связь между памятью и действующей подготовкой всё же можно поддерживать конкретным поступком. Исаенко описал участие ветеранов миротворческих миссий в выпуске военных наблюдателей в Наро-Фоминске. Он сам, участник первой группы советских наблюдателей 1973 года, рассказал выпускникам о начале этой службы.¹⁵⁻⁷ Ветеран пришёл к тем, кому предстояло продолжить знакомую ему работу. Так опыт общей страны вновь

обращался к людям, а не оставался только подписью под музейной фотографией.

В этом различии нет упрёка хранителям. Напротив, нельзя возлагать на них обязанность возместить то, что утрачено решениями военного управления. Ветеран, передающий документы в музей, сохраняет доступную ему часть общего дела. За состояние военного образования отвечают те, кто им распоряжается.

Погибшие не меняли гражданства

Воинские захоронения делают вопрос о преемственности особенно ясным. Погибший советский солдат не выбирал государства, на территории которого окажется его могила после 1991 года. Новая граница могла пройти между местом его гибели и домом его семьи. Его собственная история от этого не менялась.

В России 14 января 1993 года был принят закон «Об увековечении памяти погибших при защите Отечества».¹⁵⁻¹¹ Позднее государства СНГ заключали специальные соглашения о сохранении воинских захоронений и памятников. Документ, подписанный в Душанбе 3 сентября 2011 года, предусматривал обмен сведениями о захоронениях, состоянии памятников и персональных данных погибших.¹⁵⁻¹²

Это та область, где слово «память» должно иметь проверяемое содержание. Известно ли место? Установлены ли имена? Сохранены ли надписи? Можно ли семье получить сведения? Есть ли человек или учреждение, отвечающие за состояние могилы?

Торжественная речь не выполняет ни одной из этих задач сама по себе. Их выполняют архивисты, поисковики, музейные работники, местные жители и ответственные должностные лица. У каждого свой участок работы, и на каждом возможны как добросовестность, так и забвение.

Памятник тоже требует понимания того, кому и чему он поставлен. Сохранить материал и потерять смысл — недостаточно. Неизвестный солдат представляет человека, чьё имя мы можем не знать, но чей подвиг не становится от этого ничейным. Его нельзя превратить в свободное место для любой очередной государственной декорации.

Право наследовать Победу начинается с обязанности беречь её погибших.

То, что остаётся обязательным

После исчезновения Советского Союза человек не мог единолично вернуть прежнюю систему командования. Но он сохранял возможность решать, как обращаться со своим прошлым и с людьми, разделившими его службу.

Сохранить документы части. Помочь товарищу восстановить сведения о выслуге. Передать семейный архив. Назвать погибшего по имени. Не повторять удобную ложь о войне. Учить молодого специалиста тому, что умеешь сам. Эти действия не восстанавливают государство, но удерживают человеческие связи и знания, которые иначе исчезнут вместе с ним.

В них нет компенсации за политическое поражение. Есть продолжение ответственности.

Я не считаю память о Советской армии согласием жить только вчерашним днём. Из её истории следует требование к будущему: командир должен знать своё дело, власть — отвечать за решения, государство — выполнять обязательства перед теми, от кого требует жертвы. Военная школа должна готовить самостоятельного профессионала, а уважение к службе подтверждаться обращением с человеком.

Присяга называла народ. Значит, разговор о верности неизбежно возвращает нас к людям: к солдату, которого нельзя расходовать ради чужого тщеславия; к семье, которую нельзя оставить за пределами государственного

расчёта; к учителю, чьи знания нельзя заменить отчётностью; к погибшему, которого нельзя забыть после окончания церемонии.

Изменились границы, учреждения, названия армий. Осталось право человека не отрекаться от того, что он считал своим долгом. И осталась обязанность подтвердить это право собственной жизнью.

Присяга. 1947 год

Если же я нарушу эту мою торжественную присягу, то пусть меня постигнет суровая кара советского закона, всеобщая ненависть и презрение трудящихся.

Полный текст и источник — приложение А. Рядом с прежним обязательством теперь стоит статья 6 российскоукраинского соглашения о Черноморском флоте от 3 августа 1992 года: призываемые на флот военнослужащие принимают присягу государства своего гражданства. Норма касается призывников, а не обязательной повторной присяги всех ранее служивших. Это изложение нормы; её разбор приведён выше.¹⁵⁻¹

Эпилог. Моя армия

Вернёмся на Красную площадь, 24 июня 1945 года. В строю не видно того, что видно по книге.

Человек, докладывавший в тот день о готовности войск, когда-то был солдатом другой армии. Ему пришлось пережить смену государства, Гражданскую войну, учёбу, арест, в котором я вижу отголосок внутривластной борьбы, и возвращение в строй, в котором я вижу победу здоровых сил. В сорок первом Победа не была итогом его биографии. Она была будущим, которое могло не состояться.^{e1} Мы смотрим на эти годы, зная конец. Они жили, его не зная.

Книга началась с неверно переведённой французской фразы и дошла до статьи соглашения о присяге. Между ними — приёмка на оружейном заводе, миномёты, лежавшие на складе, пока пехота шла без огневой поддержки, люди под Ярцевом, которые, по словам Рокоссовского, «хотели воевать». Эти эпизоды я выбирала не для украшения. Армия видна в них раньше, чем в приказах о фронтах. Всякий раз результат зависел от того, сделал ли конкретный человек свою работу честно и вовремя — и спросили ли с него по существу.

Теперь можно ответить на вопрос, с которого началась книга. Коротко и без утешения.

Армию не разгромили. Её передали — по частям, в порядке исполнения, с документами. Постановление Верховной Рады от 24 августа 1991 года сделало место дислокации основанием для притязания на управление. Соглашение от 8 декабря в одном тексте прекращало существование Союза и обещало сохранить общее военнотрагическое пространство, оставив без ответа вопрос об источнике власти над ним.^{e2}

Дисциплина, державшая рубеж в сорок первом, в девяносто первом обеспечила порядок переподчинения.

Вины рядового в этом нет. Нет и оправдания тем, кто принимал решения: у этих решений были подписи, должности и даты, и я называла их, где могла.

Но это половина ответа. Вторая: декабрь 1991 года не получает права определять смысл всего, что ему предшествовало. Солдат, защитивший Москву, выполнил свою задачу. Учитель, подготовивший командира, сделал нужное дело. Рабочий, изготовивший оружие, которым остановили врага, участвовал в спасении страны. Решения других людей не делают их труд напрасным. Иначе те, кто разобрал общее дело, получают ещё и власть над его прошлым.

Поэтому моя благодарность не зависит от того, существует ли учреждение, в котором человек служил. Она обращена к совершённому им делу. Государственная печать может перестать действовать. Основание для благодарности остаётся.

Страна строила эту армию для жизни: чтобы у людей было завтра, чтобы они могли растить детей, работать, учиться и спорить о будущем, не ожидая чужого разрешения на существование. Значительную часть этой жизни армия обеспечивала тем, что ничего не происходило. Дежурная смена, исправная техника, вовремя замеченная опасность не становятся семейным рассказом с ясным финалом, как освобождённый город. Но мирный день тоже был результатом службы.

Благодарность, которая заканчивается вместе с последней страницей, ничего не стоит. Она состоит из действий. В семейном архиве — подписать фотографию, пока есть кому назвать лица. У воинской могилы — сохранить имя и место. Если рядом служил человек, переживший сокращение, — помочь ему восстановить сведения о выслуге, пока живы документы и свидетели. В школе — объяснить, благодаря чему была достигнута Победа. В разговоре о прошлом — не уступить удобной

лжи, даже если её произносят уверенно и с высокой трибуны.

Из этого следуют четыре требования к любой армии, которую страна называет своей. Командир обязан знать своё дело. Государство обязано выполнять обязательства перед теми, от кого требует жертв, и перед их семьями. Военная школа обязана учить мыслить самостоятельно. Благодарность обязана выдерживать проверку тем, как обращаются с конкретным человеком. Иначе славные имена начинают прикрывать порядки, которым они не соответствуют.

3 декабря 1966 года прах Неизвестного солдата перенесли к Кремлёвской стене. Среди встречавших были Жуков и Рокоссовский.^{е3} Два человека, всю войну отдававшие приказы, стояли у могилы того, кто такие приказы исполнял. Его имя осталось неустановленным. Мы не вправе дописывать ему биографию, но обязаны помнить, что она была.

В посвящении они стоят рядом: маршал и безымянный солдат. Строй, прошедший по Красной площади в сорок пятом, шире любого списка, и место в нём остаётся за каждым, кто готов принять наследство вместе со счётом.

Красная и Советская армия остаётся моей. Теперь моя очередь беречь её память.

Приложения

Нумерация примечаний сохраняет обозначения глав: «12-7» означает седьмое примечание к главе 12; р — пролог, е — эпилог. Ссылки из основного текста ведут к соответствующим источникам. Именной указатель отсылает к разделам книги.

Содержание приложений

1. Военная присяга: тексты 1918, 1939 и 1947 годов
2. Хронология становления и преобразований армии
3. Сокращения и обязательства перед увольняемыми
4. Решения 1991–1992 годов: изменение подчинения и раздел
5. Свод источников и примечаний
6. Именной указатель

А. Военная присяга: тексты 1918, 1939 и 1947 годов

Присяга менялась вместе с устройством армии и государства. Ниже полностью приведены тексты торжественного обещания 1918 года, армейской присяги 1939 года и присяги Вооружённых сил 1947 года. Это три самостоятельные редакции, каждая со своей датой и формулировками. Распорядительные части актов и положения о порядке принятия присяги доступны по указанным ссылкам.

22 апреля 1918 года. Торжественное обещание

Документ: декрет ВЦИК о формуле торжественного обещания при вступлении в Рабоче-крестьянскую Красную армию.

1. Я, сын трудового народа, гражданин Советской Республики, принимаю на себя звание воина Рабочей и Крестьянской армии.
2. Перед лицом трудящихся классов России и всего мира я обязуюсь носить это звание с честью, добросовестно изучать военное дело и как зеницу ока охранять народное и военное имущество от порчи и расхищения.
3. Я обязуюсь строго и неуклонно соблюдать революционную дисциплину и беспрекословно выполнять все приказы командиров, поставленных властью Рабочего и Крестьянского Правительства.
4. Я обязуюсь воздерживаться сам и удерживать товарищей от всяких поступков, унижающих достоинство гражданина Советской Республики, и все свои действия и мысли направлять к великой цели освобождения всех трудящихся.
5. Я обязуюсь по первому зову Рабочего и Крестьянского Правительства выступить на защиту Советской

Республики от всяких опасностей и покушений со стороны всех ее врагов и в борьбе за Российскую Советскую Республику, за дело социализма и братства народов не щадить ни своих сил, ни самой жизни.

6. Если по злему умыслу отступлю от этого моего торжественного обещания, то да будет моим уделом всеобщее презрение и да покарает меня суровая рука революционного закона.

Шесть пунктов соединяют принятие звания с обязанностью учиться, беречь имущество, соблюдать дисциплину, исполнять приказы, сохранять достоинство гражданина и защищать Советскую Республику. Социальная принадлежность воина вынесена в первую строку. Это документ начального периода формирования Красной армии, а не позднейший текст присяги СССР.

Электронная публикация декрета. Издание: *Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917–1918 гг.* М., 1942. С. 469. Ст. 446. Разбор в книге: глава 3.

3 января 1939 года. Присяга Рабоче-Крестьянской Красной армии

Документ: указ Президиума Верховного Совета СССР о тексте военной присяги РККА.

Я, гражданин Союза Советских Социалистических Республик, вступая в ряды Рабоче-Крестьянской Красной Армии, принимаю присягу и торжественно клянусь быть честным, храбрым, дисциплинированным, бдительным бойцом, строго хранить военную и государственную тайну, беспрекословно выполнять все воинские уставы и приказы командиров, комиссаров и начальников.

Я клянусь добросовестно изучать военное дело, всемерно беречь военное и народное имущество и до последнего дыхания быть преданным своему народу, своей Советской Родине и Рабоче-Крестьянскому Правительству.

Я всегда готов по приказу Рабоче-Крестьянского Правительства выступить на защиту моей Родины — Союза Советских Социалистических Республик и, как воин Рабоче-Крестьянской Красной Армии, я клянусь защищать ее мужественно, умело, с достоинством и честью, не щадя своей крови и самой жизни для достижения полной победы над врагами.

Если же по злому умыслу я нарушу эту мою торжественную присягу, то пусть меня постигнет суровая кара советского закона, всеобщая ненависть и презрение трудящихся.

В первоначальном тексте 1939 года прямо названы командиры, комиссары и начальники. Клятва связывает защиту СССР с преданностью народу, Советской Родине и Рабоче-Крестьянскому правительству. Заключительная формула содержит слова о нарушении присяги по злому умыслу. Армейскую редакцию следует отличать от отдельного указа того же дня о присяге Военно-Морского Флота.

Электронная публикация указа и присяги. Издание: *Русский архив: Великая Отечественная. Т. 13 (2-1). Приказы народного комиссара обороны СССР. 1937 — 21 июня 1941 г.* М.: ТЕРРА, 1994. С. 89.

10 июня 1947 года. Присяга Вооружённых сил СССР

Документ: указ Президиума Верховного Совета СССР об утверждении текста военной присяги и положения о её принятии.

Я, гражданин Союза Советских Социалистических Республик, вступая в ряды Вооруженных Сил, принимаю присягу и торжественно клянусь быть честным, храбрым, дисциплинированным, бдительным воином, строго хранить военную и государственную тайну, беспрекословно выполнять все воинские уставы и приказы командиров и начальников.

Я клянусь добросовестно изучать военное дело, всемерно беречь военное и народное имущество и до последнего дыхания быть преданным своему народу, своей Советской Родине и Советскому правительству.

Я всегда готов по приказу Советского правительства выступить на защиту моей Родины — Союза Советских Социалистических Республик и, как воин Вооруженных Сил, я клянусь защищать ее мужественно, умело, с достоинством и честью, не щадя своей крови и самой жизни для достижения полной победы над врагами.

Если же я нарушу эту мою торжественную присягу, то пусть меня постигнет суровая кара советского закона, всеобщая ненависть и презрение трудящихся.

Документ использует общее название Вооружённых сил. Положение предусматривает индивидуальное принятие присяги и собственноручную подпись. В тексте 1947 года заключительная формула уже не содержит оговорки о злом умысле, присутствовавшей в первоначальной армейской редакции 1939 года.

Электронная публикация указа, присяги и положения. Издание: *Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР. 1938 г. — июль 1956 г.* М., 1956. С. 187–189; текст присяги — с. 188. Скан страницы 188. Текст присяги сверен с изображением страницы; ошибочное «бдительном» в электронной транскрипции исправлено на напечатанное «бдительным». Разбор в книге: глава 15.

Как читать эти документы

Тексты 1918 и 1939 годов воспроизведены по указанным электронным публикациям; текст 1947 года дополнительно сверен с печатной страницей. Удалены технические переносы строк и мягкие переносы внутри слов. Сопоставление относится к указанным редакциям, а не ко всем последующим изменениям присяги и уставов. В книге личное понимание верности после 1991 года отделено от вопроса о действии законодательства. Новое служебное подчинение устанавливалось государственными актами; нравственное отношение человека к уже данному слову не исчерпывалось административным решением.

Б. Хронология становления и преобразований армии

Даты до календарной реформы даны с указанием старого и нового стиля. В остальных строках используется новый стиль. Таблица выделяет события, раскрытые в книге; перечень военных операций не претендует на полноту.

Дата / период	Событие и значение	Где раскрыто
1914–1917	Первая мировая война: солдатский и штабной опыт будущих командиров Красной армии	Гл. 1
15 (28) января 1918	Декрет СНК об организации РККА	Гл. 3, 3-2
22 апреля 1918	Торжественное обещание; обязательное военное обучение; порядок замещения командных должностей	Гл. 3, 3-1, 3-3, 3-5
29 мая 1918	Решение о переходе к всеобщей мобилизации рабочих и беднейших крестьян	Гл. 3, 3-4
2 сентября 1918	Объявление Советской республики военным лагерем	Гл. 3, 3-9
21 ноября 1918	Учреждение Высшей стрелковой школы РККА, будущего «Выстрела»	Гл. 4, 4-2
18 марта 1919	Начало плановых занятий школы	Гл. 4, 4-2
4 мая 1919	Занятие Бугуруслана частями 5-й армии после подготовки контрудара Южной группы	Гл. 3, 3-13
1919–1924	С. С. Каменев — главнокомандующий вооружёнными силами Республики	Гл. 2, 2-3
30 мая 1920	Публикация обращения к бывшим офицерам с участием А. А. Брусилова	Гл. 2, 2-1

Дата / период	Событие и значение	Где раскрыто
Декабрь 1921	Поступление И. В. Болдина в Высшую тактическо-стрелковую школу	Гл. 4, 4-1, 4-9
Июнь 1922	Я. А. Слащёв поступает преподавателем тактики в школу «Выстрел»	Гл. 2, 2-6
1938–1940	Хасан, Халхин-Гол, советско-финляндская война: испытания подготовки, техники и управления	Гл. 6
26 февраля 1939	Принятие крупнокалиберного пулемёта ДШК на вооружение	Гл. 5, 5-9
3–5 июля 1939	Баин-Цаган: контрудар и устранение японского плацдарма на западном берегу Халхин-Гола	Гл. 6, 6-5, 6-11, 6-12
Март 1940	Освобождение и восстановление К. К. Рокоссовского	Гл. 6, 6-8
22 июня 1941	Начало Великой Отечественной войны	Гл. 7
Осень — зима 1941	Оборона Москвы и переход к контрнаступлению	Гл. 7
6–8 декабря 1941	Наступательные действия в районе Матушкина и Крюкова	Гл. 7
1942–1943	Сталинградская битва	Гл. 8
1943	Курская битва	Гл. 8
1944	Белорусская наступательная операция	Гл. 8
Апрель — май 1945	Берлинская операция; капитуляция Германии	Гл. 9
24 июня 1945	Парад Победы в Москве; командует К. К. Рокоссовский, принимает Г. К. Жуков	Пролог; гл. 9
9–11 августа 1945	Наступление 6-й гвардейской танковой армии через Гоби и Большой Хинган, выход к Лубэю	Гл. 9, 9-15, 9-16

Дата / период	Событие и значение	Где раскрыто
Август — сентябрь 1945	Кампания против Японии; акт капитуляции 2 сентября	Гл. 9
10 июня 1947	Утверждение текста присяги Вооружённых сил СССР и порядка её принятия	Гл. 15, ¹⁵⁻²
29 августа 1949	Первое советское испытание атомного заряда	Гл. 10, ¹⁰⁻²
29 октября 1957	Постановление пленума ЦК КПСС о партийно-политической работе в армии и на флоте	Гл. 12, ¹²⁻³
4 июля 1958	Подача пара на турбину первой советской атомной подводной лодки К-3	Гл. 10, ¹⁰⁻¹
15 и 20 января 1960	Закон о сокращении на 1,2 млн человек; постановление о трудоустройстве и обеспечении увольняемых	Гл. 12, ^{12-1, 12-7}
Август — сентябрь 1960	Расформирование Тамбовского суворовского училища	Гл. 12, ¹²⁻¹⁰
Лето 1962	Подлёдный поход К-3 к Северному полюсу	Гл. 10, ¹⁰⁻¹¹
1962	Кубинский кризис	Гл. 10
3 декабря 1966	Перенесение праха Неизвестного солдата от 40-го километра Ленинградского шоссе к Кремлёвской стене	Гл. 9, ⁹⁻¹⁴
Декабрь 1979	Политическое решение, директива и начало ввода советских войск в Афганистан	Гл. 10, ¹⁰⁻⁹
Конец 1987 — начало 1988	Операция «Магистраль»: обеспечение дороги и проводка колонн в Хост	Гл. 10, ^{10-13, 10-14}
1989–1990	Программа сокращения и вывода части войск из Восточной Европы	Гл. 13, ¹³⁻⁹

Дата / период	Событие и значение	Где раскрыто
Январь 1990	Укрытие и эвакуация семей Бакинского общевоинского училища в рассказе участника	Гл. 13, ¹³⁻⁷ , ¹³⁻⁸
17 марта 1991	Всесоюзный референдум о сохранении обновлённого Союза	Гл. 14, ¹⁴⁻²
Август — декабрь 1991	Кризис союзной власти, республиканские решения о войсках, прекращение СССР	Гл. 14; приложение Г
1992	Межгосударственные гарантии военнослужащим; переходное командование; создание ВС РФ; решение о разделе Черноморского флота	Гл. 14-15; приложение В, Г
14 января 1993	Закон об увековечении памяти погибших при защите Отечества	Гл. 15, ¹⁵⁻¹¹
Сентябрь 2009	Объявлено о расформировании учебного центра «Выстрел»	Гл. 15, ¹⁵⁻⁶
10 декабря 2011	Открытие Музея ратной и трудовой славы «Выстрел» в Солнечногорске	Гл. 15, ¹⁵⁻¹⁰

В. Сокращения и обязательства перед увольняемыми

В.1. Закон от 15 января 1960 года

Закон «О новом значительном сокращении Вооружённых Сил СССР» предписывал уменьшить численность на **1 200 000 человек**. Это все военнослужащие, охваченные сокращением, а не только офицеры. Статья 2 предусматривала расформирование соответствующего количества частей, соединений и военных училищ, уменьшение вооружений и расходов. Совет Министров должен был определить сроки и обеспечить увольняемых работой.

Документ устанавливал задачу. Итоговое количество уволенных и судьбы конкретных учреждений требуют данных об исполнении. Источник 12-1.

В.2. Постановление от 20 января 1960 года № 74

Предмет	Предписанная мера	Пункт
Работа	Трудоустройство увольняемых солдат, матросов, сержантов, старшин и офицеров с учётом специальности и опыта не позднее месяца после прибытия к месту жительства	1
Жильё	Первоочередное обеспечение офицеров и сверхсрочнослужащих, уволенных в запас или отставку, не позднее трёх месяцев после прибытия; место жительства выбиралось с учётом порядка прописки	2
Организация помощи	Активизация существующих и создание недостающих комиссий по трудовому и жилищно-бытовому устройству	3
Новая специальность	Преимущества при приёме на профессиональное обучение; предусмотренное документом материальное обеспечение	4
Продолжение образования	Особый порядок приёма определённых категорий увольняемых офицеров в высшие и средние учебные заведения	5
Кадры ВМФ и ВВС	Отдельное поручение ведомствам решить вопрос трудоустройства командного, инженерного и технического состава	9
Выплаты	Дополнительные выплаты определённым категориям офицеров без права на пенсию, в зависимости от выслуги	10

Источник 12-7. Таблица передаёт содержание предписаний. О проблемах фактического устройства — исследование Р. А. Соловьёва, использованное в главе 12, примечания 8-9.

В.3. Гарантии после прекращения СССР

Документ	Содержание для военнослужащего и семьи	Источник
Соглашение от 14 февраля 1992 года	Сохранение уровня прав и льгот, предусмотренных советскими актами; вопросы гражданства, проживания, имущества, образования, медицинской помощи, трудоустройства и жилья	15-3
Соглашение от 15 мая 1992 года	Пенсионное обеспечение по законодательству государства проживания; учёт предусмотренных документом периодов службы; финансирование из национальных бюджетов без взаимных расчётов	15-5
Соглашение о Черноморском флоте от 3 августа 1992 года, статья 9	Гарантии прав военнослужащих, добровольно входящих в состав российского или украинского флота, уволенных и их семей	15-1

Это описание исторических решений 1992 года. Последующие изменения и прекращение действия отдельных соглашений не позволяют использовать таблицу как справку о современных пенсионных правах.

Г. Решения 1991-1992 годов: изменение подчинения и раздел

В таблице разделены политическое решение, изменение полномочий и предел вывода, который позволяет сделать документ.

Дата	Документ / решение	Что менялось	Что документ сам по себе не доказывает
17 марта 1991	Референдум СССР; сообщение Центральной комиссии	За сохранение обновлённой федерации высказались 76,4% участников по общему итогу комиссии	Единодушие всех граждан и одинаковые условия голосования во всех республиках. ¹⁴⁻²
21 августа 1991	Приказ министра обороны о возвращении войск	Предписаны возвращение к постоянной дислокации, постоянная боевая готовность, сохранность оружия и доклад	Полное отсутствие военных приказов в августе; успешность заявленной политической цели ГКЧП. ¹⁴⁻¹
24 августа 1991	Постановление Верховной Рады № 1431-XII	Заявлено подчинение всех воинских формирований на территории Украины; учреждается республиканское Министерство обороны	Одновременный фактический переход всех частей в новое подчинение. ¹⁴⁻⁴
3 декабря 1991	Закон СССР № 124-Н о реорганизации органов государственной безопасности	Упраздняется КГБ СССР; создаются три структуры; республиканские органы переходят в исключительную юрисдикцию республик	Тождество задач армии и органов безопасности. Сопоставляется механизм изменения юрисдикции. ¹⁴⁻²⁰

Дата	Документ / решение	Что менялось	Что документ сам по себе не доказывает
8 декабря 1991	Соглашение о создании СНГ	Преамбула констатирует прекращение СССР; статья 6 предусматривает общее военно-стратегическое пространство и объединённое командование	Что прежний союзный центр и новый договорный механизм одинаковы по полномочиям. ¹⁴⁻⁶
21 декабря 1991	Протокол совещания глав независимых государств	Командование Вооружёнными силами временно поручается Е. И. Шапошникову	Восстановление прежней союзной государственности. ¹⁴⁻⁸
26 декабря 1991	Декларация Совета Республик № 142-Н	Констатируется прекращение существования СССР	Автоматическое разрешение всех споров о конституционных процедурах. ¹⁴⁻¹⁰
30 декабря 1991	Соглашение о Вооружённых силах и пограничных войсках	Подтверждается право создавать собственные армии; намечается переходный порядок, отдельно обозначается Украина	Что создание национальных военных органов началось только в указанные этим актом сроки. ¹⁴⁻¹¹
14 февраля 1992	Соглашение о социальных и правовых гарантиях	Общие обязательства перед военнослужащими, уволенными и семьями	Повсеместное исполнение гарантий. ¹⁵⁻³
20 марта 1992	Соглашение об Объединённых вооружённых силах на переходный период	Определяется договорное командование; передача национальных сил в оперативное подчинение требует согласия государств	Участие всех бывших республик СССР: соглашение подписали семь государств. ¹⁴⁻¹²

Дата	Документ / решение	Что менялось	Что документ сам по себе не доказывает
7 мая 1992	Указ № 466 о создании Вооружённых сил РФ	Определяется состав российских ВС и временное использование бывших союзных центральных структур	Одномоментное завершение всех форм общего управления, в том числе стратегическими силами. ¹⁴⁻¹³
15 мая 1992	Пенсионное соглашение	Обязательства по выплатам распределяются между государствами проживания	Сохранение единого союзного бюджета. ¹⁵⁻⁵
3 августа 1992	Ялтинское соглашение о Черноморском флоте	Устанавливаются принцип раздела, переходное подчинение двум президентам, порядок присяги призывников и гарантии личному составу	Завершённую передачу всех кораблей и объектов; всеобщую обязательную повторную присягу кадровых военнослужащих. ^{14-19, 15-1}

Последовательность показывает, как союзные учреждения превращались в предмет республиканского и межгосударственного управления. Юрисдикция, оперативное подчинение, право собственности и личный выбор военнослужащего — разные стороны перехода; ни одну из них нельзя автоматически выводить из другой.

Д. Свод источников и примечаний

Пролог

р1. «Парад Победы». Электронная выставка Музея Победы. URL: <https://victorymuseum.ru/electronic-exhibitions/diktant-pobedy/2025/7/> (дата обращения: 11.10.2026). Используются сведения о дате парада, командовавшем и принимавшем парад, составе сводных полков и низложении немецких знамён. К прологу.

р2. «Константин Константинович Рокоссовский». Виртуальная выставка «Маршалы Победы». Музей-заповедник «Сталинградская битва». URL: <https://stalingrad-battle.ru/projects/v-exhibitions/marshals/rokossovskiy/> (дата обращения: 11.10.2026). Причинная связь с внутривидовой борьбой в прологе обозначена как авторское прочтение. Используются сведения о начале службы, аресте в августе 1937 года, освобождении в марте 1940 года и участии в названных битвах и операциях. К прологу.

р3. Три решения 1991 года: приказ министра обороны СССР от 21 августа — ¹⁴⁻¹; постановление Верховной Рады Украины № 1431-XII от 24 августа — ¹⁴⁻⁴; указ президента СССР № УП-3162 от 25 декабря — ¹⁴⁻⁹. Полные библиографические описания и ограничения источников приведены в этих записях. К прологу.

Глава 1. Наследство

1-1. Шапошников Б.М. Воспоминания. Военно-научные труды. М.: Воениздат, 1974. Раздел «Академия Генерального штаба», с. 125-128 в электронной транскрипции. URL: <https://militera.lib.ru/memo/russian/shaposhnikov/09.html>. Эпизод перевода и обстоятельства поступления приведены по воспоминаниям автора. К главе 1.

1-2. Караев Г.Н. Суворовская «Наука побеждать» в свете передовой советской военной науки. Электронная публикация, вступительный раздел. URL: https://militera.lib.ru/science/karaev_gn/01.html. Правило служебной книжки красноармейца 1918 года цитируется по воспроизведению Караева; оригинал книжки отдельно не исследовался. К главе 1.

1-3. «Константин Константинович Рокоссовский». Виртуальная выставка «Маршалы Победы». Музей-заповедник «Сталинградская битва». URL: <https://stalingrad-battle.ru/projects/v-exhibitions/marshals/rokossovskiy/>. Используются сведения о добровольном поступлении на службу в 1914 году, Каргопольском драгунском полке и разведке. К главе 1.

1-4. Приказ по 9-й армии от 28 октября 1914 года о награждении К.К. Рокоссовского Георгиевским крестом 4-й степени. Описание поступка и дата приказа приведены по публикации: Жалсанова Б.Ц. К 75-летию

Великой Победы: выставочный проект Государственного архива Республики Бурятия «Маршал Победы», посвященный дважды Герою Советского Союза, Маршалу СССР и Польши К.К. Рокоссовскому // Известия Иркутского государственного университета. Серия «История». 2020. Т. 31. С. 52-60, здесь с. 56. Текст статьи. DOI: 10.26516/2222-9124.2020.31.52. Указанный в статье архивный адрес: РГВИА. Ф. 2139. Оп. 2. Д. 182. Л. 1-1 об. Архивный оригинал отдельно не исследовался. Дата в основном тексте относится к приказу о награждении, а не ко дню столкновения; точный день эпизода по этой публикации не устанавливается. К главе 1.

1-5. Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. Т. I. Глава 2 «Служба солдатская». Электронная транскрипция издания: М.: Олма-Пресс, 2002. URL: <https://lib.druzya.org/mem-biogr/war-men/rossia/jukov/.view-jukov.txt.full.html>. Оценки казарменного быта передаются как воспоминания Жукова. К главе 1.

1-6. Шапошников Б.М. Воспоминания. Военно-научные труды. М.: Воениздат, 1974. Раздел «Штаб 14-й кавалерийской дивизии», с. 202. URL: <https://militera.lib.ru/memo/russian/shaposhnikov/13.html>. Цитата и описание должностных задач — по авторскому тексту. К главе 1.

1-7. Брусилов А.А. Воспоминания. М.: Воениздат, 1963. Раздел «Отступление 1915 года». URL: <https://militera.lib.ru/memo/russian/brusilov/09.html>. Использована оценка состояния позиций и сокращения кадрового состава; численные оценки общих потерь из мемуаров не заимствуются. К главе 1.

1-8. Там же. Раздел «Назначение мое главнокомандующим армиями ЮгоЗападного фронта», с. 213-216 по разметке электронной публикации. URL: <https://militera.lib.ru/memo/russian/brusilov/12.html>. Замысел нескольких ударов и его издержки изложены как объяснение самого Брусилова. К главе 1.

1-9. Ащеулов О.Е. Опыт применения артиллерии Юго-Западного фронта в ходе Брусиловского прорыва (май — июнь 1916 г.) // Итоги и последствия Первой мировой войны: взгляд через столетие. Воронеж, 2018. С. 264-272, в особенности с. 264-268. URL: <https://warlib.site/ascheulov-4/>. Короткая выдержка из требования Брусилова — по публикации исследователя. Дата начала наступления по новому стилю дополнительно сверена с историческим материалом Центрального музея войск национальной гвардии: <https://museum.rosguard.gov.ru/page/index/data-v-istorii-nachalnikam-vsex-stepenej-do-nachalnikov-divizii-vklyuchitelno-v-boyu-vybirat-sebe-takoe-mesto-chtoby-videt-boj-a-ne-tolko-slyshat-ego>. К главе 1.

1-10. Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. Т. I. Глава 4 «Командование полком и бригадой». Электронная транскрипция указанного издания. URL: <https://lib.druzya.org/mem-biogr/war-men/rossia/jukov/.view-jukov.txt.full.html>. Разговор 1923 года приводится как позднее мемуарное свидетельство; цитата ограничена словами о способе обучения. К главе 1.

Глава 2. Выбор Родины

2-1. Мавродин В. В. Предисловие // Брусилов А. А. *Воспоминания*. М.: Воениздат, 1963. С. 11–12. Здесь воспроизведено обращение «Ко всем бывшим офицерам, где бы они ни находились», опубликованное в «Правде» 30 мая 1920 года; приведены сведения о письме 1 мая, Особом совещании и последующей службе. Цитата сверена по этой публикации, а не по газетному оригиналу. Текст. К главе 2.

2-2. Шапошников И. Б. Основные даты жизни и деятельности Б. М. Шапошникова // Шапошников Б. М. *Воспоминания. Военно-научные труды*. М.: Воениздат, 1974. Использованы записи за 1918, 1919 и 1930 годы. Хронология. К главе 2.

2-3. Российский государственный архив кинофотодокументов. Каменев Сергей Сергеевич: биографическая карточка. Подтверждает чин полковника Генерального штаба, поступление в РККА в апреле 1918 года, руководство вооружёнными силами Республики в 1919–1924 годах и последующие должности. Карточка. К главе 2.

2-4. Донесение М.В. Фрунзе командующему фронтом С.С. Каменеву о недопустимости ослабления уфимского направления. № 02188, Самара, 25 июня 1919 г. // М.В. Фрунзе на Восточном фронте: сборник документов. Куйбышев: Куйбышевское книжное издательство, 1985. Док. № 123. С. 191–193. Карточка и сканы. Текст прочитан целиком и сверен по изображениям трёх страниц; использованы оценка обстановки, обе просьбы и подписи. Шифр по сборнику: ЦГАСА, ф. 106, оп. 3, д. 139, л. 176–177. В примечании составителей указано, что донесение передано 26 июня; дата составления и дата передачи различаются. Повреждённая фраза на с. 192 с пометой «Так в документе» не восстанавливалась и в пересказ не включалась. Оценки боеспособности частей и сведения о противнике переданы как содержание донесения. Решение Каменева по просьбе задержать 31-ю дивизию из этого документа не устанавливается. К главе 2.

2-5. Донесение М.В. Фрунзе командующему фронтом С.С. Каменеву об опасной растянутости частей 20-й дивизии. № 02202, Самара, 26 июня 1919 г., 19.30 // М.В. Фрунзе на Восточном фронте. 1985. Док. № 124. С. 193. Прочитано на той же странице, где заканчивается док. № 123; сканы в ЭБИБД. Подписи: Фрунзе; помощник командующего и член Реввоенсовета Новицкий. Шифр по сборнику: ЦГАСА, ф. 254, оп. 1, д. 86, л. 382. Заверенная копия. Донесение используется как повторное предупреждение об уязвимости участка, а не как ответ Каменева на просьбы предыдущего дня. К главе 2.

2-6. Биографическая справка к электронной публикации: Слащов Я.А. *Крым в 1920 г. Отрывки из воспоминаний*. Первое издание: М.; Л., 1924. Использована для хронологии довоенного преподавания, возвращения и поступления на службу в РККА. Справка и оглавление. Сведения справки о мотиве убийства уточнены по отдельной публикации следственных материалов, указанной ниже. В основном тексте сохранено написание

«Слащёв» из утверждённого оглавления; в библиографическом описании — «Слащов», как в издании. К главе 2.

2-7. Слащов Я. А. *Крым в 1920 году*. Введение. Собственное ретроспективное объяснение автором изменения убеждений. Текст. К главе 2.

2-8. Там же. Заключение. Оценки социальной основы белого движения и его внешней зависимости принадлежат Слащёву; в главе они переданы именно как его позиция. Текст. К главе 2.

2-9. Ганин А.В., Гушин Ф. Гибель генерала Слащева: расплата за оканные годы // *Родина*. 2022. № 9. Электронная публикация 19 сентября 2022 года. Статья с выдержками из следственного дела. Авторы приводят показания убийцы и вдовы по делу № 77170 Центрального архива МВД: л. 14, 18-19 и л. 17-18 соответственно. В главе пересказаны показания; авторские предположения исследователей о возможном заказчике не приняты за установленный факт. Архивное дело самостоятельно не исследовалось. К главе 2.

2-10. Кавтарадзе А. Г. *Военные специалисты на службе Республики Советов. 1917-1920 гг.* М.: Наука, 1988. Исследование привлечения офицерских кадров, включая добровольную службу и мобилизацию. Введение и оглавление. К главе 2.

Глава 3. Под красным знаменем

3-1. Декрет ВЦИК «О формуле торжественного обещания при вступлении в Рабоче-крестьянскую красную армию». 22 апреля 1918 г. // *Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917-1918 гг.* М., 1942. С. 469. Ст. 446. Использованы пункты 2-4; дословная цитата в начале главы сверена по тексту. Документ. К главе 3.

3-2. Декрет СНК об организации Рабоче-Крестьянской Красной армии. 15 (28) января 1918 г. // *Декреты Советской власти*. Т. I. С. 356-357. Электронная публикация воспроизводит преамбулу, положения о приёме и органах руководства. Текст. К главе 3.

3-3. Декрет ВЦИК «Об обязательном обучении военному искусству». 22 апреля 1918 г. // *Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917-1918 гг.* М., 1942. С. 466-467. Ст. 443. Пункты 1, 3-8: категории обучающихся, организация, продолжительность курса и проверка ранее обученных. Документ. К главе 3.

3-4. Постановление ВЦИК о переходе к всеобщей мобилизации рабочих и беднейших крестьян в Рабоче-Крестьянскую Красную армию. 29 мая 1918 г. // *Декреты Советской власти*. Т. II. М., 1959. С. 334-335. Электронная библиотека исторического факультета МГУ. Документ. К главе 3.

3-5. Декрет ВЦИК «О порядке замещения должностей в Рабочекрестьянской красной армии». 22 апреля 1918 г. // *Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917-1918 гг.* М., 1942. С.

467–468. Ст. 444. Пункты 2–3, 5–7 и 9–10. Документ сочетает назначения и проверку пригодности с отдельными выборными процедурами; формула о полной одномоментной отмене выборности здесь не применяется. Документ. К главе 3.

3-6. Музей-заповедник «Сталинградская битва». Виртуальная выставка «Константин Константинович Рокоссовский». Использованы сведения о вступлении в Красную гвардию, Каргопольском отряде и назначении командиром кавалерийского полка в феврале 1920 года. Биографический материал. К главе 3.

3-7. «Лица Генштаба» и институт комиссаров в РККА в 1918–1919 гг. Глава 5 исследования, опубликованная проектом «Исторические материалы». Использованы приведённые в исследовании выдержки из положения 6 апреля и решений первого Всероссийского съезда военных комиссаров 7–11 июня 1918 года, со ссылками публикации № 23 и последующими. Нормы переданы по этой документальной подборке, без распространения на всю практику командования. Текст и ссылки на документы. К главе 3.

3-8. Лебедев А. В., Рудой В. В. Комиссары и политработники на различных этапах развития Вооружённых сил СССР // *Военно-исторический журнал*. Электронная публикация от 2 июня 2024 г. Использован раздел об обязанностях комиссаров в 1918 году; сведения о других периодах в главу не перенесены. Статья. К главе 3.

3-9. Постановление ВЦИК «Советская республика — военный лагерь». 2 сентября 1918 г. // *Правда*. 1918. 4 сентября; воспроизведено в сборнике *Советское военно-промышленное производство. 1918–1926*. М.: Новый хронограф, 2005. С. 60–61. Электронный текст. К главе 3.

3-10. Указание заместителя командующего Южной группой Ф.Ф. Новицкого командующему Туркестанской армией Г.В. Зиновьеву об изменении задач армии в связи с предстоящей Бугурусланской операцией. 10 апреля 1919 г. Передано по прямому проводу // *М.В. Фрунзе на Восточном фронте: сборник документов*. Куйбышев: Куйбышевское книжное издательство, 1985. Док. № 34. С. 80–81. Карточка и сканы. Текст прочитан целиком и сверен по изображениям страниц. Архивный шифр по сборнику: ЦГАСА, ф. 254, оп. 1, д. 503, л. 28. Телеграфная лента. Переданы содержание распоряжения и установленный им порядок; выполнение всех перевозок именно в первоначально намеченном объёме не утверждается. Дата указания не выдана за дату первого образования Южной группы. К главе 3.

3-11. Приказ войскам Южной группы о задачах войск в Бугурусланской операции. № 022, Самара, 19 апреля 1919 г. // *М.В. Фрунзе на Восточном фронте*. 1985. Док. № 50. С. 97–99. Карточка и сканы. Прочитан целиком; для пересказа использованы п. 2–4: задачи армий, порядок определения срока наступления и ежедневных донесений. Подписи: Фрунзе, Новицкий, Лазаревич. Шифр по сборнику: ЦГАСА, ф. 184, оп. 3, д. 32, л. 30. Заверенная копия. Назначенные задачи отделены от последующего исполнения и результата операции. К главе 3.

3-12. Донесение М.В. Фрунзе командующему фронтом С.С. Каменеву о необходимости создания управления и штаба Южной группы. № 01146, Самара, 21 апреля 1919 г. // *М.В. Фрунзе на Восточном фронте*. 1985. Док. № 52. С. 100–102. Карточка и сканы. Прочитано целиком. Шифр по сборнику: ЦГАСА, ф. 254, оп. 1, д. 150, л. 360–364. Копия. Документ показывает совмещение функций и незавершённость разделения аппаратов управления. Его содержание не означает, что до этой даты группа вообще не имела штаба или не управляла войсками. К главе 3.

3-13. Из оперативной сводки штаба Южной группы об освобождении Бугуруслана. 5 мая 1919 г. // *Из истории Гражданской войны в СССР. 1918–1922: сборник документов и материалов в 3 т.* Т. 2. Май 1919 — февраль 1920. М.: Советская Россия, 1961. Док. № 144. С. 175. Источник публикации: *Правда*. 1919. № 95. 6 мая. Карточка и скан. Проверены дата занятия города и сообщение о трёхдневном бое; газетный оригинал отдельно не исследовался. В самой сводке номер дивизии скрыт обозначением «N-ской». Указание на части 5-й армии дополнительно сверено по исследованию Какурина и Вацетиса, указанному в следующем примечании. Цифры пленных и трофеев в главу не перенесены. К главе 3.

3-14. Какурин Н.Е., Вацетис И.И. *Гражданская война. 1918–1921*. СПб.: Полигон, 2002. Глава VIII «Зимняя и весенняя кампании 1918–1919 гг. на Восточном фронте. Северный фронт», в особенности с. 208–217, 222–225 по разметке электронной публикации. Текст; сведения об издании. Использованы разбор изменения плана, распределения сил и дата занятия Бугуруслана частями 5-й армии. Ретроспективное исследование не подменяет приведённые отдельно оперативные документы; его обобщающие политические формулы и количественные оценки потерь не заимствованы. К главе 3.

Глава 4. Учиться командовать

4-1. Болдин И. В. *Страницы жизни*. М.: Воениздат, 1961. Глава «Далекое прошлое», с. 28–30, 34–35. Эпизод поступления, резолюция Филатова и воспоминания об Энвальде и Морозове приведены как свидетельство мемуариста; дополнительные детали сцены не добавлены. Текст. К главе 4.

4-2. Сандалов Г. Г. У «Выстрела» богатая родословная // *Военноисторический журнал*. 1998. № 1. С. 88–93. Использованы сведения об учреждении школы 21 ноября 1918 года, начале занятий 18 марта 1919 года и предложении Филатова о двух отделах. Публикация. К главе 4.

4-3. Тульский государственный музей оружия. *Филатов Николай Михайлович*. Биографическая публикация: преподавательская и исследовательская работа, учебные линейки, сотрудничество с конструкторами. Материал музея. К главе 4.

4-4. Василевский А. М. *Дело всей жизни*. 3-е изд. М.: Политиздат, 1978. Глава «На пути к реконструкции», с. 61–63. Учёба на отделении командиров полков, состав программы и характеристика работы Г. Д. Хаханьяна.

Воспоминания. Дата завершения и продолжительность обучения переданы по мемуарам; современная периоду организационная форма сверена по архивному путеводителю (примечание 4-9). Четыре комплекса описывают набор Василевского, а не автоматически любую программу школы с момента основания. К главе 4.

4-5. Биографическая справка к электронной публикации: Слащов Я. А. *Крым в 1920 г. Отрывки из воспоминаний*. Первое издание: М.; Л., 1924. Сведения о преподавании в школе «Выстрел» с июня 1922 года. Справка. К главе 4.

4-6. Кардашов В. И. *Рокоссовский*. М.: Молодая гвардия, 1980. Глава «Между войнами», с. 124–127. Используются описание учёбы, состав товарищей по курсам и эпизод полевой подготовки у Волхова. В тексте электронной публикации имеется хронологическое расхождение: после описания весны 1925 года приведён приказ о возвращении, датированный 1926 годом. Эта спорная дата в главе не используется. Биография. К главе 4.

4-7. Музей-заповедник «Сталинградская битва». Виртуальная выставка «Константин Константинович Рокоссовский». Сведения о кавалерийских курсах 1924–1925 годов и курсах высшего начальствующего состава при Военной академии имени М. В. Фрунзе в 1929 году. Учёба Рокоссовского на «Выстреле» в главе не утверждается. Биографический материал. К главе 4.

4-8. Василевский А. М. *Дело всей жизни*. М., 1978. Глава «Там, где бьется пульс армии», с. 79–81. Первый набор Академии Генерального штаба, начало занятий, программа и воспоминание о Д. М. Карбышеве. Текст. К главе 4.

4-9. Центральный государственный архив Советской армии (с июня 1992 г. Российский государственный военный архив). В двух томах. Т. 2. Путеводитель. 1993. Историческая справка к фонду 25065, «Выстрел». Каталогная запись; прочитанная копия справки. В справке указаны реорганизация школы 7 июня 1921 г. (приказ № 1437), присвоение имени III Коминтерна 13 октября 1921 г. (№ 2293), включение «Выстрела» в наименование 24 апреля 1923 г. (№ 824), преобразование в стрелковотактические курсы 9 октября 1924 г. (№ 1265). Сами приказы по подлинникам в этой итерации не просмотрены. К главе 4.

4-10. Болдин И. В. *Страницы жизни*. М.: Воениздат, 1961. Глава «Московский стрелковый», с. 38–42, 47–48 по разметке электронной публикации. Текст. Рассказ участника; протокол испытаний не исследован. Точная дата поездки, модели пулемётов и конкретные конструктивные исправления не устанавливались. К главе 4.

Глава 5. Страна вооружает себя

5-1. Тульский государственный музей оружия. *Дегтярев Василий Алексеевич*. Материал музея. В справке указаны рождение 2 января 1880 г. (21 декабря 1879 г. по старому стилю), начало работы на заводе в 11 лет и перевод в приёмную комиссию в 1893 г. для освоения профессии браковщика. Возраст в начале главы рассчитан по этой датировке. Сохранены сведения о работе в Офицерской стрелковой школе, сотрудничестве с Фёдоровым, Коврове и принятии ДП в 1927 г. Упоминание «ДП» в отдельном абзаце музейной страницы о крупнокалиберном оружии в новую историю ДК — ДШК не перенесено. К главе 5.

5-2. Государственный исторический музей Южного Урала. *1 июня 2023 года — 90 лет Челябинскому тракторному заводу*. Используются довоенные даты строительства, выпуска С-60 и С-65, стотысячного трактора и приёмки первого челябинского КВ-1. Вывод о производственном значении этой последовательности — авторский анализ. История завода. Формулировка о государственной комиссии сверена непосредственно с текстом публикации; состав комиссии по акту приёмки не устанавливался. Стотысячный трактор — накопленный выпуск завода, а не годовой показатель. К главе 5.

5-3. Грабин В. Г. *Оружие победы*. Раздел «От автора». Использовано воспоминание конструктора о подготовке инженерных кадров в учебных заведениях, на предприятиях и в конструкторских бюро. Обобщающие оценки мемуариста не используются как статистическое доказательство полной обеспеченности армии. Электронный текст. К главе 5.

5-4. Музей железных дорог России. *Видеолекции*. Описание лекции «Паровоз ФД20-1103 — “Феликс Дзержинский”» подтверждает выпуск серии Луганским (Ворошиловградским) заводом в 1931–1941 годах. В главе использована только эта хронологическая справка; видеозапись не цитируется. Материал музея. К главе 5.

5-5. Российская академия наук. *Вклад ученых в Великую Победу*. Историческая публикация о работе ЛФТИ: совещание 16 января 1934 года, руководство Д. А. Рожанского и Ю. Б. Кобзарева, разработка аппаратуры «Редут». Послевоенные оценки эффективности и приведённые в публикации данные о потерях в главе не используются. Публикация. К главе 5.

5-6. Всероссийский физкультурно-спортивный комплекс «Готов к труду и обороне». *История ГТО*. Официальная историческая справка: Осоавиахим, утверждение комплекса 11 марта 1931 года, первоначальные испытания, детская ступень 1934 года. Массовое участие не отождествляется в главе с законченной военной подготовкой. История комплекса. К главе 5.

5-7. ФБУЗ «Центр гигиены и эпидемиологии в Липецкой области». *Готов к санитарной обороне!* 8 апреля 2025 года. Используются сведения об учреждении системы в 1934 году, содержании довоенной подготовки и преподавании медицинскими работниками. Статистика военного времени в главу не включена. Историческая справка. К главе 5.

5-8. Дегтярёв В. А. *Моя жизнь* / литературная запись Г. Нагаева; предисловие А. А. Благонравова. М.: Профиздат, 1950. Карточка РГБ. Использована электронная публикация части третьей: рассказ о задании после манёвров 1929 г., создании крупнокалиберной системы и фрагмент «Творцы боевого оружия» о Шпагине. Печатная пагинация в электронной версии отсутствует. Мемуарное описание первых испытаний не используется как доказательство отсутствия последующих недостатков. Хронология серии и переработки установлена отдельно по следующим примечаниям. К главе 5.

5-9. АО «Завод имени В. А. Дегтярева». *ДШК — отечественный крупнокалиберный пулемет*. 21 февраля 2024 г. Историческая публикация предприятия. Опора для дат изготовления опытных образцов, начала малой серии, работы Шпагина, выхода на испытания и принятия на вооружение. Заводская историческая справка, не воспроизведение подлинных протоколов испытаний или производственных ведомостей. 1938 год в обозначении образца отделён от даты принятия в 1939 году. К главе 5.

5-10. Музей отечественной военной истории. *12,7-мм крупнокалиберный пулемет Дегтярева — Шпагина (ДШК) образца 1938 г. с оптическим прицелом*. Описание экспоната. Сведения о магазинном питании ДК, прекращении выпуска и начале массового производства ДШК. Музей г. Кропоткина. *Пулемет ДШК прибыл в музей г. Кропоткина*. 6 сентября 2019 г. Публикация. Уточняет характер недостатков: громоздкость и массу магазинов, низкую практическую скорострельность. Текстуально близкие справки не считаются двумя независимыми свидетельствами. Количество выпущенных, принятых, поставленных и состоявших в войсках пулемётов по ним не выводится. К главе 5.

Глава 6. Перед большой войной

6-1. Воронов Н. Н. *На службе военной*. Глава о советско-финляндской войне, разделы перед «Штурмом» и «Штурм», с. 151-152 электронной публикации. Эпизод с миномётами передан как воспоминание Воронова; дополнительные подробности и прямая речь не добавлены. Текст. К главе 6.

6-2. Приказ НКО СССР № 0040 от 4 сентября 1938 года «О результатах рассмотрения Главным военным советом вопроса о событиях на озере Хасан и мероприятиях по оборонной подготовке Дальневосточного театра военных действий» // *Русский архив: Великая Отечественная. Приказы народного комиссара обороны СССР. 1937 — 21 июня 1941 г.* М.: Терра, 1994. Т. 13 (2-1). С. 56-61. Архивный шифр, указанный в публикации: РГВА. Ф. 4. Оп. 11. Д. 54. Л. 19-27. Используются пункты о подготовке, снабжении и откомандировании личного состава. Политические обвинения и предварительные цифры потерь не приняты за самостоятельно доказанные выводы. Текст приказа. Приказ рассматривается как официальная оценка Главного военного совета и наркома, а не как исчерпывающее независимое исследование причин потерь. Сопоставление по действиям танков — примечание 6-10. К главе 6.

6-3. Шишов А. В. *Россия и Япония. История военных конфликтов*. Глава о боях на Халхин-Голе, описание августовской операции. Использованы начало наступления 20 августа и результат окружения; численные оценки состава японских сил и потерь из этой публикации не воспроизводятся. Текст. К главе 6.

6-4. *Железнодорожные войска Красной армии на строительстве железной дороги Борзя — Баин-Тумен* // Военно-исторический журнал. Использованы сведения о начальнике штаба 1-й армейской группы М. А. Богданове и маршрутах подвоза. Публикация. К главе 6.

6-5. Жуков Г. К. *Воспоминания и размышления*. Глава 7 «Необъявленная война на Халхин-Голе», с. 165–167, 184–185 электронной публикации. Текст главы. Использованы назначение сил для контрудара, объяснение срочности, исход боёв на западном берегу, снабжение и помощь Штерна. Мемуарные оценки численности и японских потерь не перенесены в расчёт. Формула полного уничтожения противника не воспроизводится: сама глава сообщает об отходе части его войск. Выполнение приказа о совместных действиях уточнено по примечанию 6-12. К главе 6.

6-6. Василевский А. М. *Дело всей жизни*. Глава «Перед “Большой войной”», с. 87–91. Использованы сведения о начале финской кампании, создании Северо-Западного фронта, подготовке войск на макетах укреплений и наступлении 11 февраля 1940 года. Воспоминания. К главе 6.

6-7. *Зимняя война 1939–1940. Книга вторая. И. В. Сталин и финская кампания. Стенограмма совещания при ЦК ВКП(б)* / отв. ред. Е. Н. Кульков, О. А. Ржешевский. М.: Наука, 1999. С. 149–150, 276–277. Использованы выступление К. А. Мерецкова о войсковой разведке и заключительная речь И. В. Сталина о пределах применимости опыта Гражданской войны. Электронная копия издания. К главе 6.

6-8. Музей-заповедник «Сталинградская битва». Виртуальная выставка «Константин Константинович Рокоссовский»: арест, ложное обвинение, освобождение и восстановление в правах. Материал музея. Прекращение дела в марте 1940 года: Кардашов В. И. *Рокоссовский*. М.: Молодая гвардия, 1980. Глава «Между войнами», с. 148–149. Биография. Причинное объяснение ареста внутрипартийной борьбой, понятие «русская партия» и оценка роли Сталина в основном тексте — авторская интерпретация; приведённые источники не доказывают существования такой организации или личного решения Сталина об освобождении. К главе 6.

6-9. Рокоссовский К. К. *Солдатский долг*. Глава «Завтра — война», с. 4–8 электронной публикации. Назначение в 9-й механизированный корпус, работа А. Г. Маслова и подготовка командиров и штабов переданы по воспоминаниям автора. Текст. К главе 6.

6-10. «На границе тучи ходят хмуро...» (к 65-летию событий у озера Хасан): *Аналитические материалы* / сост. И. И. Басик и др. Жуковский; М.: Кучково поле, 2005. Часть 2 «События у озера Хасан в итоговых документах», раздел 4 «Танки», с. 214–221, пп. 4, 9–12, 17. Текст.

Электронный фрагмент не содержит подписи и даты документа; они не приписываются. Это отдельный опубликованный разбор, не доказательство полной независимости ведомственных оценок. К главе 6.

6-11. Киличенков А. А. Опыт действий бронетанковых войск Красной армии на Хасане и Халхин-Голе: рефлексии военной элиты // *Вестник РГТУ. Серия «Политология. История. Международные отношения»*. 2024. № 1. С. 88-101, здесь с. 96. DOI: 10.28995/2073-6339-2024-1-88-101. PDF выпуска. Шифр доклада Другова по сноске 11 статьи: РГВА. Ф. 31811. Оп. 2. Д. 1088. Л. 5. Данные прочитаны в исследовании, не в подлинном деле; страница сверена визуально. Указанный состав не приравнен к полному списочному парку бригады. Распределение подбитых машин по последующему ремонту и списанию не установлено. Процент относится к технике, не к людям. К главе 6.

6-12. Федюнинский И. И. *На Востоке*. М.: Воениздат, 1985. Часть 2, глава «Баин-Цаганское сражение», с. 86-88, 91-93. Воспоминания. Использованы последовательность прибытия полка и совместных атак, уход противника с позиций к утру 5 июля. Рассказ передан как позднее свидетельство командира полка; точное время его прибытия не устанавливается. Числа машин в мемуарном описании атак не складываются с суточными потерями по докладу Другова. Прямая речь, оценки японских потерь и яркие бытовые подробности не заимствованы. К главе 6.

Глава 7. Выстоять

7-1. Рокоссовский К. К. *Солдатский долг*. 5-е изд. М.: Воениздат, 1988. Глава «На Ярцевских высотах», с. 24-29. Текст. Формирование группы, роль Тарасова, 38-й стрелковой и 101-й танковой дивизий, устройство обороны — свидетельство командующего. Цитата «Они хотели воевать» сверена по тексту. Начальное выделение средств управления не смешивается с позднее описанным составом штаба на колёсах. К главе 7.

7-2. Государственный архив Российской Федерации. Историкодокументальная выставка «*Великая Отечественная война. 22 июня 1941 — 19 ноября 1942*». Описание. Даты нападения, мобилизационных решений, создания Ставки, Совета по эвакуации и ГКО. К главе 7.

7-3. Госкорпорация «Ростех». *Уралвагонзавод: первый и единственный; Танк Т-34: восемь фактов из истории легенды*. История предприятия; история Т-34. Использованы дата сборки первого нижнетагильского Т-34 — 18 декабря 1941 года — и сведения об узлах, вывезенных из Харькова. Это исторические публикации корпорации; декабрьский выпуск не отнесён к обеспечению октябрьской обороны. К главе 7.

7-4. Российское историческое общество. *30 сентября 1941 года началась Московская оборонительная операция*. Материал. Последовательность наступления на Брянском и вяземском направлениях и сопротивление

окружённых частей. Численные оценки потерь из этой публикации не воспроизводятся. К главе 7.

7-5. Московский транспорт. *Московский транспорт поздравляет с Великим Праздником Победы!*. Материал. Раздел о закрытии метро утром 16 октября и первом поезде в 18:45; раздел о военном производстве и ремонте танков в депо «Сокол». Отобраны сведения непосредственно о 1941 годе; эпизоды боевого пути бронепоезда в более поздние годы не перенесены на оборону Москвы. К главе 7.

7-6. Постановление ГКО № 813 от 19 октября 1941 года «О введении в Москве осадного положения», пункт 1 и положения об организации обороны и охраны города. Текст документа. К главе 7.

7-7. Рокоссовский К. К. *Солдатский долг*. Главы «Волоколамское направление» и «Отступить некуда». Характеристика Панфилова и критика несвоевременных распоряжений приведены как оценки мемуариста. Спор о возможности более раннего отвода армии за Истринское водохранилище не реконструируется по одному этому свидетельству. К главе 7.

7-8. Музей Москвы. *Панфилов — имя-легенда*. Выставочный материал. Преобразование 316-й дивизии в 8-ю гвардейскую и гибель Панфилова 18 ноября 1941 года. Материал использован для этих дат, не для проверки всех изложенных в нём боевых эпизодов. К главе 7.

7-9. Белобородов А. П. *Всегда в бою* / Литературная запись Н. С. Винокурова. М.: Экономика, 1984; текст по изданию Воениздата 1978 года. Выходные сведения электронной публикации. Глава «Боевое крещение», с. 3-8 по её страничной разметке. Число эшелонов, выгрузка с 28 октября и порядок сосредоточения — по воспоминаниям командира дивизии. Печатный экземпляр отдельно не сверялся. К главе 7.

7-10. Там же. Глава «Трудные рубежи обороны»: с. 56 — имя Валентина Лебедева, профессия и награда; с. 63-64 — положение дивизии и отход 25 ноября; телефонное распоряжение — с. 64, по разметке электронной публикации. В примечании 13 к рассказу о приказе указано: ЦА МО СССР, ф. 358, оп. 5916, д. 66, л. 70-71. Архивная ссылка приведена по мемуаристу; сами листы не получены и самостоятельно не сверены. Последовательность получения распоряжения и переправы изложена по Белобородову; срок 18:00 передаёт назначение командующего, а не независимо установленное время завершения отхода. К главе 7.

7-11. ЦАМО. Ф. 1674. Оп. 1. Д. 11. *Журнал боевых действий 354-й стрелковой дивизии с приложением карт*. Архивный шифр прочитан на обложке дела. Используются сканы опубликованного фрагмента: прибытие и выгрузка; начальные бои; потери за первую пятидневку и прохождение приказа 6 декабря; бой 7 декабря; продолжение записи за 7 декабря и 8 декабря; ночь на 9 декабря и последующие события. Сверены изображения, а не только подписи к ним. В записи за 8 декабря 1203-й полк ещё ведёт бои за Алабушево; под датой 9 декабря журнал сообщает о занятии его на рассвете. В тактическом разборе 1957 года указан исход 8 декабря. В

основном тексте сохранены дата и прямая атрибуция журналу; причина расхождения не установлена. Номера файлов подборки не являются архивными номерами листов. Цифры 148/445/238 относятся к записи за первую пятидневку, не к общим потерям за декабрь. Весь журнал за 1941–1942 годы не исследован. К главе 7.

7-12. Боевое распоряжение штаба 16-й армии от 2 декабря 1941 года, 22:40, командирам 7-й и 8-й гвардейских стрелковых дивизий. Скан. Указаны 159-й стрелковый полк, прибытие к 03:00 3 декабря, место встречи и обязанность командира 8-й гвардейской поставить задачу. Четыре часа двадцать минут — расчёт интервала между указанными в документе моментами; это не установленная продолжительность марша. На скане виден номер листа 126, полный шифр дела в публикации не приведён. К главе 7.

7-13. Боевой приказ № 2 штаба 1199-го стрелкового полка от 3 декабря 1941 года, 09:00. Первая страница, вторая страница. Используются задачи полка и батальонов, организация противотанковой обороны и готовность к контратаке. Названия Большие Ржавки и Савелки даны в принятом современном написании; рукопись использует сокращённые формы. К главе 7.

7-14. Оперативная сводка № 1 штаба 1199-го стрелкового полка к 03:00 4 декабря 1941 года. Скан. Сведения о переходе к обороне, переформировании третьего батальона, обстрелах и положении соседа. Сводка подтверждает состояние, о котором полковой штаб доложил к данному времени; её описание соседнего участка не подменяет документацию самого соседа. К главе 7.

7-15. Боевой приказ № 05/оп штаба 16-й армии от 6 декабря 1941 года, 11:00. Первая страница, вторая страница с подписями Рокоссовского, Лобачёва и Малинина. Проверены пункты 3, 6, 7 и 11; повторно сверён пункт 10: предварительную артподготовку не проводить, огневой налёт произвести с началом наступления пехоты и танков. Разбор Десятова и Горуна описывает 13-минутную предварительную подготовку и в изложении плана, и в рассказе о ходе боя. Документ, объясняющий отличие от армейского приказа, не получен. Причина расхождения остаётся открытой; продолжительность и фактический порядок огня в основном тексте не конкретизированы. На сканах видны номера листов 138–139; полный шифр дела по этой публикации не установлен. К главе 7.

7-16. Боевой приказ № 8 штаба 1199-го стрелкового полка от 6 декабря 1941 года. Первая страница, вторая страница. Направление наступления, задача полка и порядок действий батальонов сверены по рукописному тексту. Время в заголовке не воспроизводится из-за расхождения чтения скана с подписью публикатора. К главе 7.

7-17. Десятов Л. Л., Горун П. Н. *Бои 8-й гвардейской стрелковой дивизии по овладению узлом обороны противника в Крюково (7–8 декабря 1941 г.) // Прорыв подготовленной обороны стрелковыми соединениями: по опыту Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.* М.: Воениздат, 1957. С. 3–14.

Военная академия имени М. В. Фрунзе. Текст статьи; выходные сведения и описание основы сборника. Это послевоенный тактический разбор на архивной основе. Используются подготовка наступления, состав группы, ввод второго эшелона, освобождение Крюкова и ограниченный результат преследования. Численные оценки потерь противника не воспроизводятся. Расхождения с документами времени боя оговорены в примечаниях 7-11 и 7-15. Дополнительная опора для наступления за Крюково 8 декабря: *Из исторического формуляра 8-й гвардейской стрелковой (бывшей 316-й стрелковой) дивизии // Великая Отечественная война. 1941-1945: документы и материалы. Великая битва Великой войны. М.: Военная книга, 2016. Док. № 116. С. 123. Публикация. Указанный публикатором шифр: ЦАМО, ф. 1063, оп. 1, д. 2, л. 1-20. Сверено изображение печатной страницы; это сводный формуляр, не оперативная запись от 8 декабря. Он не устанавливает порядок огня 7 декабря и дату взятия Алабушева; для этих вопросов расхождения сохраняются. К главе 7.*

7-18. Музей Зеленограда, музейное объединение «Музей Москвы». *У деревни Матушкино. Рубеж 1941.* Материал. Перенос праха Неизвестного солдата из захоронения на 40-м километре Ленинградского шоссе в 1966 году. Принадлежность неизвестного воина к 354-й или иной конкретной дивизии не утверждается. К главе 7.

7-19. Василевский А. М. *Дело всей жизни.* Глава о Московской битве, с. 152-153 электронной публикации. Текст. Подготовка контрнаступления одновременно с оборонительными боями и начало действий разных фронтов. Даты 5-6 декабря относятся к общему развёртыванию операции; приказ 16-й армии задавал собственный срок. К главе 7.

Глава 8. Научиться побеждать

8-1. Рокоссовский К. К. *Солдатский долг.* 5-е изд. М.: Воениздат, 1988. Глава «Курский выступ», с. 191-192. Оценка ввода 70-й армии в бой и признание ответственности приводятся как свидетельство самого командующего. Текст. К главе 8.

8-2. Василевский А. М. *Дело всей жизни.* 3-е изд. М.: Политиздат, 1978. Глава «Между Доном и Волгой», с. 223: названия фронтов, их командующие и наименование операции «Уран»; глава «Победа в битве на Волге», с. 229-230: начало наступления Юго-Западного и правого крыла Донского фронтов 19 ноября, Сталинградского фронта — 20 ноября и замыкание окружения 23 ноября 1942 года. Подготовка операции; ход наступления. Страницы указаны по разметке электронной публикации. Используются воспоминания участника подготовки и проведения операции; архивным оперативным документом они не объявляются. См. также музейный материал в примечании 3. К главе 8.

8-3. Государственный историко-мемориальный музей-заповедник «Сталинградская битва». Зал № 6. *Начало коренного перелома в ходе Великой Отечественной войны. Контрнаступление советских войск под Сталинградом.* Даты начала заключительного наступления и прекращения

сопротивления двух группировок; отражение попытки деблокады. Материал экспозиции. К главе 8.

8-4. Батов П. И. *В походах и боях*. 3-е изд., испр. и доп. М.: Воениздат, 1974. Глава «Операция “Кольцо”», с. 243–244. Подготовка взаимодействия при боях за Казачий курган и взятие высоты 28 декабря переданы по воспоминаниям командарма. Для действий 173-й дивизии и 91-й танковой бригады также использован фрагмент о решающем штурме на с. 249–250 электронной публикации. Дата 28 декабря относится к взятию высоты, а не к отдельно датированному совещанию командиров. Эпизод относится к декабрьским боям перед январским наступлением. Текст. К главе 8.

8-5. Василевский А. М. *Дело всей жизни*. Раздел о подготовке Курской битвы, с. 303–306 электронной публикации. Обсуждение решения о преднамеренной обороне, совещание 12 апреля и создание резервного объединения. В тексте главы не перенесено на апрель более позднее наименование «Степной фронт». Текст. К главе 8.

8-6. Начало немецкого наступления 5 июля и распределение Центрального и Воронежского фронтов: Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи. «Огненная дуга. Хроника Курской битвы в фотографиях». Направление главного удара по 13-й армии, её командующий и бои на ольховатском и поныровском направлениях: Рокоссовский К. К. *Солдатский долг*, глава «Крах “Цитадели”». Для хода боёв 6 июля см. также оперативную сводку в примечании 8-17. Справочная статья РВИО из редакции 0.2 заменена доступными публикациями; её прежний адрес сохранён в протоколе изменений. К главе 8.

8-7. Начало Орловского наступления 12 июля и Белгородско-Харьковского 3 августа: музейная публикация «Герои Огненной дуги», сайт музеяпанорамы «Бородинская битва». Освобождение Харькова 23 августа и завершение Курской битвы: Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи, «Огненная дуга. Хроника Курской битвы в фотографиях». Используются только названные календарные сведения. Две справочные ссылки РВИО из редакции 0.2 сохранены в протоколе, но не заявлены как повторно прочитанные. К главе 8.

8-8. Рокоссовский К. К. *Солдатский долг*. Глава «Оба удара — главные», с. 250–252. Рассказ о споре в Ставке передан как мемуарное свидетельство, без воспроизведения диалога в качестве документальной стенограммы. Текст. К главе 8.

8-9. Директива Ставки ВГК № 220113 от 31 мая 1944 года командующему войсками 1-го Белорусского фронта. *Русский архив: Великая Отечественная. Т. 16 (5-4): Ставка ВГК. Документы и материалы. 1944–1945.* М.: ТЕРРА, 1999. С. 94. ЦАМО. Ф. 148а. Оп. 3763. Д. 139. Л. 212–213. Заверенная копия. Пункты 1, 2 и 4: направления двух ударов, использование подвижных войск и ответственность за стык. Текст документа. Дополнительно сверена печатная публикация: *Великая Отечественная война. 1941–1945: Документы и материалы. Т. VIII. Освобождение Белоруссии.* М.: Издательский центр «Ретроспектива», 2015.

№ 14. С. 61–62. ЭБИБД, изображения страниц. Просмотрены обе страницы; архивный шифр совпадает. Документ подтверждает утверждённый замысел, но не дословный разговор в Ставке и не исполнение приказа 24 июня. К главе 8.

8-10. Батов П. И. *В походах и боях*. Глава «Операция “Багратион”», с. 398–402 электронной публикации. Предварительное испытание гатей — с. 398–399; показ движения танков Рокоссовскому и Жукову — с. 401–402. Подготовка заболоченного участка и показ возможностей движения танков изложены по мемуарам командарма; воспоминание не подменено эпизодом художественного фильма. Текст. К главе 8.

8-11. Рокоссовский К. К. *Солдатский долг*. Глава «Разгром», с. 261–263. Завершающие бои за Бобруйск и овладение городом 29 июня 1944 года; действия 48-й армии и 354-й дивизии; постановка Ставкой следующей задачи 28 июня. Использованы с. 261–263 электронной публикации. Связь с главой 7 — редакционное сопоставление истории того же соединения; тождество личного состава двух периодов не утверждается. Численные оценки потерь и эмоциональные характеристики противника из мемуаров не воспроизводятся. Текст. К главе 8.

8-12. Рокоссовский К. К. *Солдатский долг*. Глава «Тиски сомкнулись», с. 157–158 электронной публикации: декабрьские атаки и изменение порядка захвата отдельных объектов. Текст. Использовано свидетельство командующего о тактическом приёме; оно не распространено на все атаки Донского фронта и не объявлено единственным способом действий. К главе 8.

8-13. Рокоссовский К. К. *Солдатский долг*. Глава «Конец вражеской группировки», начало главы и с. 179–180 электронной публикации. Текст. Изменение плана после передачи 2-й гвардейской армии, участие Воронова, представление плана 27 декабря, перегруппировки, подготовка опознавания и соединение войск 26 января. Описание взято из воспоминаний; отдельные оперативные приказы к этим эпизодам в данном проходе не исследованы. Числа потерь противника и оценка альтернативного использования армии не заимствованы. К главе 8.

8-14. Рокоссовский К. К. *Солдатский долг*. Глава «Крах “Цитадели”», с. 211–213 электронной публикации. Текст. Перенаправление 27-й армии, перемещение резервной дивизии 60-й армии, 9-го танкового корпуса и двух танковых полков 65-й армии; контрудар 6 июля. Все сведения атрибутированы командующему. Его вывод о выигранном времени не превращён в утверждение, будто один контрудар предопределил исход всей битвы. Численные оценки немецких сил не воспроизводятся. Замысел контрудара и донесённый результат отдельно сопоставлены с документами в примечаниях 8-16 и 8-17. Перенаправление 27-й армии, маршруты отдельных резервов и оценка выигрыша времени сохраняют статус мемуарного свидетельства; прочитанные документы не подтверждают автоматически каждую подробность этих эпизодов. К главе 8.

8-15. Батов П. И. *В походах и боях*. Глава «Операция “Багратион”», с. 403–406 электронной публикации. Текст. Командная игра, ускоренный вариант, демонстрация под Паричами, наступление 24 июня, проход 69-й дивизии и обеспечение движения тяжёлого вооружения. Фамилия инженера в электронном тексте встречается с OCR-искажениями; использована устойчивая форма «Швыдкой». Прямая речь, точная плотность артиллерии и поминутные темпы прокладки гатей не воспроизводятся. При оценке результата различаются подготовка путей до боя и их устройство и укрепление в ходе наступления. Эпизод прохода 24 июня прямо атрибутирован Батову. Журнал боевых действий 69-й дивизии или 65-й армии за этот день в данном проходе не прочитан. Донесение инженерных войск фронта от 27 июня о минных тральщиках (ЭБИД, узел 217707) относится к 3-й и 28-й армиям и не использовано как подтверждение этого эпизода. К главе 8.

8-16. Приказ командующего войсками Центрального фронта № 00370/оп от 5 июля 1943 года, 21 ч 25 мин, на нанесение контрудара. *Русский архив: Великая Отечественная. Т. 15 (4-4): Курская битва. Документы и материалы. 27 марта — 23 августа 1943 г.* М.: ТЕРРА, 1997. № 155. С. 155. ЦАМО. Ф. 62. Оп. 329. Д. 23. Л. 28. Печатная публикация в ЭБИД. Изображение страницы просмотрено. Приказ задаёт состав намеченного удара, подчинение и согласование; сам по себе он не доказывает одновременный ввод обоих танковых корпусов. К главе 8.

8-17. Оперативная сводка штаба Центрального фронта № 00283/оп от 6 июля 1943 года, 22 ч 00 мин. В том же сборнике. № 158. С. 157–160, особенно с. 158. ЦАМО. Ф. 226. Оп. 321. Д. 143. Л. 147–154. Печатная публикация в ЭБИД. Время контратаки, состав группы, продвижение и отход — по донесению штаба на конец дня. На с. 158 также отмечен выход с боем 676-го стрелкового полка из окружения и его присоединение к 15-й дивизии; это не основание приписывать контрудару спасение всех окружённых частей. Оценки потерь противника из сводки не заимствованы. Изображения с. 158 и 160 просмотрены; это проверка опубликованного документа, а не архивного оригинала. К главе 8.

Глава 9. Победа народа

9-1. Приказ Верховного Главнокомандующего № 370 от 22 июня 1945 года. *Приказы Верховного Главнокомандующего в период Великой Отечественной войны Советского Союза*. М.: Воениздат, 1975. С. 512. Дата парада, состав участников и распределение обязанностей. Текст. К главе 9.

9-2. Государственный музей Аушвиц-Биркенау. *Day of liberation*. Дата освобождения, принадлежность войск к 60-й армии 1-го Украинского фронта, около семи тысяч освобождённых в трёх основных лагерях. Оценка более 230 погибших советских военнослужащих относится к боям за лагерь и город Освенцим вместе. Материал музея. К главе 9.

9-3. Государственный музей Аушвиц-Биркенау. *First help*. Советские полевые госпитали, участие Польского Красного Креста, более 4500 пациентов из более чем двадцати стран; постепенное восстановление питания и спрятанный пациентами хлеб. Страница перечитана для редакции 0.2. Подробность не приписана конкретному неустановленному человеку. Материал музея. К главе 9.

9-4. Рокоссовский К. К. *Солдатский долг*. 5-е изд. М.: Воениздат, 1988. Глава «Одер — Эльба», с. 338-339, 346-347. Задачи трёх фронтов, сроки начала наступления и форсирование нижнего Одера переданы по воспоминаниям командующего. Для редакции 0.2 перечитан эпизод изменения срока начала действий 65-й армии, применения лодок и паромов и борьбы за дамбы (с. 346-347 электронной публикации). Самостоятельная сверка соответствующего приказа 65-й армии не выполнена. Текст. К главе 9.

9-5. Российское историческое общество. Подборка архивных документов «Берлинская операция (16 апреля — 2 мая 1945)». Описание подборки. Национальный архив США. *80th Anniversary of VE Day: End of WWII in Europe*. Различение актов капитуляции в Реймсе 7 мая и Берлине 8 мая. Архивная публикация. К главе 9.

9-6. Директива Ставки ВГК № 11072 от 20 апреля 1945 года о необходимости гуманного отношения к немецкому населению и военнопленным. ЦАМО. Ф. 148а. Оп. 3763. Д. 212. Л. 13. Подлинник. *Русский архив: Великая Отечественная. Т. 16 (5-4): Ставка ВГК, 1944-1945 гг.* М.: ТЕРРА, 1999. № 348. С. 229. Время: 20 ч 40 мин. Использованы предмет и дата документа; наличие директивы не представлено как доказательство её повсеместного исполнения. Карточка и изображение печатной страницы. Для редакции 0.3 просмотрено изображение с. 229 и прочитан полный текст трёх пунктов. Помета «Подлинник» относится к характеристике документа в сборнике; архивный лист непосредственно не просмотрен. Директива связывает изменение обращения с населением и пленными с уменьшением сопротивления; она также требует сохранить бдительность. К главе 9.

9-7. Новороссийский исторический музей-заповедник. «Капитуляция Японии». *Выставочный проект Музея Победы*. Использованы состав фронтов, имена командующих и участие монгольской армии. Материал выставки. Начало боевых действий и руководство Василевского — также по его воспоминаниям, см. примечание 8. Южно-Сахалинская и Курильская операции не включаются здесь в состав собственно Маньчжурской операции. К главе 9.

9-8. Василевский А. М. *Дело всей жизни*. Глава «На Дальнем Востоке». Подготовка кампании, изменение планового срока преодоления Большого Хингана, задача 53-й армии следовать за танковой армией, начало наступления 9 августа и положение к исходу шестых суток. Использованные фрагменты перечитаны; общая оценка расчленения Квантунской армии не означает, что к этому сроку прекратились все боевые

действия. Это свидетельство главнокомандующего советскими войсками на Дальнем Востоке. Текст. К главе 9.

9-9. Национальный архив США. *Japan Surrenders*. Акт капитуляции Японии от 2 сентября 1945 года, место подписания и состав союзных держав. Документ и пояснение. Хронология атомных бомбардировок и вступления СССР в войну: материал Национального архива. Раздел не устанавливает единственную причину решения японского руководства о капитуляции. К главе 9.

9-10. Штеменко С. М. *Генеральный штаб в годы войны*. Глава 16 «Победителям и героям», с. 270–271 электронной публикации. Участники торжества и последовательность начала парада переданы по воспоминаниям; подробности не оформлены как вымышленная сцена от лица автора книги. Текст. К главе 9.

9-11. Баграмян И. Х. *Так шли мы к победе*. Заключительная глава, рассказ о Параде Победы и сводном полке 1-го Прибалтийского фронта. Текст. К главе 9.

9-12. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 6 июня 1945 года «Об учреждении медали “За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.”». Текст документа. К главе 9.

9-13. Российское историческое общество. «*Двадцать восемь мгновений весны 1945-го*». *Немыслимое*. Использована только приводимая официальная оценка общих людских потерь СССР — 26,6 млн человек. Это округлённая оценка военных и гражданских потерь вместе, а не точный поимённый итог и не число боевых потерь. Публикация. К главе 9.

9-14. Музей Зеленограда, музейное объединение «Музей Москвы». «У деревни Матушкино. Рубеж»; «Там, где погиб Неизвестный Солдат». Происхождение праха из захоронения на 40-м километре Ленинградского шоссе и связь с мемориалом «Штыки». Первый материал; второй материал. Дата 3 декабря 1966 года и присутствие Жукова и Рокоссовского — историческая справка в опубликованном на портале Москвы акте историкокультурной экспертизы, с. 41. Документ. Принадлежность Неизвестного солдата к определённой части не утверждается. К главе 9.

9-15. *План организации тыла и материального обеспечения операции 6-й гвардейской танковой армии от 22 июля 1945 г.* // Генеральный штаб. Военно-научное управление. *Сборник боевых документов Великой Отечественной войны*. Вып. 23. М.: Воениздат, 1954. С. 59–64. Скан печатного сборника, DjVu; электронная транскрипция. Все шесть печатных страниц просмотрены для редакции 0.3 (кадры 79–84 файла). На с. 59 подтверждены 878 автомобилей в 2,5-тонном исчислении и четыре рейса до начала операции; на с. 60 — подача груза на 400 км к исходу четвёртого дня, порядок подвоза на пятый день и обеспечение продовольствием; на с. 61 — развёртывание госпиталей и эшелонирование медико-санитарных батальонов; на с. 63 — нехватка санитарного транспорта и использование порожняка. Расчётные величины не означают фактического парка или

исполненного объёма перевозок. На с. 64 напечатан шифр: ф. 210, оп. 20836сс, д. 5, лл. 15-20; архивный оригинал не просмотрен. Несогласованности ряда итогов присутствуют и в печатных таблицах: их нельзя считать только ошибками электронной транскрипции. Эти спорные суммы в главе не используются; для их разрешения требуется оригинал документа. Дата 22 июля взята из заголовка утверждения; редакционная сноска на с. 59 относит утверждение оперативного плана к 28 июля. Причина различия дат не установлена. К главе 9.

9-16. Из журнала боевых действий 5-го гвардейского танкового корпуса, записи за 10 и 11 августа 1945 года, в публикации: Небольсин И. В., Завизион Ю. Г. *Через Гоби и Хинган*. М.: Яуза, 2017. ISBN 978-5-906716-78-1. Запись за 10 августа; запись за 11 августа. Библиография сверена по каталогу РГБ. Прочитаны опубликованные выдержки, не полный журнал и не архивный скан. Использованы действия частей, буксировка машин, дорожные работы, остановка из-за топлива, дозаправка и выход к Лубэю. Точные координаты, расход одной заправки на отдельном отрезке и состав парка не обобщены на всю армию. В журнале указан выход к Лубэю в 18:30, в выписке из отчёта 20-й бригады — вступление передового отряда в 19:00; основной текст сохраняет общую дату 11 августа без выбора одной из минутных отметок. К главе 9.

9-17. Выписки из отчётов бригад 5-го гвардейского танкового корпуса // Небольсин И. В., Завизион Ю. Г. *Через Гоби и Хинган*. Текст выписок. Использованы сведения 20-й и 22-й гвардейских танковых и 6-й гвардейской мотострелковой бригад за период после выхода к Лубэю. Получение горючего на аэродроме не представлено как доказательство непрерывного движения всей армии или достаточности поставок каждого вида топлива. Не заимствованы неподтверждённые здесь сводные цифры тоннажа воздушного подвоза. Сканы исходных отчётов в данном проходе не просмотрено. К главе 9.

9-18. Министерство обороны Российской Федерации. 6-я гвардейская танковая армия, карточка воинского объединения на портале «Память народа». Карточка. Использована историческая справка о европейском боевом пути, летней переброске в МНР и включении в Забайкальский фронт. Табличный список должностей на странице ограничен датами европейской кампании; из него не выводятся звания командования на август. В тексте звание Кравченко не указано. К главе 9.

Глава 10. Сила, удерживавшая мир

10-1. ПО «Севмаш». *Первой атомной — 55 лет; На Севмаше заложили Капсулу времени в честь первой атомной подводной лодки*. Запись А. П. Александрова от 4 июля 1958 года и дата подписания приёмного акта К-3 — 17 декабря 1958 года. История первой атомной лодки; памятные даты строительства. К-3 не отнесена в тексте к стратегическим ракетноносцам. К главе 10.

10-2. Проект «История Росатома». Первая атомная бомба. Испытание РДС-1 на Семипалатинском полигоне 29 августа 1949 года и научное руководство И. В. Курчатова. Технические параметры устройства не воспроизводятся. Материал отраслевой истории. К главе 10.

10-3. Аксайский военно-исторический музей. *День ракетных войск стратегического назначения*, 17 декабря 2023 года. Используются сведения об организационном решении 17 декабря 1959 года. Современный состав и вооружение РВСН из публикации в главу не переносятся. Материал музея. К главе 10.

10-4. Госкорпорация «Ростех». *Зенитно-ракетный щит страны*. Поражение U-2 комплексом С-75 под Свердловском 1 мая 1960 года. Эпизод использован в пределах установленного результата; подробная реконструкция действий всех участвовавших подразделений не заявляется. Материал. К главе 10.

10-5. Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи, Варшава, 14 мая 1955 года. Преамбула; статьи 4, 5 и 8. Положения договора переданы как обязательства участников, без отождествления договорной нормы со всей практикой последующих отношений. Текст. К главе 10.

10-6. Office of the Historian, U.S. Department of State. *The Cuban Missile Crisis, October 1962*. Используются хронология обнаружения позиций и объявления «карантина», эпизод с U-2 27 октября, условия урегулирования и удаление ракет «Юпитер» из Турции в апреле 1963 года. Публикация представляет американскую дипломатическую историю; её оценочные формулировки о победителе кризиса не воспроизводятся. Материал. К главе 10.

10-7. *Foreign Relations of the United States, 1961–1963. Vol. V: Soviet Union*. Документ 333, редакционная справка о подготовке и подписании соглашения о прямой связи 20 июня 1963 года. В главе линия связи не названа прямым телефонным разговором руководителей. Публикация. К главе 10.

10-8. Office of the Historian, U.S. Department of State. *Strategic Arms Limitations Talks/Treaty (SALT) I and II*. Подписание Договора по ПРО и Временного соглашения 26 мая 1972 года. Временное соглашение не представлено как полный запрет роста числа ядерных боезарядов. Материал. К главе 10.

10-9. Российское историческое общество. *35 лет назад завершился вывод ограниченного контингента советских войск из Афганистана*. Материал по сведениям Министерства обороны России: решение 12 декабря, директива № 312/12/001 от 24 декабря, начало ввода 25 декабря 1979 года и расширение боевого участия в 1980 году. Публикация. Мотивы принятия решения не выводятся исключительно из его последствий; неподтверждённые подробности споров высших руководителей не воспроизводятся. К главе 10.

10-10. ООН. *The Geneva accords: agreements on the settlement of the situation relating to Afghanistan* (1988); *The situation in Afghanistan and its implications for international peace and security*, резолюция Генеральной Ассамблеи 44/15 (1989). Завершение вывода советских войск 15 февраля 1989 года и сохранявшаяся необходимость политического урегулирования. Женевские соглашения; резолюция. К главе 10.

10-11. Жильцов Л. М. *«Ленинский комсомол» штурмует полюс // Кораблигерои*. М.: ДОСААФ, 1976. Рассказ командира; выходные данные сборника. Прочитана электронная публикация. Учебный поход не назван боевым патрулированием стратегического ракетноносца. Прохождение под полюсом и всплытие в разводе разведены. Печатная страница не установлена; подписи к фотографиям не используются для уточнения координат. К главе 10.

10-12. Костев Г. Г. *Её называли К-3*. Авторская военно-морская историческая публикация. Использован пункт 10: испытание в декабре 1958 года продолжительностью 48 часов при ограничении мощности до 60 процентов, последующие ревизия и устранение замечаний. Полный ход в программе не отождествляется с полной проектной мощностью установки. Журнал испытаний отдельно не просмотрен. К главе 10.

10-13. *Боевой приказ 40 А № 042 от 10 ноября 1987 года* в публикации: Цыбульский И. И. Громов. Глава шестая «Операция «Магистраль»». Опубликованный текст приказа. Используются только документальный блок в начале главы, задачи частей, инженерное, авиационное, тыловое и медицинское обеспечение. Следующая за ним литературная реконструкция разговоров и мыслей командования не используется. Оригинал приказа, подписи и архивный шифр не установлены по скану; сведения атрибутированы публикации. В электронной передаче встречаются ошибки распознавания сокращений. Названия соединений раскрыты по смыслу и сопоставлению с рассказом командующего; спорные координаты, численность противника и ресурсы вылетов не заимствованы. Сатукандав — написание в приказе; в воспоминаниях Громова — Сатыкандав. Сроки и запасы в приказе означают задания, а не подтверждение их полного исполнения. Нормы пайков не сложены в утверждение о фактической автономности на 45 суток. К главе 10.

10-14. Громов Б. В. *Ограниченный контингент*. М.: Издательская группа «Прогресс» — «Культура», 1994. Раздел «Магистраль», с. 298–305. Скан издания; карточка; электронная транскрипция. Просмотрены изображения всех восьми страниц (кадры PDF 299–306) и титульные сведения. На с. 302 напечатано «К исходу 28 ноября»: «2 ноября» в транскрипции — ошибка передачи. На с. 303 указано возобновление действий 16 декабря; на с. 304 — участие 345-го полка, начало перевозок 30 декабря, возвращение последней порожней колонны 19 января и более 24 тысяч тонн грузов; на с. 305 — начало вывода 20 января. Январские даты относятся к 1988 году. Это свидетельство командующего; независимая транспортная сводка не просмотрена. Дневная дата овладения перевалом в основной текст не добавлена. К главе 10.

Глава 11. Жизнь в строю

11-1. Объединённый мемориальный музей-заповедник Ю. А. Гагарина. *История одной улыбки. В Оренбургском училище лётчиков*, 11 августа 2024 года. Учёба в 1955–1957 годах, освоение МиГ-15, диплом с отличием и заключение начальника училища В. Х. Макарова от 26 октября 1957 года; знакомство с Валентиной Горячевой. Материал музея. К главе 11.

11-2. Закон СССР от 12 октября 1967 года «О всеобщей воинской обязанности». Статьи 3, 10, 11, 13. Сроки приведены с различием категорий: двухлетняя служба распространялась и на береговые части и авиацию ВМФ; трёхлетняя — на корабли, суда, береговые части боевого обеспечения ВМФ и морские части пограничных войск. Рассматривается историческая редакция, а не действующее законодательство. Текст. К главе 11.

11-3. Устав внутренней службы Вооружённых сил СССР, утверждённый 30 июля 1975 года. Использована электронная публикация с изменениями по 26 апреля 1984 года, перечисленными в её заголовке. Год 1975 обозначает утверждение устава; публикация не представлена как неизменённый первоначальный текст. Статья 188: содержание распорядка дня, учебные занятия и сон. Норма не используется как статистическое доказательство её исполнения во всех частях. Текст. К главе 11.

11-4. Там же. Статья 132, обязанности командира взвода (группы, башни): знание личного состава, состояния подготовки, забота о быте и нуждах подчинённых. Сведения о человеке представлены как служебная обязанность командира, а не как гарантированно соблюдавшаяся практика. К главе 11.

11-5. Музей истории Оренбурга. *Дом-музей имени Юрия и Валентины Гагариных*. Мемориальная комната Горячевых, место свадьбы, восстановление обстановки по рассказам членов семьи. Описание экспозиции. Из этого музейного свидетельства не выводится типичность всех обстоятельств семьи Гагариных для офицерских семей. К главе 11.

11-6. Устав внутренней службы Вооружённых сил СССР 1975 года. Статья 56: приём военнослужащих и членов их семей по личным вопросам не реже двух раз в месяц. Ссылка на текст — в примечании 3. К главе 11.

11-7. Закон СССР от 12 октября 1967 года «О всеобщей воинской обязанности». Статья 16: воинский учёт, сборы и добровольный приём на действительную службу женщин 19–40 лет с медицинской или другой специальной подготовкой. Ссылка на текст — в примечании 2. К главе 11.

11-8. Дисциплинарный устав Вооружённых сил СССР, утверждённый 30 июля 1975 года. Электронный текст содержит изменения по 18 марта 1985 года. Статьи 4–5: требовательность, достоинство подчинённых, забота о них и поддержание уставных отношений. Текст. В карточке Викитеки одновременно указано издание 1982 года; его соответствие тексту с изменениями 1985 года не подтверждено сканом. Поэтому печатная

пагинация карточки не используется, ссылка дана на статьи электронной публикации. К главе 11.

11-9. Закон СССР от 25 декабря 1958 года «Об уголовной ответственности за воинские преступления», редакция от 15 декабря 1983 года. Статья 8: нарушение уставных правил взаимоотношений при отсутствии подчинённости, выразившееся в побоях или ином насилии. Формулировка поздней редакции не приписывается первоначальному тексту 1958 года. Текст исторической редакции. К главе 11.

11-10. Дисциплинарный устав Вооружённых сил СССР 1975 года, электронный текст с изменениями по 18 марта 1985 года. Статьи 124–126: ответственность за преследование в связи с жалобой, регистрация обращений и решений, проверка книги командиром части. Ссылка на текст — в примечании 8. Рассуждение о механизме сокрытия насилия является авторским анализом; количественная распространённость по этим нормативным документам не определяется. Ежемесячное представление книги для проверки по статье 126 не смешивается с внутренней проверкой состояния работы по обращениям не реже раза в квартал по статье 122. К главе 11.

11-11. Штаченко Н. Н. *Дневник военного преподавателя. Город Хмельницкий, 1978–2009 годы*. Ridero, 2019. ISBN 978-5-4496-1237-3. Раздел «Преподавательская работа в Алма-Атинском высшем пограничном командном училище». Открытый фрагмент издания. Использован ретроспективный рассказ преподавателя, не журнал занятий. Место эпизода установлено по тексту раздела, а не по подзаголовку книги. Пограничное училище не отнесено к системе Министерства обороны. На странице © 2019, в автоматически сформированной карточке — 2025; здесь указан год выходных данных текста. Печатная пагинация не установлена. К главе 11.

11-12. Михайлов С. В. *Воспоминания*. Москва, 2025. Начальный раздел о службе в ГСВГ в 1984–1989 годах. Публикация на сайте ветеранов 81-го гвардейского мотострелкового полка. Сайт размещения не означает, что описанный первоначальный опыт относится к 81-му полку: в тексте различены 82-й мотострелковый и 215-й танковый полки. Использовано личное свидетельство; расписания, журналы стрельб и личное дело офицера отдельно не просмотрены. Конкретный день выезда не придуман. Позднейшие события за рамками СССР из воспоминаний в эту главу не перенесены. К главе 11.

11-13. Лапцевич Н. В. *Наши жёны (Заметки о женщинах советского поколения)*. Включённый рассказ Нины Кузьминичны Лапцевич. Морская библиотека фонда имени Виктора Конецкого. Публикация. Прямая речь принадлежит Н. К. Лапцевич. Датировка начала работы сохранена как приблизительная по её воспоминаниям. Кадровые документы предприятия отдельно не просмотрены; условия этой семьи не распространены на все гарнизоны. В короткой цитате нормализован знак тире, слова сохранены. К главе 11.

Глава 12. Честь под сокращение

12-1. Закон СССР от 15 января 1960 года «О новом значительном сокращении Вооружённых Сил СССР», статьи 1–3. Текст документа. Цифра 1,2 миллиона обозначает предписанный масштаб сокращения всех военнослужащих, а не количество уволенных офицеров или итоговую статистику исполнения. К главе 12.

12-2. Карпов В. В. *Маршал Жуков: Опала*, раздел «Смерть Сталина»: сопоставление опубликованных свидетельств об аресте Берии, включая рассказ К. С. Москаленко. Текст. В главе использован только общий факт участия военных; спорные детали и версии о подготовке заговоров не воспроизводятся. К главе 12.

12-3. Постановление пленума ЦК КПСС от 29 октября 1957 года «Об улучшении партийно-политической работы в Советской Армии и Флоте» // *Правда*. 1957. 3 ноября. № 307; перепечатано в собрании «КПСС в резолюциях...». Электронная библиотека исторических документов. Формулировки документа рассматриваются как официальные обвинения, а не независимое доказательство их обоснованности. К главе 12.

12-4. Записка Н. С. Хрущёва в Президиум ЦК КПСС от 8 декабря 1959 года о дальнейшем сокращении Вооружённых сил СССР. Текст документа. Использована для установления заявленных мотивов и предложенного масштаба; содержащиеся в записке оценки ракетных возможностей не принимаются как независимая техническая экспертиза. К главе 12.

12-5. Доклад Р. Я. Малиновского и В. Д. Соколовского в ЦК КПСС от 3 января 1958 года, выдержки в документальной публикации «Никакой дурак сейчас с нами в штыки сходить не будет». Публикация документов. Приведены показатели предложения, а не отчёт об исполнении. В опубликованном фрагменте указано: «При проведении мероприятий высвободится до 40 000 офицеров». Это ожидаемый верхний предел высвобождения; он не равен установленному числу фактически уволенных. В редакции 0.3 соответствующая формулировка основного текста уточнена. Публикация: «Коммерсантъ Власть», 2 апреля 2012 года, № 13. К главе 12.

12-6. Трошев Г. Н. *Моя война. Чеченский дневник окопного генерала*. Раздел «От автора». Издательский фрагмент. Семейное воспоминание о Николае Николаевиче Трошове; не используется для статистических обобщений или медицинских выводов. К главе 12.

12-7. Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 20 января 1960 года № 74 «О трудоустройстве и материально-бытовом обеспечении военнослужащих, увольняемых из Вооружённых Сил СССР...», пункты 1, 2, 5, 10. Текст. Предписанные гарантии следует отличать от сведений об их фактическом исполнении. К главе 12.

12-8. Соловьёв Р. А. Реформа Вооружённых сил СССР в 1953–1964 гг. Проблемы социальной адаптации увольняемых военнослужащих // *Вестник Брянского государственного университета*. 2014. № 2. С. 140–145, данные

на с. 142–143 со ссылкой на публикацию «Сокращение Вооружённых Сил СССР в середине 50-х годов» в журнале «Военные архивы России» (1993. № 1). Полный номер журнала. Проценты относятся к офицерам, уволенным в течение 1958 года, по состоянию на 1 октября. Для редакции 0.3 просмотрены изображения с. 142–143. Оба процента приведены на с. 142; оценка трудоустройства и жилищного обеспечения продолжается на с. 143. В списке литературы статьи публикация «Военных архивов России» указана под № 4, с. 271–308; ссылка автора к рассматриваемому фрагменту — с. 306 этой публикации. Сам выпуск «Военных архивов России» и исходный документ Министерства обороны не просмотрены. К главе 12.

12-9. Соловьёв Р. А. Указ. соч. С. 143: изложение докладной записки В. Дутова и А. Белобородова от 2 марта 1960 года и последующего дополнения к мерам обеспечения. Сведения приведены по исследованию, а не по самостоятельно изученному архивному оригиналу. К главе 12.

12-10. ГАСПИТО. «Не забывай, Тамбов, суворовцев тех лет!», раздел о последнем выпуске: изложение приказа и акта расформирования по сборнику «Тамбовское СВУ. 1952–1960–2010. 11-й выпуск» (М., 2010). Выставка. Архивные оригиналы отдельно не изучались; приведённые категории описывают разные стадии кадровых решений. В разделе 16 выставки директива от 4 июля 1960 года приведена под № ОШ/5/290450. В перечисленных направлениях перевода сумма составляет 19 человек, тогда как общий итог откомандированных в том же изложении — 17. Причина расхождения без оригинала акта не установлена. В повествовании сохранён опубликованный итог, численная разбивка направлений не используется; это не восстановленный кадровый баланс. К главе 12.

12-11. «1960–1993 гг.» // Сайт выпускников Оренбургского высшего военного авиационного Краснознамённого училища лётчиков. История училища. Раздел опирается, в частности, на книгу И. С. Копылова, А. Н. Лазуркина и Г. Л. Райкина «Оренбургское лётное» (Воениздат, 1976). Использовано изложение на сайте, без самостоятельной проверки приказов. Оно подтверждает описанный путь передачи кадров и базы, но не даёт полного баланса увольнений. Фамилия соавтора исправлена по каталогу Российской государственной библиотеки: Лазуркин Александр Николаевич; на сайте выпускников она напечатана без буквы «р». Каталог подтверждает авторский состав и выходные данные книги, но не заменяет чтения её страниц. Печатный текст книги в этом проходе не просмотрен. К главе 12.

12-12. Постановление от 20 января 1960 года № 74, пункт 9: отдельное поручение об устройстве офицеров командного, инженерного и технического состава ВМФ и ВВС. См. источник к примечанию 7. К главе 12.

12-13. «Рокоссовский Константин Константинович» // *Большая советская энциклопедия*. Текст статьи. Использована для хронологии должностей в 1956–1962 годах. Общие сведения о возвращении из Польши также представлены в материале музея-заповедника «Сталинградская битва». К главе 12.

12-14. Голованов А. Е. *Дальняя бомбардировочная...*, заключительные оценки военачальников, характеристика К. К. Рокоссовского. Текст воспоминаний. Мемуарная характеристика убеждений отделена от документально установленной служебной хронологии. Причинная связь между конкретным разговором с Хрущёвым и переводом в апреле 1962 года в главе не утверждается. К главе 12.

12-15. Послевоенная биография: «Константин Константинович Рокоссовский», музей-заповедник «Сталинградская битва», разделы о службе в Польше в 1949–1956 годах, возвращении в СССР и смерти 3 августа 1968 года; урна помещена в Кремлёвской стене. Польская интерпретация: Marek Wierzbicki. *Sowietyzacja Europy Środkowo-Wschodniej 1944–1956*. Instytut Pamięci Narodowej, 19.09.2025. Текст статьи, абзац о Konstanty Rokossowski. Обе публикации прочитаны 12.10.2026. Оценка советизации атрибутирована автору польской статьи; она не объявляется общей позицией польского общества. Данные о замещительстве в польском правительстве по годам не используются: музейная формулировка не даёт достаточной точности. Рассуждения о границах благодарности и профессионального авторитета принадлежат автору книги. К главе 12; к главе 13.

Глава 13. Армия, за которую заставляли оправдываться

13-1. Медведева Л. *Женщина и армия // Знамя*. 1990. № 2. С. 150 и далее; свидетельство о гражданской одежде и отношении к форме — с. 151. Скан номера. Текст сверен с изображением страницы. Это современная событиям публицистика; автор не называет города и число таких обращений. Свидетельство не распространяется автоматически на всех офицеров и все гарнизоны. К главе 13.

13-2. Указ Президента СССР от 5 сентября 1990 года № УП-684 «О некоторых мерах по усилению социальной и правовой защиты военнослужащих», преамбула. Текст документа. Документ охватывает Вооружённые силы и ряд других воинских формирований; его положения не следует приписывать исключительно Советской армии. К главе 13.

13-3. Постановление Съезда народных депутатов СССР от 24 декабря 1989 года № 982-I «О политической оценке решения о вводе советских войск в Афганистан в декабре 1979 года», пункты 1, 3, 4 // Ведомости СНД СССР и ВС СССР. 1989. № 29. Ст. 582. Текст номера. В главе разграничены предмет политического осуждения и обязательства перед военнослужащими и семьями погибших. К главе 13.

13-4. Постановление Съезда народных депутатов СССР от 24 декабря 1989 года № 978-I по докладу комиссии о событиях в Тбилиси 9 апреля 1989 года // Там же. Ст. 578. Текст. Используются положения о разных уровнях ответственности и недостаточной законодательной регламентации. Глава не подменяет отдельного расследования обстоятельств гибели людей. К главе 13.

13-5. «О неотложных мерах в связи с усилением антиармейских проявлений в ряде регионов страны»: постановление Секретариата ЦК КПСС от 15 ноября 1990 года и записка Комиссии ЦК КПСС по военной политике партии // Известия ЦК КПСС. 1990. № 12. С. 20-23. Скан и распознанный текст. Сообщение о восьми курсантах — с. 22. Сведения атрибутированы комиссии; общая политическая оценка документа не превращена в характеристику населения республик. При проверке редакции 0.3 просмотрены изображения с. 20-23: постановление занимает с. 20-21, записка комиссии — с. 21-23. Число курсантов и месяц происшествия сверены с печатной с. 22; итог расследования нападения этим сообщением не установлен. К главе 13.

13-6. Там же. С. 22: сведения о прописке в Латвии и Эстонии, положении семей в западных областях Украины и просьбах о переводе. Это докладные сведения союзных органов, а не результат самостоятельного изучения всех местных административных дел. К главе 13.

13-7. Урманов К. «Моя служба в БВОКУ», часть 4, заключительные абзацы. 12 декабря 2024 года. Авторская публикация на сайте «Четвёртый батальон БВОКУ». Позднее свидетельство участника; автор оговаривает неточность памяти о датах, поэтому точный день операции в главе не назначен. К главе 13.

13-8. Урманов К. «Моя служба в БВОКУ», часть 5, рассказ об аэродроме Насосный и эвакуации. Авторская публикация. Короткая цитата передана дословно. Прибытие и размещение семьи изложены по сообщению, которое получил мемуарист; независимая проверка списков эвакуированных не заявляется. Обе части воспоминаний — один источник. К главе 13.

13-9. Конференция по разоружению. Стенографический отчёт CD/PV.486 от 14 февраля 1989 года, выступление представителя СССР Ю. Назаркина. С. 13; в составе сборника CD/956, Appendix II, Volume I. Русский текст в библиотеке ООН. Приведены параметры заявленной программы на 1989-1990 годы, а не подтверждённая этим выступлением итоговая численность сокращения. В сборном PDF титульный лист заседания находится в кадре 113, начало выступления — в кадре 124, печатная с. 13 — в кадре 125. Изображение с. 13 просмотрено: срок вывода и расформирования шести дивизий указан как «к 1991 году». К главе 13.

13-10. Соглашение между правительствами СССР и ФРГ о некоторых переходных мерах, Бонн, 9 октября 1990 года, статья 3, пункты 1-5. Официальная публикация правительства ФРГ. Положения переданы по немецкому тексту. Четыре миллиона квадратных метров — цель советской программы; 7,8 миллиарда марок — предусмотренный германский вклад, а не отчёт о расходах или заселении. К главе 13.

13-11. Ответ правительства ФРГ на парламентский запрос о выводе Западной группы советских войск и выполнении соглашений октября 1990 года. Deutscher Bundestag, Drucksache 12/1064, 15.08.1991; ответ направлен 13 августа. Раздел II, ответы 2 и 10, с. 8, 10. Официальный документ. Использованные места сверены со сканом. Изложение и перевод с

немецкого; оценка договорной связи сроков атрибутирована германскому правительству. К главе 13.

13-12. Указ от 5 сентября 1990 года № УП-684, преамбула и пункты 1, 6. См. источник к примечанию 2. Наличие предписания о защите отделено в тексте от оценки его исполнения. В преамбуле сообщение об участвовавшем физическом воздействии относится к военнослужащим, выполняющим задачи по охране общественного порядка. Эта оговорка восстановлена в основном тексте; следующее сообщение о нападениях с целью завладения оружием дано в указе отдельным предложением. К главе 13.

Глава 14. Как разобрали армию

14-1. Приказ министра обороны СССР от 21 августа 1991 года о возвращении войск в пункты постоянной дислокации, пункты 1-4. Текст документа. Использован опубликованный текст приказа; изложенные в его преамбуле оценки выполнения задач не приняты за независимую оценку событий. К главе 14.

14-2. Сообщение Центральной комиссии референдума СССР об итогах голосования 17 марта 1991 года. Текст сообщения. 76,4 процента — доля положительных ответов среди принявших участие в голосовании, а не среди всех граждан. Условия проведения в республиках различались; в Казахстане вопрос имел иную формулировку, а результаты были включены комиссией в общий итог. К главе 14.

14-3. «Заявление советского руководства», опубликованное в связи с образованием ГКЧП // Правда. 1991. 20 августа. Текст. Используются состав комитета и заявленные им цели. Ссылки авторов заявления на Конституцию не служат самостоятельным доказательством правомерности их действий. К главе 14.

14-4. Постановление Верховной Рады Украины от 24 августа 1991 года № 1431-ХІІ «Про військові формування на Україні» // Ведомости Верховной Рады. 1991. № 38. Ст. 506. Текст на украинском языке. Пункты 1-3 пересказаны по оригиналу. Нормативное требование о подчинении не отождествляется с одновременным фактическим переходом всех частей. К главе 14.

14-5. Результаты Всеукраинского референдума 1 декабря 1991 года: 28 804 071 положительный ответ, 90,32 процента участников. Справка о голосовании. Используются дата, предмет вопроса и результат, без переноса историко-политических оценок публикатора в авторский текст. К главе 14.

14-6. Соглашение о создании СНГ от 8 декабря 1991 года: преамбула, статья 6 и статья 14 с подписями. Прекращение Союза передано как констатация подписантов; наличие документа не служит самостоятельным доказательством соблюдения всех конституционных процедур. К главе 14.

14-7. Постановление Верховного Совета РСФСР от 12 декабря 1991 года № 2014-I «О ратификации Соглашения о создании Содружества Независимых Государств», пункты 1-3; подпись председателя Верховного Совета Р. И. Хасбулатова. Текст. Показано распределение поручений, содержащееся в постановлении; исполнение каждого последующего акта отдельно не реконструируется. К главе 14.

14-8. Протокол совещания глав независимых государств, Алма-Ата, 21 декабря 1991 года. Текст. Командование поручалось маршалу Е. И. Шапошникову до решения вопроса о реформировании Вооружённых сил. К главе 14.

14-9. Указ президента СССР М. С. Горбачёва от 25 декабря 1991 года № УП-3162, пункт 1. Опубликованный текст. Передана формулировка указа о сложении полномочий Верховного Главнокомандующего и передаче права на применение ядерного оружия. Техническая процедура передачи управления и весь последующий режим согласования ядерных решений этим документом не устанавливаются. К главе 14.

14-10. Декларация Совета Республик Верховного Совета СССР от 26 декабря 1991 года № 142-Н в связи с созданием СНГ. Текст. Документ приведён как акт прекращения деятельности союзного государственного центра; отдельный вывод о соблюдении всех конституционных процедур на его основании не делается. К главе 14.

14-11. Соглашение Совета глав государств — участников СНГ о Вооружённых силах и пограничных войсках от 30 декабря 1991 года, пункты 1-2. Текст. Дата 3 января 1992 года указана в документе применительно к Украине; она не означает, что создание украинских военных органов началось только тогда. К главе 14.

14-12. Соглашение об Объединённых вооружённых силах на переходный период от 20 марта 1992 года, статьи 1-5. Текст. Соглашение подписали семь государств; его положения не распространяются автоматически на все бывшие республики СССР. К главе 14.

14-13. Указ президента Российской Федерации Б. Н. Ельцина от 7 мая 1992 года № 466 «О создании Вооружённых Сил Российской Федерации», пункты 1-3. Текст документа. Учтены оговорки о стратегических силах, войсках за рубежом и временном использовании структур бывшего союзного военного управления. К главе 14.

14-14. Указ президента Украины Л. М. Кравчука от 5 апреля 1992 года № 209 «Про невідкладні заходи по будівництву Збройних Сил України», пункт 2. Текст первоначальной редакции от 5 апреля 1992 года на украинском языке. В оригинале — «тимчасово передаються»: перечень кораблей и частей, временно передаваемых в оперативное подчинение, подлежал согласованию. В редакции 0.3 устранена формулировка «временно остававшихся», которая могла создать впечатление, будто документ лишь сохранял уже существовавшее подчинение. Предписание не

отождествляется с его немедленным исполнением всеми частями. К главе 14.

14-15. Указ президента Российской Федерации Б. Н. Ельцина от 7 апреля 1992 года № 375 «О переходе под юрисдикцию Российской Федерации Черноморского флота», пункты 1–3. Опубликованный текст. Различены российская юрисдикция, подчинение главнокомандующему ОВС СНГ и поручение о переговорах. Указ не представлен как доказательство фактического перехода всего флота. К главе 14.

14-16. Указ президента Российской Федерации от 9 апреля 1992 года № 379 «О Государственной делегации Российской Федерации для переговоров о Черноморском флоте», пункт 1: текст. Указ президента Украины от 10 апреля 1992 года № 235 «Про делегацію України на переговори з Російською Федерацією», пункт 2: текст. Российское решение приостанавливало указ № 375; украинское — пункт 2 указа № 209 в части, касавшейся Черноморского флота. Это приостановление на время переговоров, а не окончательная отмена обоих указов целиком. К главе 14.

14-17. Чернавин В. Н. Флот в судьбе России. Отрывок, опубликованный под заголовком «По живому...»: архивная копия публикации, фрагмент о СКР-112, начинающийся словами «Пиковым событием». Шифровка И. В. Касатонова известна здесь в передаче мемуариста, а не по отдельно проверенному архивному подлиннику. Оценки добровольности решения экипажа и подробности силового противодействия не приняты за независимо установленные факты. К главе 14.

14-18. Кожин Б. «Корабль СКР-112 — легенда українського військового флоту»: архивная копия публикации. Под авторской подписью указано «Січень, 2002 р.» — январь 2002 года. На странице стоит дата размещения 10 июля 2008 года; она отделена от авторской датировки текста. Использованы рассказ Кожина и приведённое им свидетельство Н. Жибарева, с сохранением их авторства. Это взгляд участников на украинской стороне; обвинения в адрес оппонентов не перенесены в повествование как доказанные факты. К главе 14.

14-19. Соглашение между Российской Федерацией и Украиной о принципах формирования ВМФ России и ВМС Украины на базе Черноморского флота бывшего СССР, Ялта, 3 августа 1992 года, статьи 1–4, 8. Текст. Это решение о принципе раздела и временном порядке управления, а не акт завершённой передачи всех кораблей и объектов. К главе 14.

14-20. Закон СССР от 3 декабря 1991 года № 124-Н «О реорганизации органов государственной безопасности», статьи 1–3. Текст. Сопоставление с армией касается изменения юрисдикции, разделения функций и утраты общего государственного основания, а не тождества задач двух институтов. К главе 14.

Глава 15. Что осталось от присяги

15-1. Соглашение между Российской Федерацией и Украиной о принципах формирования ВМФ России и ВМС Украины на базе Черноморского флота бывшего СССР, Ялта, 3 августа 1992 года, статьи 3-4, 6, 8-9. Текст. Статья 6 относится к призываемым военнослужащим; она не устанавливает обязательной повторной присяги для всего ранее служившего состава. К главе 15.

15-2. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 10 июня 1947 года «Об утверждении текста военной присяги и Положения о принятии военной присяги» // Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР. 1938 г. — июль 1956 г. М., 1956. С. 187-189. Текст. Нравственное понимание верности после прекращения СССР — авторская позиция, а не утверждение о действии прежнего законодательства сегодня. К главе 15.

15-3. Соглашение между государствами — участниками СНГ о социальных и правовых гарантиях военнослужащих, лиц, уволенных с военной службы, и членов их семей, Минск, 14 февраля 1992 года, статьи 1-4. Текст. Рассматриваются обязательства, принятые в 1992 году; их наличие не служит доказательством повсеместного исполнения. К главе 15.

15-4. См. главу 2 «Выбор Родины» и её источники. Обращение к бывшим офицерам, опубликованное в «Правде» 30 мая 1920 года, воспроизведено в предисловии В. В. Мавродина к изданию: Брусилов А. А. Воспоминания. М.: Воениздат, 1963. С. 11-12: публикация. Возвращение Б. М. Шапошникова к военной службе: Шапошников И. Б. «Основные даты жизни и деятельности Б. М. Шапошникова», записи за январь-май 1918 года, в издании 1974 года: хронология. Хронология указывает увольнение в марте 1918 года, поступление секретарём народного суда в апреле и добровольное вступление в Красную армию 22 мая. Сопоставление этих решений с обстоятельствами 1991-1992 годов — авторский анализ, а не утверждение о тождестве двух эпох. К главе 15.

15-5. Соглашение о порядке пенсионного обеспечения военнослужащих и их семей и государственного страхования военнослужащих государств — участников СНГ, Ташкент, 15 мая 1992 года, статьи 1-3. Редакция 1992 года. Приведён исторический порядок, не инструкция по современному назначению пенсий. К главе 15.

15-6. «Офицерские курсы “Выстрел” будут расформированы к декабрю» // Интерфакс. 24 сентября 2009 года. Сообщение. Источник — заявление представителя военного ведомства агентству; оно подтверждает объявленное решение и планируемый срок, а не точную дату завершения всех организационных мероприятий. К главе 15.

15-7. Исаенко А. И. «„Выстрел“ голосует за мир» // Независимое военное обозрение. 19 ноября 2020 года. Раздел «На новом месте»: текст. Исаенко представлен в публикации как подполковник в отставке и ветеранмиротворец с 1973 года. Используются сведения о переносе подготовки в Наро-Фоминск и его собственном участии во встрече с

выпускниками. Публикация не заменяет штатных документов о судьбе всех преподавателей и не устанавливает состояние учебного центра на сегодняшний день. К главе 15.

15-8. Пальчиков Н. «„Выстрел“ — на все времена» // Красная звезда. 21 ноября 2018 года: доступная перепечатка с указанием автора и издания. По ведомственной публикации, Центр подготовки руководящего состава соединений создан во исполнение директивы от 19 мая 2015 года; 12 января 2016 года его прежний состав переформирован в инспекцию Сухопутных войск, добавлены командование, учебно-методический отдел и инспекции ВКС, ВМФ, РВСН, ВДВ. Определение «правопреемник» атрибутировано газете; подлинник директивы, передаточные акты, полный кадровый состав и учебные программы в этой проверке не изучены. К главе 15.

15-9. Источник эпизода — предоставленный для работы над книгой корпус «ИСТОРИЧЕСКАЯ РОССИЯ. Консолидированная редакция 1-165», материал № 74 «Наш класс поселили на действующих офицерских курсах», разделы «Нас привезли туда», «Самоволка», «Кто платит за нарушение». В исходном тексте это воспоминание участника школьной команды о подготовке к финалу «Орлёнка» летом 1982 года. В главе дан пересказ в третьем лице; самостоятельное присутствие рассказчицы книги при эпизоде не заявляется. Дата и обстоятельства приводятся по предоставленному свидетельству, без добавленной прямой речи. Календарные отметки будущих публикаций в рабочем корпусе не являются датами состоявшегося выхода. К главе 15.

15-10. «Музей ратной и трудовой славы “Выстрел”» — описание истории открытия и экспозиции. Материал. Дата открытия — 10 декабря 2011 года; приведены названные в описании участники возрождения музея. Общие количественные оценки числа выпускников не используются. К главе 15.

15-11. Закон РФ от 14 января 1993 года № 4292-1 «Об увековечении памяти погибших при защите Отечества». Карточка и текст. В главе указан факт принятия закона; позднейшие поправки не переносятся в описание первоначальной редакции. К главе 15.

15-12. Соглашение об увековечении памяти о мужестве и героизме народов государств — участников Содружества Независимых Государств в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов. Душанбе, 3 сентября 2011 года. Статья 5, абзац второй. Реестр документов СНГ, № 3151. Полный текст на сайте Исполнительного комитета СНГ. Положение о взаимном информировании о захоронениях и памятниках и об обмене именными списками и другими персональными данными погибших сверено непосредственно с текстом соглашения. Исполнение обязательств по отдельным объектам здесь не оценивается. К главе 15.

Эпилог

е1. Исторические опоры начала эпилога: «Парад Победы» — электронная выставка Музея Победы; «Константин Константинович Рокоссовский» — виртуальная выставка музея-заповедника «Сталинградская битва». Подробные источники военной биографии, истории Неизвестного солдата и решений о разделе Вооружённых сил приведены в соответствующих главах книги. Оценка ареста и возвращения в строй — авторское прочтение, не установленное этими биографическими источниками причинное объяснение. Эпилог завершает авторское размышление и не вводит новых биографических сцен или реплик. К эпилогу.

е2. Постановление Верховной Рады Украины № 1431-ХІІ от 24.08.1991 — ¹⁴⁻⁴; Соглашение о создании СНГ от 8.12.1991, статьи 6 и 14 — ¹⁴⁻⁶. Формулы о передаче армии и недостаточности общего военно-стратегического пространства без единого источника верховной власти — вывод автора из сопоставления документов, а не цитаты правовых актов. К эпилогу.

е3. Перенесение праха Неизвестного солдата 3 декабря 1966 года и присутствие Жукова и Рокоссовского: источники и границы установленного изложены в ^{примечании 9-14}. Имя и принадлежность погибшего к конкретной дивизии в книге не устанавливаются. К эпилогу.

Е. Именной указатель

Указатель относится к основному тексту, без фамилий, встречающихся только в библиографических описаниях. Номера глав, пролог и эпилог ведут к соответствующим разделам. Имена даны в объёме, позволяющем различить названных в книге лиц; инициалы не раскрываются без опоры. Однофамильцы разделены. Упоминания исследователей в повествовании включены наравне с другими именными упоминаниями.

Имя	Главы
Александров, Анатолий	10
Алексеев, Дмитрий	7
Аскалепов, Василий	8
Ащеулов, Олег	1
Баграмян, Иван	4, 9
Батов, Павел	8, 9
Баторский, Михаил	4
Белобородов, Афанасий	7
Берия, Лаврентий	12
Богданов, Михаил	6
Болдин, Иван	4
Брусилов, Алексей	1, 2, 15
Бурбулис, Геннадий	14
Василевский, Александр	4, 6, 7, 8, 9
Вежицкий, Марек	12
Ватутин, Николай	8

Имя	Главы
Вацетис, Иоаким	3
Вельяминов, Сергей	4
Волошнюк, С.	15
Воронов, Николай	6, 8
Ворошилов, Климент	5
Врангель, Пётр	2
Гагарин, Юрий	11
Гагарина (Горячева), Валентина	11
Галкин, генерал	2
Голованов, Александр	12
Горбачёв, Михаил	14
Горун, П. Н.	7
Грабин, Василий	5
Громов, Борис	10
Давыдов, Геннадий	11
Дацюк, В.	15
Дегтярёв, Василий	4, 5
Десятов, Л. Л.	7
Дзержинский, в названии академии	5
Драгунский, Давид	15
Другов, П. И.	6
Ельцин, Борис	14
Ерёменко, Андрей	4, 8
Жибарев, Николай	14

Имя	Главы
Жильцов, Лев	10
Жуков, Георгий	Пролог, 1, 4, 6, 8, 9, 12
Зиновьев, Георгий	3
Иоффе, Абрам	5
Исаенко, Анатолий	15
Кавтарадзе, А. Г.	2
Какурин, Николай	3
Каменев, Сергей	2, 3
Караев, Георгий	1
Карбышев, Дмитрий	4
Кардашов, Владислав	4
Касатонов, Игорь	14
Кебич, Вячеслав	14
Кеннеди, Джон	10
Киличенков, Алексей	6
Кириллов, М. Г.	7
Кобзарев, Юрий	5
Кожин, Борис	14
Коленберг, Лазарь	2
Колесников, конструктор	4
Колчак	3
Косарева, Наталья	13
Кочнев, Сергей	11
Кравченко, Андрей	9

Имя	Главы
Кравчук, Леонид	14
Кривулин, В.	15
Крючков, Владимир	14
Куйбышев, Валериан	2
Курчатов, Игорь	10
Лапцевич, Нина	11
Лебедев, Валентин	7
Лошкарев, Герман	13
Макаров, Василий	11
Малиновский, Родион	9, 12
Маслов, Алексей	6
Медведева, Людмила	13
Мерецков, Кирилл	6, 9
Михайлов, Г. М., командир дивизии	7
Михайлов, Сергей, мемуарист	11
Морозов, преподаватель «Выстрела»	4
Москаленко, Кирилл	12
Назаркин, Юрий	13
Наполеон	1
Настенко, Сергей	14
Никель, Александр	13
Новицкий, Фёдор	3
Панфилов, Иван	7
Пауэрс, Фрэнсис	10

Имя	Главы
Пуркаев, Максим	9
Пухов, Николай	8
Ревякин, генерал	7
Рожанский, Дмитрий	5
Рокоссовский, Константин	пролог, 1, 3, 4, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15, эпилог
Слащёв, Яков	2, 4, 15
Соколовский, Василий	12
Соловьёв, Рустам	12
Сталин, Иосиф	6, 7, 12
Суворов, Александр	1
Тарасов, Сергей	7
Телегин, Константин	8
Тимофеев, Рюрик	10
Тимошенко, Семён	6
Токарев, Фёдор	4
Трошев, Геннадий	12
Трошев, Николай	12
Урманов, Камиль	13
Устинов, Дмитрий	10
Фёдоров, Владимир	4, 5
Федюнинский, Иван	6
Филатов, Николай	4, 5
Фокин, Витольд	14

Имя	Главы
Фрунзе, Михаил	2, 3, 4, 7
Хасбулатов, Руслан	14
Хаханьян, Григорий	4
Хрущёв, Никита	12
Цыбульский, Игорь	10
Чернавин, Владимир	14
Черняховский	8
Чуйков	8
Шапошников, Борис	1, 2, 15
Шапошников, Евгений	14
Шпагин, Георгий	5
Штаченко, Николай	11
Штеменко, Сергей	9
Штерн, Григорий	6
Шушкевич, Станислав	14
Элиава, Шалва	2
Энвальд, Михаил	4
Язов, Дмитрий	14
Яковлев, Михаил, командир танковой бригады	6
Якубовский, Иван	8

Неизвестный солдат — Пролог, 7, 9, 15, Эпилог. Сквозной образ книги, включённый отдельно от именных статей.